

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

ТипЛ

Журнал входит в РИНЦ

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2

Выпуск 3, № 2, 2017

Номер посвящается памяти выдающегося фонетиста, профессора Л. В. Бондарко

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (США)

Буркин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Ермакова Людмила Витальевна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)

Пирогова Марина Андреевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакционной коллегии:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

ThAL

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2

Volume 3, Issue 2, 2017

The Issue is dedicated to the memory of an outstanding phonetician, professor L. V. Bondarko

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region,
Russian Federation, Zip Code 675027

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Ludmila V. Ermakova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Marina A. Pirogova Associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland).

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Publisher Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 811.512.212, 81.34
UDC 811.512.212, 81.34

Булатова Надежда Яковлевна
Институт лингвистических исследований РАН
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Nadezhda Ya. Bulatova
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
St-Petersburg, Russian Federation
bulatovany@gmail.com

**ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭПОХУ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА)***
**LINGUISTIC PROCESSES IN THE ERA
OF COMMUNITY TRANSFORMATION
(BASED ON THE EVENKI LANGUAGE)**

Аннотация

В современном обществе роль этничности в возрождении интереса к национальному языку повышается. Смена уклада жизни и упадок этнообразующих отраслей приводят к утрате национального языка через разрушение национальной культуры. В такой ситуации находятся многие языки малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Ситуацию усугубляет отсутствие школьных учебников на местных диалектах, которые существенно отличаются друг от друга, зачастую приводя к проблемам языковой коммуникации. Эвенкийский язык – не исключение. Современная образовательная система, в которой одна реформа сменяет другую, не способствует усилению позиций родных языков. Остаётся надеяться, что новый государственный образовательный стандарт даст повышенную мотивацию учителям эвенкийского языка для наполнения его содержательной основой. При поддержке Министерства образования и культуры Амурской области учителя должны осваивать инновационные технологии, принимать активное участие в составлении программ, учебников по родному языку и традиционной культуре. Однако основная надежда повысить жизнеспособность национальных языков возлагается на их 30–40-летних носителей, которые должны сделать свой язык основным средством общения в семье.

Abstract

Modern society is characterized by an increased role of ethnicity in rekindling the interest to the national language. The departure from traditional lifestyle triggered by degradation of ethnos-forming handicraft result in the loss of national language and culture. Many language minorities of the North, Siberia and the Far East of Russia find themselves in such a critical situation. These languages are comprised by a multitude of dialects and local accents whose differences often prevent their speakers from understanding each other. By not taking these differences into account, modern education system, in which one reform follows another,

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

contributes into deteriorating situation. The Evenki language is the one that has been suffering those consequences. There is hope that the new educational standard will highly motivate teachers of the Evenki language to fill it with an appropriate content. Supported by the Ministry of Education and Culture of the Amur Region, Evenki teachers will master innovative technologies, participate in building the curriculum and designing coursebooks in native language and culture. However, the major hope to boost language minorities vitality is placed on 30-40-year-old ethnos representatives who ought to make their native language a major means of communication in the family.

Ключевые слова: этнос, эвенкийский язык, национальное содержание языка, фольклор, жизнеспособность, билингвизм.

Keywords: ethnos, the Evenki language, national content of the language, folklore, vitality, bilingualism.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_5_19

1. Введение

Этническое возрождение – один из признаков современного общества. Оно заключается в значительном повышении роли этничности в общественных процессах, возрождении интереса к этнической идентичности, языку, культуре, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей интеграции и глобализации экономической и социально-политической жизни.

Пробуждение и всплеск этнических процессов затронул и коренные малочисленные народы Севера. В настоящее время Север представляет собой сложную, противоречивую картину как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов, которые, в конечном счёте, привели к упадку духовности нравственных устоев, ценностных ориентаций, к нарушениям этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС).

Ю. В. Бромлей подчёркивал, что «На протяжении своего существования каждый этнос практически перманентно подвергается этноэволюционным изменениям. При этом решающая роль остаётся за диахронными связями, ибо только межпоколенная передача инноваций придаёт им традиционность и относительную устойчивость, которая столь необходима для выполнения любым компонентом этноса своих функций» [Бромлей, 1983, с. 234]. Если мы обратимся к современному состоянию самоидентификации различных этнических групп эвенков, то обнаружим широкое поле для осмысления этнических процессов.

2. Состояние эвенкийского языка

В России в настоящее время различные группы эвенков, расселившиеся в результате кочевого образа жизни по огромной территории Сибири и Дальнего Востока, тем не менее, представляют один единый народ. Иную картину мы наблюдаем в Китае. Под этнонимом «эвенки» здесь, со-

гласно правительственному постановлению 1951 года, объединены три группы эвенков: эвенки-солоны (ewonki), эвенки-тунгусы (tungus) и эвенки-якуты (jakut). Отдельным этносом выделены орохоны (oronchon, ogochon) – ближайшие родственники эвенков Амурской и Читинской областей, которые раньше часто называли себя орохонами.

КМНС, занимающиеся традиционными видами хозяйственной деятельности, продолжают сохранять выработанный веками стереотип поведения, свою культуру и язык. Большая же часть народов Севера полностью перешла на оседлый образ жизни и стала осваивать другие поведенческие навыки, нехарактерные для своих народов. Многие представители этих народов приобрели другие профессии, практически полностью поменяли свой традиционный образ жизни, при этом к настоящему времени стали терять свой родной язык, культуру, но все-таки продолжают сохранять элементы своей культуры. Некоторые представители эвенкийского этноса переехали по разным причинам в города, интегрировались в другую культуру и живут по нормам поведения других этносов. Подобная тенденция прослеживается у всех народов Севера. Так, по данным переписи 2002 года [Всероссийская ..., 2002], из 41302 ненцев сельское население составляло 33458 человек, городское – 7844 человека; из 35527 эвенков сельское население – 26951 человек, городское – 8576 человек.

Таким образом, выработанные за многие века особые адаптационные формы развития жизни подверглись разрушению. Почти все представители народов Севера стали носителями не только родной, но и русской культуры, освоили русский язык и языки других народов, например, эвенки – якутский, бурятский и другие языки и так далее. В результате чего мы теряем «свое лицо», как скажут эвенки: «*Эвэнки эвэнкивэ=кэт элчэ урэрэ*», а для представителей другого народа мы «не свои», мы чужие.

Смена уклада жизни, в результате которой этнообразующие отрасли производства большинства народов Севера приходят в упадок, разрушение института семьи, который отвечает не только за численность (сохранение) этноса, но и несёт большую социальную нагрузку по передаче мировоззрения, жизненного уклада, традиций и так далее, неизбежно ведёт к разрушению этнической целостности и самобытности, что приводит к снижению этнического самосознания и утрате национального языка. В основном, изучение национального языка происходит в только школах. А. Л. Арёфьев считает «серьёзной проблемой в учебном процессе отсутствие школьных учебников на местных диалектах. Например, в школах северных районах Амурской области, где местные эвенки говорят на селемджинском и джелтулакском диалектах, оказываются бесполезными имеющиеся учебники по изучению языка эвенков Подкаменной Тунгуски (Красноярского края), которого в Амурской области никто не понимает» [Арёфьев 2014, с. 447].

3. Национальный язык, мышление и окружающий мир человека

Впервые на национальное содержание языка и мышления обратил внимание В. Фон Гумбольдт [Гумбольдт, 1985, с. 324]: различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия, и именно язык

оказывает влияние на формирование системы понятий и системы ценностей. Позже Л. Вайсгербер ввёл понятие «языковая картина мира» (далее – ЯКМ), определив следующие основные характеристики ЯКМ [Вайсбергер, 1993].

1. ЯКМ – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка.

2. ЯКМ, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а, с другой, является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития.

3. ЯКМ как единый «живой организм» чётко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений и так далее. Другими словами, ЯКМ обуславливает суммарное коммуникативное поведение, понимание внешнего мира природы и внутреннего мира человека и языковую систему.

4. ЯКМ изменчива во времени и, как «любой организм», подвержена развитию.

5. ЯКМ создаёт однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового, а значит и культурного её своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка.

6. ЯКМ существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передаётся последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатлённые средствами языка.

7. Картина мира какого-либо языка и есть та своеобразная сила языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка.

8. ЯКМ конкретной языковой общности и есть её общекультурное достояние.

Язык формирует взгляд на мир. Например, анекдоты о чукчах, конечно же, сформировали определённое мнение общества о представителях данного этноса.

Грамматика языков во многом универсальна, она абстрактна и формирует личность. Например, в английском языке есть только одно местоимение 2 лица – *you* (мн. ч.), – а в русском их два – *ты* и *вы* (ед. ч. и мн. ч. соответственно). В русском языке и английском языках по одной форме 1 лица множественного числа – *мы* и *we*, а в эвенкийском языке две формы 1 лица множественного числа – *мит* (включающая) и *бӯ* (исключающая). Это есть отражение разных миров. Или употребление местоимения в вежливой форме вместо ты в русском, что не свойственно эвенкам. И таких примеров можно привести много.

Категория одушевлённости/неодушевлённости в русском языке отделяет всё живое человека и животных, в одну категорию, а в языке эвенков нет

этой грамматической категории, а есть другое деление: человек и всё остальное (одушевлённое и неодушевлённое). Однако при этом одушевляются все предметы: каждый листочек, каждое дерево, река, гора и так далее – всё имеет свою душу. Природа для эвенков живая, именно поэтому все эвенки бережно относятся к ней. Это делает эвенков более эмоциональным. Таким образом, через язык передаётся особое эвенкийское мировоззрение.

В. А. Аврорин и Б. В. Болдырев писали: «Как свидетельствуют исследования частей речи в самых различных, родственных и неродственных, языках, части речи, при всём своём своеобразии в языках различных типов, выступают как наиболее общие и универсальные явления в грамматической системе языков. Нельзя назвать ни одного языка, в котором не было бы, например, существительного и глагола, прилагательного и наречия. Общеграмматические значения частей речи, безусловно, связаны с общечеловеческими формами и законами мышления, отразившимися в наиболее существенных явлениях языковой системы» [Аврорин, Болдырев, 2001, с. 51].

Язык как лакмусовая бумага отражает наш менталитет. Язык с рождения начинает формировать нашу наследственность, этническую культуру. Вспомним эвенкийские пословицы, поговорки, запреты (*одё* или *иты* в эвенкийском языке) и так далее. Все это оставляет в душе человека определённый культурный след. Язык – это зеркало, которое показывает мир, восприятие человека. Язык отражает мир в человеке и человека в окружающем его мире.

4. Жизнеспособность языков – прогнозы и реальность

Язык силен. По поводу многих языков малочисленных народов Севера исследователи уже давно предсказывали неизбежную гибель, например, Иохельсон более ста лет тому назад об этом писал по поводу юкагирского языка, В. А. Аврорин – относительно других языков в середине XX века. Однако время показало немалую жизнеспособность целого ряда таких языков.

4.1. Фольклор как средство поддержания жизнеспособности языка

Активной формой духовной культуры является фольклор, в котором отражены наши традиционные представления об окружающем мире, различные стороны материальной культуры и искусства, нормы поведения, исторические знания. Фольклор, особенно у северных народов, имеет мировоззренческую функцию: в нём через выработанную систему взглядов из поколения в поколение выражено отношение человека к окружающей его действительности, себе подобному и самому себе. С этими знаниями человек сталкивается ежедневно. Устное народное творчество до сих пор имеет выраженную функциональность и связано с практической деятельностью человека. Это очень важно для народов, не имеющих письменности, так как, в основном, только фольклор донёс до нас эти традиционные знания. Являясь устойчивой формой, фольклор сохраняет богатство

языка. К. В. Чистов [Чистов, 1986, с. 287] писал: «... можно сказать, что для ранних стадий развития человечества фольклор – это все формы духовной культуры, связанные с языком, выраженные речевыми средствами или – в том числе и речевыми средствами коммуникации». Только в фольклорных текстах можно сегодня найти эвенкийские слова *самнар*, *тутэкэн* 'меч', *уткэн* 'пальма', *мэдэ* 'десяток', *дылматми* 'драться головами' (древний способ борьбы, когда два богатыря стоят, расставив ноги, упёршись лбами, держа руки за спиной и толкают друг друга).

Легенды, мифы, героический эпос сохранили представления эвенков об окружающем мире, космической модели мира. Они, как и многие другие народы Севера, считают, что существует три мира: *Угу буга* 'Верхняя земля', *Дулин Буга* 'Средняя земля' и *Хэргу Буга* 'Нижняя земля'. Вот такой представляется земля у эвенков в героическом эпосе.

*«Вот давным-давно говорят, появились эти три мира,
подобные чутким ушам годовалого дикого оленя.
После этого наш Средний мир расстилался с кумалан,
А небо-мать растекалось с доньшко берестяного короба.
Долго ли так было, не знаю, недолго ли так было, не знаю.
Если теперь Среднюю землю-мать хорошо рассмотреть, –
такой широкой стала эта земля, что восемь стерхов-птиц,
летая вокруг восемь лет, не находили её края.
Девять серых журавлей, летая подряд девять лет,
не находили её конца,
Такой огромной стала эта земля...»*

Из легенд мы узнаём о происхождении солнца, неба, созвездий, звёзд. Например, в записанных нами от информантов-эвенков Амурской области текстах *Чолбон* Венера является местом перехода из Среднего мира в Верхний мир, ковш созвездия Большой Медведицы является следами лося-самца, Млечный путь – следы от лыж *суксилла*.

До настоящего времени оленеводы-охотники Амурской области во время кочевий и охоты проводят обряды, связанные с кормлением огня (эвенки говорят *имтыми* 'покормить огонь'). Огонь – это хранитель очага, благополучия. Кроме того, традиционные обряды являются неотъемлемой частью традиционного праздника «Бакалдын». Читая тексты, мы узнаем, в каких случаях и для чего нужно проводить этот обряд. Фольклорные тексты, описывающие обрядовые традиции, помогают восстановить былые традиции. Так эвенки в разных районах своего проживания восстановили по различным источникам и стали постоянно проводить праздники «Икэнипкэ» и «Бакалдын».

Обрядовые тексты находят подтверждение и в писаницах. Авторы вступительной статьи к серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» отмечают взаимосвязь устного поэтического творчества с обнаруженными наскальными рисунками. Они пишут: «В писаницах нашли отражение не только обряды, связанные с охотой на дикого зверя,

но и космогонические представления древних людей. Это подтверждается изображениями ‘солнечного’ лося, змей и другими рисунками, которые хорошо расшифровываются на основании легенд и преданий коренных народов Сибири» [Эвенкийские ..., с. 21].

До настоящего времени представители старшего поколения и люди, занимающиеся оленеводством и охотой, продолжают сохранять культ огня и обряд «хулгавун» – приношение дара духам гор, тайги, реки чаще всего в виде разноцветных полосок из ткани, которые привязываются на деревья, или что-то из продуктов питания, папиросы, конфеты и тому подобное. Приведём текст, записанный Г. И. Варламовой по поводу перехода через реку в пос. Тура от Е. А. Курейской: «Матушка, на ту сторону свою переправь. Тебе дали, подарили, хорошо нас переплавь» [Варламова, 2002, с. 136]. Или во время охоты: «*Салэй, Салэй! Сюда поверни добычу, за гольцами находящуюся. К нам поближе приведи! Подари, пожертвуй. Сицкэн* (удача – Н. Б.) *сюда направь*» [Варламова, 2002, с. 137].

Такие малые жанры устного творчества эвенков, как *иты* 'закон' и *одё* 'табу, запрет' сохранили в кратких лаконичных выражениях мировоззрение и религию. Например, в каждой семье эвенков скажут: *Амтылви одённокол* 'Почитай родителей своих'; *Ухава бэели эңнэкэл гунэ, мэнмэс бокондеңон* 'Плохое о человеке не говори, самого догонит'; *Буга бунэвэн борчивкил* 'То, что земля дала, нужно делиться' и так далее.

Приведём в пример переводы нескольких одё, связанных с почитанием огня.

*Не бросай в огонь острые предметы, а то поранишь дух огня (бабушку).
Не бросай в огонь свежий тальник, а то будет щипать глаза бабушке.
Не плюй в огонь, бабушка накажет: на губах и языке появятся раны.*

Нижеследующие одё связаны с охотой.

Бэюнмэ вадяңав, гуннэ, экэл сокатта, бэюн этэн эмэрэ
'Нельзя хвастать, что убьёшь зверя, зверь не придёт'.

Амака гирамналван экэл нодура, нэкуду нэкэл
'Кости дедушки (медведя) не разбрасывай, в лабаз положи'.

Приведём несколько запретов-табу, записанных профессором В. И. Цинциус [Цинциус, 1982, с. 110] от негидальцев, которые сейчас занимаются рыболовством:

*«карась» говорить нельзя, «плоский» говорят;
«сом» говорить нельзя, «надутая челюсть» говорят;
если плывёшь по большому озеру, когда рыба играет (плещется),
«играет» говорить нельзя, «листья падают» говорить надо.*

В фольклорных текстах мы находим много наименований предметов традиционной культуры и искусства, утраченных в настоящее время. Таким образом, фольклор, сохраняя язык, выполняет созидательную функцию. «Как фольклор не может существовать и развиваться без языка, так и язык не может рассчитывать на своё спасение без фольклора, в котором за многие века скопился почти весь арсенал языковых средств, прошедших длительный процесс фильтрации и отбора их наиболее жизнеспособных сил, выразительных и изобразительных возможностей. Нужно спасать и то, и другое одновременно» [Эвенкийские ..., 1990, с. 59].

Песенные жанры сохранили для потомков напевы колыбельных песен, свадебные песни, шаманское песнопение. Особо нужно сказать о распространении песен-плясок, которые отличаются друг от друга в зависимости от региона их распространения как мелодией, так и движениями [Айзенштадт, 1995]. Н. Н. Николаева выделила песенное творчество шаманки М. П. Кульбертиновой. Она пишет: «... пение для шаманки служило сакральным языком для установления духовного контакта с высшими силами. Оно явилось знаком племени и рода. Она поёт не только на людях, выражая свои мысли и чувства, но и часто для себя... Особо ценно в творческом наследии М. П. Курбельтиновой сакральное пение – древний пласт эвенкийской культуры» [Николаева, 2006, с. 9].

4.2. Языковые меньшинства в современном мире

Мы не можем изменить огромный мир вокруг нас. Традиционная картина мира изменилась. И это означает, что нужно меняться нам самим как этносу, сохраняя всё то ценное, что выработали наши предки. Этнические интересы являются важнейшей движущей силой поведения и деятельности людей. Мы являемся свидетелями того, как попытки ущемить этнические интересы расцениваются нами, чаще всего, как покушение на жизненно важные устои.

В формировании каждой этнической культуры важную роль играет язык этноса, который способствует и поддерживает чувство групповой идентичности. Язык сохраняет историческую память нашего народа, наши традиционные знания. Язык – одна из важнейших черт и ценностей этничности.

Данные о языках и этнической идентичности присутствуют в той или иной степени во всех переписях. Сохранность языков является особой проблемой любого государства. В отношении языков коренных малочисленных народов Севера России она наиболее актуальна.

Проанализируем результаты Всероссийской переписи 2002 г. [Всероссийская ..., 2002], в которой имеются данные о владении этническим языком, что отсутствует в переписи 2010 г. [Всероссийская ..., 2010]. Мы рассмотрели общую численность народов, городское и сельское население отдельно, так как фактор «городской / сельский» влияет на степень владения родным языком, степень владения родным и русским языками.

Т а б л и ц а 1. Численность малочисленных народов России по переписи 2002 года

Народы	Всего	Городское население	Сельское население	Владеют русским	Владеют языком, кроме русского
Алеуты	540	172	368	536	175
Вепсы	8240	4624	3616	8235	5753
Водь ¹	73	56	17	71	
Долганы	7261	1334	5927	6757	4865
Ижорцы	327	177	150	323	
Ительмены	3180	1194	1986	3173	385
Камчадалы	2293	1297	996	2291	
Кереки	8	4	4	8	
Кеты	1494	406	1088	1489	485
Коряки	8743	2765	5978	8607	3019
Кумандинцы	3114	1704	1410	3106	1044
Манси	11432	5919	5513	11332	2746
Нанайцы	12160	3702	8458	12111	3886
Нганасаны	834	165	669	825	505
Негидальцы	567	164	403	564	147
Ненцы	41302	7844	33458	36695	31311
Нивхи	5162	2483	2679	5145	688
Орочи	686	338	348	684	257
Сойоты	2769	252	2517	2459	
Саамы	1991	853	1138	1988	787
Селькупы	4249	786	3463	4200	1641
Тазы	276	110	166	276	
Теленгиты	2399	115	2284	2030	
Телеуты	2650	1142	1508	2646	1892
Тофалары	837	138	699	829	378
Тубалары	1565	150	1415	1562	436
Тувинцы-тоджинцы	4442	7	4435	3559	

¹ Здесь и далее в таблице 1 отсутствие всех данных говорит о том, что эти народы вошли в перепись впервые.

Окончание таблицы 1

Народы	Всего	Городское население	Сельское население	Владеют русским	Владеют языком, кроме русского
Удэгейцы	1657	425	1232	1653	227
Ороки (ульта)	346	201	145	344	64
Ульчи	2913	564	2349	2905	732
Ханты	28678	9924	18754	27900	13568
Челканцы	855	135	720	842	539
Чуванцы	1087	366	721	1081	
Чукчи	15767	3402	12365	15325	7742
Чулымцы	656	54	602	656	270
Эвенки	35527	8576	26951	33426	7584
Эвены	19071	6116	12955	17787	7168
Энцы	237	51	186	231	119
Эскимосы	1750	557	1193	1722	1750
Юкагиры	1509	685	824	1456	604

Как видно из представленной сводки, все народы Севера усвоили русский язык. При этом нужно отметить, что почти всё коренное население владеет языком соседствующих народов, превосходящих его по численности, что также влечёт за собой потерю своего этнического языка. Ведь сохранность языков зависит от численности народа – чем меньше их численность, тем меньше процент владения родным языком. По фактору «сельский / городской» обнаруживается следующая тенденция: чем больше численность сельского населения, тем выше знание родного языка и наоборот.

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., число эвенков, владеющих родным языком в Амурской области, составляло 717 человек или 48,2% от общего количества, что является высоким показателем по сравнению с другими языками. Знание русского языка эвенками амурской области составляет 99,8% [Арефьев, 2014, с. 381]. Между тем, согласно данным анкетирования О. Н. Морозовой, 50-летние представители селемджинского говора эвенкийского языка ещё обладают навыками связной речи на эвенкийском языке, в то время как селемджинские эвенки младше 45 лет уже не говорят на родном языке, хотя знают много отдельных эвенкийских слов, используемых в традиционной хозяйственной деятельности [Морозова, 2015, с. 75].

Двуязычие (билингвизм), а в ряде случаев и многоязычие не должны рассматриваться как отрицательный фактор. Многие представители северян, особенно метисы, из-за незнания родного языка боятся идентифицировать себя со своими народами. Это глубокое заблуждение. Эвенком, ненцем, энцем, юкагиром можно быть и не зная языка. Таковы условия времени. Однако нельзя допускать, чтобы сфера применения родного языка сужалась и дальше. Это может привести к необратимому процессу окончательной утраты родного языка. Мы стоим на критической границе. Г. В. Быкова [Быкова, 2005], занимающаяся в последние годы исследованием эвенкийского языка в Амурской области, отмечает, что современное состояние традиционной культуры и языка эвенков, проживающих в трёх районах Амурской области, однозначно определяется как глубоко кризисное. С 1994 года наметилась устойчивая тенденция к сокращению численности коренного населения. Уровень владения языком и активность использования письменности катастрофически падают. Уходят из жизни последние носители древних говоров этого уникального языка. Многие обряды и традиции, веками связанные с оленеводством, охотой, рыболовством, утрачиваются безвозвратно.

Не способствует усилению позиций родных языков и современная образовательная система, в которой в последние годы одна реформа сменяет другую. Хотя нужно отметить, что лишь в рамках школьного образования что-то делается для сохранения родных языков. В этом году вводится новый государственный образовательный стандарт, поэтому учителям эвенкийского языка предстоит огромная работа по наполнению содержательной стороны предлагаемого стандарта. Учителя родных языков и культур должны осваивать новые инновационные технологии, принимать активное участие в составлении программ, учебников по родному языку и традиционной культуре. Министерству образования и культуры области нужно проводить семинары, мастер-классы, необходимо наладить контакты с другими регионами для обмена опытом, проводить плановую подготовку и переподготовку специалистов по родному языку и традиционной культуре и так далее. Кроме того, следует провести мониторинг социолингвистической ситуации, чтобы определиться по каким программам вести обучение родному языку.

К сожалению, мы не уверены, что в ближайшее время может кардинально улучшиться государственная политика в деле сохранения наших языков, поэтому основным двигателем, на наш взгляд, может быть только ориентация самих народов на сохранение своих языков. И здесь мы возлагаем большую надежду на семью и на поколение 30-40-летних северян. Если родной язык станет средством общения в семье, станет средством передачи уникальной традиционной культуры, то появится возможность приостановить процесс утраты родных языков. Сохранить родной язык сегодня могут только сами народы, а для этого нужно говорить на родном языке в семье, передавая его детям, общаться на нём с друзьями и коллегами. Язык является одним из критериев этноса, поэтому сохранение языков

предполагает сохранение этносов. При этом нужно учесть, что язык и культура любого народа являются достоянием мировой культуры. И если какой-либо этнос исчезнет, это непременно повлечёт за собой негативные последствия и для мировой цивилизации.

В деле сохранения языков следует опираться и на международные документы, ратифицированные нашим государством. Это, прежде всего, документы Комиссии ООН по правам человека (ратификация 18 мая 2001 года), Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (ратификация 18 мая 1998 года), Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ратификация 19 марта 2001 года).

В 1996 году ЮНЕСКО выпустило первый атлас исчезающих языков, в котором более 3000 языков обозначены как исчезающие. В 2003 году группой экспертов выделены 9 факторов, влияющих на жизнеспособность языка [Ханифа Мезуи, 2009, с. 36–37]:

- преемственность поколений;
- абсолютное количество говорящих на языке;
- пропорция и соотношение говорящих к общему количеству населения;
- изменения в сфере использования языка;
- отклик на новые сферы деятельности и средства массовой информации;
- доступность материалов для языкового образования и грамотности;
- отношение Правительства, государственных институтов и политики, включая статус языка и его использование;
- отношение самих членов сообществ к своему родному языку;
- тип и качество документирования, документации.

Если проанализируем ситуацию с КМНС по этим факторам, то, к нашему большому сожалению, ни по одному из них мы не можем считать состояние дел удовлетворительным.

Только демонстрируя свою самобытность, свои исторические, культурные, языковые и другие особенности – то, что принято называть аутентичностью – можно сегодня вести борьбу за свои социальные и политические права.

5. Заключение

Таким образом, этничность – главный ресурс малочисленных этносов в решении социальных проблем в условиях смены уклада жизни и упадка этнообразующих отраслей. Поскольку язык является одним из критериев этноса, сохранение языков предполагает и сохранение этносов. Знание родного языка необходимо и для того, чтобы с уважением относиться к своей истории, ценностям, по достоинству оценить важность традиционных навыков. Если национальный язык станет средством общения в семье, то укрепится механизм передачи уникальной традиционной культуры и появится возможность приостановить процесс утраты национальных языков КМНС в частности и коренных малочисленных народов в целом.

Список литературы

1. Аврорин, В. А. Грамматика ороцкого языка [Текст] / В. А. Аврорин, Б. В. Болдырев. – Новосибирск, 2001. – 400 с.
2. Айзенштадт, А. М. Песенная культура эвенков [Текст] / А. М. Айзенштадт. – Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1995. – 288 с.
3. Арэфьев, А. Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность [Текст] / А. Л. Арэфьев. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. – 488 с.
4. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 418 с.
5. Быкова, Г. В. Лакуны в языковой картине мира амурчан (лингвистический аспект межэтнической коммуникации) [Текст] / Г. В. Быкова // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. – Вып. 2 / под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2005. – С. 25–31.
6. Вайсбергер, Й. Л. Язык и философия [Текст] / Й. Л. Вайсберг // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 114–214.
7. Варламова, Г. И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора [Текст] / Г. И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 376 с.
8. Всероссийская перепись населения 2002 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=44> (дата обращения 20.05.2017).
9. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 20.05.2017).
10. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
11. Морозова, О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийском языке [Текст] / О. Н. Морозова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 1. – С. 74–85.
12. Николаева, Н. Н. Песенное творчество М. П. Курбельтиновой [Текст] / Н. Н. Николаева. – Новосибирск : Наука, 2006. – 95 с.
13. Ханифа Мезуи. Исчезающие языки: международный взгляд [Текст] / Ханифа Мезуи // Родные языки коренных малочисленных народов Российской Федерации в системе российского образования. – Якутск, 2009. – С. 36–37.
14. Цинциус, В. И. Негидальский язык. Исследования и материалы. [Текст] / В. И. Цинциус. – Л.: Наука, 1982. – 314 с.
15. Чистов, К. В. Народные традиции и фольклор [Текст] / К. В. Чистов. – Л., 1986. – 303 с.
16. Эвенкийские героические сказания / сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 392 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

References

1. Avrorin, V. A., Boldyrev, B. V. (2001). *Grammatika orochojskogo yazyka* [The Orochen Grammar]. Novosibirsk.
2. Ayzenshtadt, A. M. (1995). *Pesennaya kul'tura evenkov* [Song culture of the Evenks]. Krasnoyarsk Books Press.
3. Arefev, A. L. (2014). *Yazyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniya: istoriya i sovremennost'* [The languages of the native minorities of the North, Siberia and the Far East in education system: History and present times]. Moscow : Social Prognosis and Marketing Center Press.
4. Bromley, Yu. V. (1983). *Ocherki teorii etnosa* [The outline of the theory of ethnos]. Moscow : Nauka Press.
5. Bykova, G. V. (2005). Lakuny v yazykovoy kartine mira amurchan (lingvisticheskiy aspekt mezhetnicheskoy kommunikatsii) [Lacunae in the linguistic picture of the world of the Amur Region residents (Linguistic aspect of inter-ethnic communication)]. In Yu. A. Sorokin, G. V. Bykova, *Lakuny v yazyke i rechi* [Lacunae in language and speech]. Collection of scientific papers (Vol. 2, pp. 25–31). Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
6. Vaysberger, Y. L. (1993). Yazyk i filosofiya [Language and philosophy]. *Topics in the Study of Language*, 2, 114–214.
7. Varlamova, G. I. (2002). *Epicheskie i obryadovye zhanry evenkiyskogo fol'klora* [Epic and ceremonial genres of the Evenki folklore]. Novosibirsk : Nauka Press.
8. Russian census. (2002). Retrieved May, 20, 2017 from <<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=44>>.
9. Russian census. (2010). Retrieved May, 20, 2017 from <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm>.
10. Gumbol'dt V. fon. (1985). *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and culture Philosophy]. Moscow : Progress Press.
11. Morozova O. N. (2015). Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki peredneyazychnogo glukhogo smychnogo /t/ v evenkiyskom yazyke [Articulatory and acoustic features of the fore-lingual voiceless plosive consonant /t/ in the Evenki language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1, 1, 74–85.
12. Nikolaeva, N. N. (2006). *Pesennoe tvorchestvo M. P. Kurbel'tinovoy* [Songs of M. P. Kurbel'tinova]. Novosibirsk : Nauka Press.
13. Khanifa Mezui. (2009). Ischezayushchie yazyki: mezhdunarodnyy vzglyad [Endangered languages: International view]. *Rodnye yazyki korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii v sisteme rossiyskogo obrazovaniya* [Native Language Minorities of the Russian Federation in the Education System] (pp. 36–37). Yakutsk.
14. Tsintsius, V. I. (1982). *Negidal'skiy yazyk. Issledovaniya i materialy* [The Negidal language. Research and materials]. Leningrad : Nauka Press.

15. Chistov, K. V. (1986). *Narodnye traditsii i fol'klor* [Peoples' traditions and folklore]. Leningrad.
16. Evenkiyskie geroicheskie skazaniya [Evenki Heroic tales], compiled by A. N. Myreeva. (1990). In: *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore Monuments of Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Siberian Department of Nauka Press.

УДК 81'33
UDC 81'33

Ляксо Елена Евгеньевна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Elena E. Lyakso
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: lyakso@gmail.com

Фролова Ольга Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Olga V. Frolova
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation
e-mail: olchel@yandex.ru

**АНАЛИЗ ТЕКСТОВ РЕЧИ «ВЗРОСЛЫЙ – РЕБЁНОК»,
«ВЗРОСЛЫЙ – ВЗРОСЛЫЙ» ПРИ НОРМАТИВНОМ
И АТИПИЧНОМ РАЗВИТИИ ИНФОРМАНТОВ**

**ANALYSIS OF «ADULT-CHILD» AND «ADULT-ADULT»
SPEECH TEXTS PRODUCED BY INFORMANTS WITH TYPICAL
AND ATYPICAL DEVELOPMENT**

Аннотация

В работе представлены данные статистического и семантического анализа текстов речи детей и взрослых в процессе взаимодействия с родителями и экспериментатором. Проведён анализ текстов речи матерей, обращённой к младенцам и детям первых трёх лет жизни, речи типично развивающихся детей, детей с синдромом Дауна, расстройствами аутистического спектра, взрослых с атипичным развитием и речи экспериментатора, взаимодействующего с ними. Выявлены различия по количеству значимых и уникальных слов в текстах речи информантов разных групп и частотности употребления слов, отражающих эмоциональное состояние. Показано расширение лексикона ребёнка и лексического эмоционального пространства через взаимодействие с взрослым.

Abstract

The paper presents data on statistical and semantic analysis of speech texts produced by children and adults interacting with their parents and an experimenter. Mothers' speech addressed to infants and children of the first three years of life was analyzed. Speech of typically developing children, children with Down syndrome and autism spectrum disorders, adults with atypical development, and experimenter interacting with them was investigated. Differences between the groups in the number of significant and unique words in texts and in the frequency of words reflecting the emotional state were revealed. The expansion of the child's lexicon and lexical emotional space through the interaction with an adult was shown.

Ключевые слова: статистический анализ текста, эмоциональные слова, материнская речь, речь детей типично развивающихся, речь детей и взрослых с атипичным развитием.

Keywords: statistical text analysis, emotional words, maternal speech, speech of typically developing children, speech of children and adults with atypical development.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_20_47

1. Введение

Речевое развитие ребёнка, начиная с довербального периода, во многом определяется особенностями вокально-речевого взаимодействия в диаде «мать – ребёнок» и характеристиками материнской речи (далее – МР) обращённой к ребёнку. Существование во многих культурных традициях особого «материнского» языка рассматривается как естественная предпосылка познания ребёнком окружающего мира и основа для приобщения его к социальным и культурным ценностям данного социума [Соколова et al., 1999]. В англоязычной литературе для обозначения феномена МР используется термин «motherese», который отражает феномен МР, отличающийся по временной структуре и просодике от речи взрослого человека (см., напр., [Stern et al., 1983]). МР обладает универсальными чертами независимо от того, на каком языке она реализуется [Ferguson, 1979].

Конец 20 столетия ознаменовался бумом работ по изучению характеристик МР, обращённой к младенцам, преимущественно первых месяцев жизни [Ляксо, 2002 ; Челибанова et al., 2002 ; Fernald, 1989 ; Sunberg, 1995 ; Kuhl et al., 1997], её значения для овладения ребёнком основами родного языка. Позже внимание исследователей было обращено и на характеристики речи отцов, обращённой к младенцам (напр., [Бедная, Ляксо, 2011]). Несмотря на некоторые противоречия в отношении роли МР, ряд исследователей данного феномена [Fernald, 1985 ; Fernald, Simon, 1984 ; Kuhl et al., 1997] сходятся во мнении, что основными её функциями на ранних этапах развития ребёнка являются: создание комфортного состояния у младенца, обучение его начальным коммуникативным навыкам, подстройка под параметры детского голоса. К концу первого года жизни ребёнка МР выполняет обучающую функцию, передавая информацию о грамматике и синтаксисе [Ляксо et al., 2003 ; Fernald, 1989 ; Kemler-Nelson et al., 1989]. Указывают, что МР может быть адаптирована к коммуникативному коду культурной среды, к которой принадлежит мать [Fogel et al., 1988], и во многом определяется психофизиологическим и неврологическим статусом ребёнка [Ляксо, 2005]. Особенности развития ребёнка и характер детской патологии влияют на эмоциональные реакции матери при взаимодействии с ребёнком и характеристики её речи.

При сравнении МР, обращённой детям одинакового психофизиологического возраста – 24 месяца, – типично развивающимся (далее – ТР), с синдромом Дауна (далее – СД) и расстройствами аутистического спектра (далее – РАС), показано, что матери детей с СД чаще, чем матери детей других групп, использовали эмоциональную речь. Матери детей с РАС ча-

ще, чем матери ТР детей, называли ребёнка по имени. Директивную речь матери ТР детей употребляли реже, чем матери детей с РАС и СД, они больше рассказывали об окружающей среде, по сравнению с матерями детей других групп, комментирующими действия своих детей. Матери детей с РАС акцентировали внимание на себе чаще, чем матери детей ТР и с СД, что связано, по мнению авторов, с низкой ответной реакцией детей с РАС на социальные стимулы. Дети с РАС использовали высказывания с меньшим количеством слов, чем дети других групп [Venuti et al., 2012].

Родители детей с ограниченными интеллектуальными возможностями адаптируются к уровню интеллектуального и языкового развития своих детей, способствуя развитию их коммуникативных навыков и внимания [Legerstee et al., 2002]. Матери и отцы детей с СД используют более эмоциональную речь, чем родители ТР детей, употребляют больше директивных высказываний и задают меньше вопросов [Legerstee et al., 2002]. Полагают, что родители детей с СД используют речь, которая подходит детям с более низким уровнем развития [Bornstein et al., 1992].

Матери детей с РАС аналогично матерям ТР детей, корректируют свою речь в зависимости от лингвистических способностей детей. Матери детей с РАС с высокими вербальными способностями используют больше вопросов, подкрепляют речевое поведение ребёнка, тогда как матери детей с худшими вербальными способностями, используют больше команд и положительно подкрепляют двигательную активность детей [Konstantareas et al., 1988].

Отмечают, что речь взрослого при общении с взрослым человеком с интеллектуальными нарушениями и ограниченными возможностями для взаимодействия с окружающими, имеет особенности [Griffiths et al., 2012].

Наряду с анализом акустических характеристик речи матерей и восприятия их младенцами и детьми раннего возраста, лингвистический анализ текстов МР может быть использован в качестве одного из самостоятельных подходов для изучения её феномена. Исследования лингвистики речи русскоязычных детей с РАС единичны [Павлов, 2016]. При работе с методикой – пересказ фильма – были отмечены лексические, синтаксические, дискурсивные отклонения от нормы, экстралингвистические особенности: чрезмерная детализация, искажение сюжетной линии, трудности с определением пола, возраста персонажей просмотренного фильма, не характерные для ТР детей [Павлов, 2016].

Цель нашей работы – выявление возможного влияния речи взрослого на активный лексикон ребёнка, подростка и взрослого с атипичным развитием с использованием метода статистического и семантического анализа текста.

2. Методика и результаты исследования

2.1. Общие характеристики исследовательского корпуса

Создан корпус, содержащий тексты детской литературы, МР и речи отцов (далее – ОР), речи ТР детей, детей с неврологическими нарушениями (риск); детей с атипичным развитием: РАС, СД, умственной отстало-

стью (далее – УО), взрослых с атипичным развитием и речи экспериментатора (табл. 1.1–1.4). Корпус разделён на блоки.

Т а б л и ц а 1.1. Корпус текстов литературы и речи и взрослых (Блок 1)

№	Материал корпуса	Количество слов
Блок 1: Корпус текстов для диад с детьми от рождения до года		
1	Текст литературы для детей 0–1 год	8723
2	Текст литературы для детей 1–3 лет	51635
3	Текст МР, обращённой 6-месячным детям группы нормы (n=5*)	2779
4	Текст МР, обращённой 12-месячным детям группы нормы (n=5*)	1440
5	Текст МР, обращённой 3-летним детям группы нормы (n=5*)	5476
6	Текст МР, обращённой 6–12-месячным детям группы риска (n=5*)	1605
7	Текст МР, обращённой 3-летним детям группы нормы (n=5*)	3023
8	Текст МР, обращённой 3-летним детям группы риска (n=5*)	4176
9	Текст речи экспериментатора, обращённой 3-летним детям группы депривации	3308
10	Текст речи детей трёх лет группы нормы (n=5)	1114
11	Текст речи детей трёх лет группы риска (n=5)	1344
12	Текст речи детей трёх лет группы депривации (n=5)	6721

Примечание к таблицам 1.1–1.4: * – лонгитюдные исследования.

Блок 1 представляет собой корпус текстов для диад с детьми от рождения до года и содержит тексты детской литературы, включающие песни, стишки, сказки, пестушки, поговорки, потешки для детей от рождения до трёхлетнего возраста, речь матерей, обращённую к детям, и детскую речь, тексты диалогов взрослых с детьми трёхлетнего возраста. В этот блок помещена речь матерей, обращённая к ТР детям и детям группы риска, речь трёхлетних детей, воспитывающихся в условии семьи и дома ребёнка (группа депривации), речь экспериментатора, обращённая к детям, растущим в доме ребёнка. Запись МР и речи детей осуществлена в домашних условиях в ранее разработанных ситуациях взаимодействия [Ляксо, 2001].

Блок 2 включает тексты диалогов детей 4–7 лет с экспериментатором на заданные темы и в модельных ситуациях, направленных на вызов у детей различных эмоциональных состояний. Текст детской литературы.

Блок 3 представлен текстами речи детей с атипичным развитием и речи взрослых, взаимодействующих с ними: экспериментатора, родителей, тренера. В Блок 4 вошли тексты речи взрослых с атипичным развитием и речи экспериментатора, взаимодействующего с ними.

Т а б л и ц а 1.2. Корпус текстов литературы и речи и взрослых (Блок 2)

№	Материал корпуса	Количество слов
Блок 2: Тексты речи диалогов детей 4–7 лет с экспериментатором		
1	Текст ответных реплик детей 4–7 лет в диалогах с экспериментатором	12496
2	Текст вопросных реплик экспериментатора в диалогах с детьми 4–7 лет	228
3	Речь детей 4–7 лет в эмоциональных состояниях «комфорт – нейтральное – дискомфорт»	3249
4	Тексты детской литературы	25000

Запись речи ТР детей 4–7 лет осуществляли в условиях детского сада и в домашних условиях в модельных ситуациях: диалог с экспериментатором, ответы ребёнка на вопросы об изображённом на картинках [Ляксо et al., 2012]. Речь экспериментатора включала одинаковые вопросы, обращённые детям. Экспериментатор задавал каждому ребёнку стандартный набор вопросов: «Как тебя зовут?», «С кем ты живёшь», «Есть ли у тебя братья и/или сестры?», «Какая игрушка у тебя есть», «Что тебе нравится?» и тому подобные. Аналогичную ситуацию записи – диалогическое взаимодействие с использованием экспериментатором стандартного набора вопросов, использовали и при записи детей и взрослых с атипичным развитием.

С целью вызова у детей эмоциональных проявлений разработаны модельные ситуации, которые в совокупности позволили вызвать у ТР детей разные эмоциональные реакции (состояния). Использовали игру ребёнка со стандартным набором игрушек (кукол, животных), позволяющим ему включиться в сюжетную игру, игру с планшетным компьютером, просмотр мультфильма и пересказ сюжета мультфильма.

Запись детей с РАС проводили в условиях бассейна НГУ имени П. Ф. Лесгафта. Дети с РАС (F 84 по МКБ-10) (n=30 детей, в возрасте 4–16 лет) разделены на две группы. В первую группу (группа-1) вошли дети с регрессом в развитии в возрасте 1,5–3 лет. У детей, включённых во вторую группу (группа-2) риск развития диагностирован при рождении. В анамнезах детей группы-2 имеются органические нарушения мозга. Эти дети после роддома какое-то время находились в больнице.

**Т а б л и ц а 1.3. Корпус текстов литературы и речи и взрослых
(Блок 3)**

№	Материал корпуса	Количество слов
Блок 3: Тексты речи детей с атипичным развитием и речи взрослых, взаимодействующих с ними		
1	Текст речи детей 5–14 лет с РАС-1	950
2	Текст речи экспериментатора, обращённой детям с РАС-1	3752
3	Текст МР, обращённой детям с РАС-1	1082
4	Текст ОР, адресованной ребёнку с РАС-1	172
5	Текст речи бабушки к ребёнку РАС-1	62
6	Текст речи тренера к ребёнку с РАС-1	136
7	Текст речи детей 5–14 лет с РАС-2	1221
8	Текст речи экспериментатора, обращённой детям с РАС-2	3020
9	Текст МР, адресованной детям с РАС-2	410
10	Текст речи отца, обращённой ребёнку 14 лет с СД	137
11	Текст речи ребёнка 5 лет с СД, воспитывающегося в детском доме	143
12	Текст речи экспериментатора, обращённой ребёнку 5 лет с СД, воспитывающемуся в детском доме	1081
13	Текст речи детей 4–7 лет с ССР, воспитывающихся в детском доме	2705
14	Текст речи экспериментатора, обращённой детям 4–7 лет с ССР, воспитывающимся в детском доме	5023
15	Текст речи детей 5–7 лет с УО, воспитывающихся в детском доме	1487
16	Текст речи экспериментатора, обращённой детям 5–7 лет с УО, воспитывающимся в детском доме	2436

Т а б л и ц а 1.4. Корпус текстов литературы и речи и взрослых (Блок 4)

№	Материал корпуса	Количество слов
Блок 4: Тексты речи взрослых с атипичным развитием и речи экспериментатора, взаимодействующего с ними		
1	Текст речи взрослого, 35 лет, с СД	778
2	Текст речи экспериментатора, обращённой взрослому 35 лет с СД	473
3	Текст речи взрослых с РАС	946
4	Текст речи экспериментатора, обращённой взрослым с РАС	2347
5	Текст речи взрослых, с УО	3603
6	Текст речи экспериментатора, обращённой взрослым с УО	8703

Таким образом, в группе РАС-1 – аутизм является ведущим заболеванием (при наличии в анамнезе фоновой сопутствующей патологии), в группе РАС-2, РАС рассматривается как следствие органического нарушения ЦНС. Для оценки тяжести аутистических расстройств использовали шкалу CARS [Shopler et al., 1986]. Моделирование эмоционального состояния у детей с РАС включало: плавание ребёнка с тренером в бассейне для снятия напряжения и/или уменьшения уровня агрессивности, диалог с экспериментатором в присутствии родителей, показ ребёнку стандартного набора картинок и ответы ребёнка на вопросы об изображении на картинке (ответ на конкретный вопрос) [Ляксо et al., 2016].

Запись детей с УО (F 70) и смешанными специфическими расстройствами психологического развития (далее – ССР) (F 83) осуществлена в условиях Детского дома при взаимодействии детей (n=26 детей, в возрасте 4–7 лет) с экспериментатором в ситуациях максимально приближенным к записи ТР детей и детей с РАС.

Аналогичные ситуации записи речи использовали при взаимодействии с 20 взрослыми информантами с ограниченными возможностями. Информанты имели в анамнезе диагноз аутизм и РАС (n=5, возраст 23–41 год), УО разной этиологии (n=14, возраст 21–43 год) и один взрослый (возраст 35 лет) – синдром Дауна.

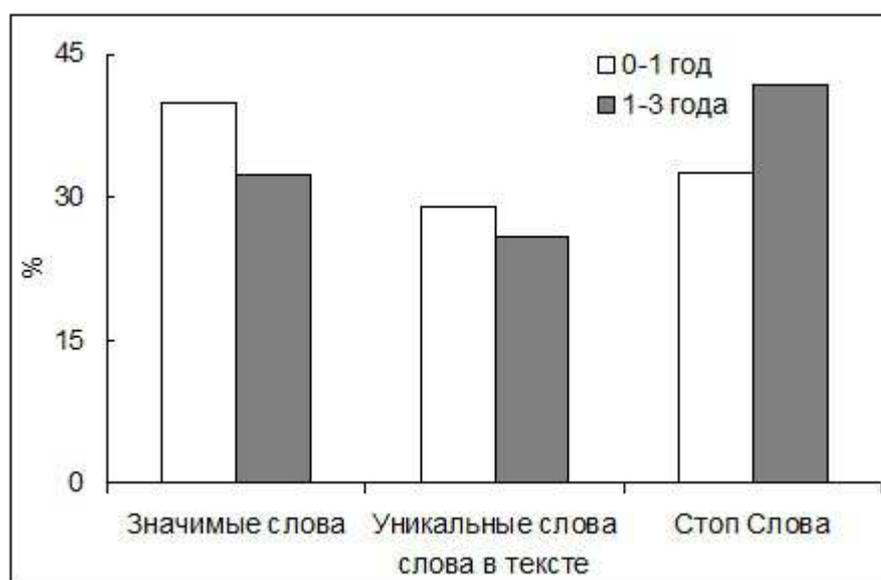
Проведён статистический анализ текстов; определяли количество значимых слов, уникальных слов и стоп слов. Значимые слова представлены существительными и выступают в качестве грамматической основы текста. Уникальные слова – слова, которые встречаются в тексте хотя бы раз, без учёта повтора слов. Стоп-слова – слова, не несущие какой-либо самостоятельной смысловой нагрузки: вводные слова, предлоги, союзы, местоимения, частицы, междометия. Семантический анализ текста

направлен на определение количества употребляемых эмоциональных слов и их частотности.

2.2. Блок 1: Корпус текстов для диад с детьми от рождения до года

2.2.1. Анализ текстов детской литературы

Соотношение значимых слов, уникальных слов и стоп-слов в текстах детской литературы, обращённой младенцам первого года жизни и детям 1–3 лет, различается по большему количеству стоп-слов и меньшему – значимых и уникальных слов в текстах литературы для детей от года до трёх лет (рис. 1).

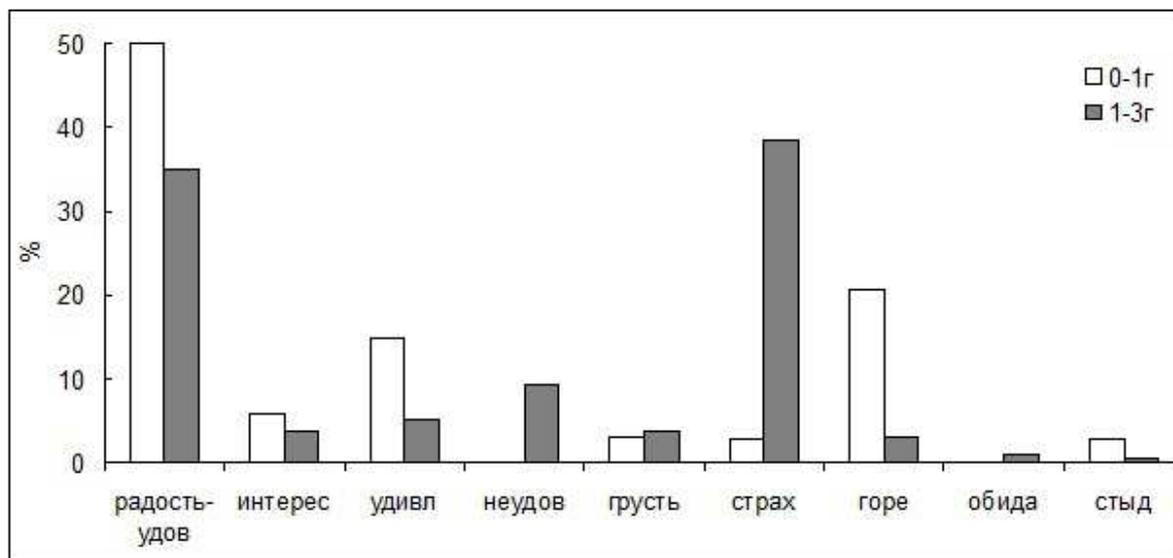

Р и с у н о к 1. Количество значимых слов, уникальных слов и стоп-слов в текстах литературы для детей 1–3 года жизни

Анализ текста литературы для детей первого года жизни позволил выделить слова, отражающие следующие эмоциональные состояния (рис. 2): удовольствие – радость (50% – от общего числа слов, отражающих разные состояния, $n=34$ слова), интерес (5,7%), удивление – испуг (14,8%), горе (20,7%), страх (2,9%), стыд (2,9%), грусть (3%). Наиболее часто в текстах детской литературы для детей от года до трёх лет представлены слова, отражающие состояние радости (0,236) и страха (0,386).

Каждое состояние описывается разным числом слов. Так, для описания наиболее частотного состояния – страха – используется 17 различных слов, среди которых наиболее частотными являются слова *злой* и *бояться* (рис. 2). Состояние радости описывается посредством 10 слов, частотными из которых являются слова *радоваться*, *смеяться*. Спектр слов, отражающих иные состояния, например стыд, представлен одним словом *стыдно*, обида – двумя словами – *обидно* и *обижаться*.

Представленные данные анализа текстов свидетельствуют о сопоставлении «добра и зла», и соответственно понятий «хороший – плохой» и отношения к ним «радоваться – бояться».

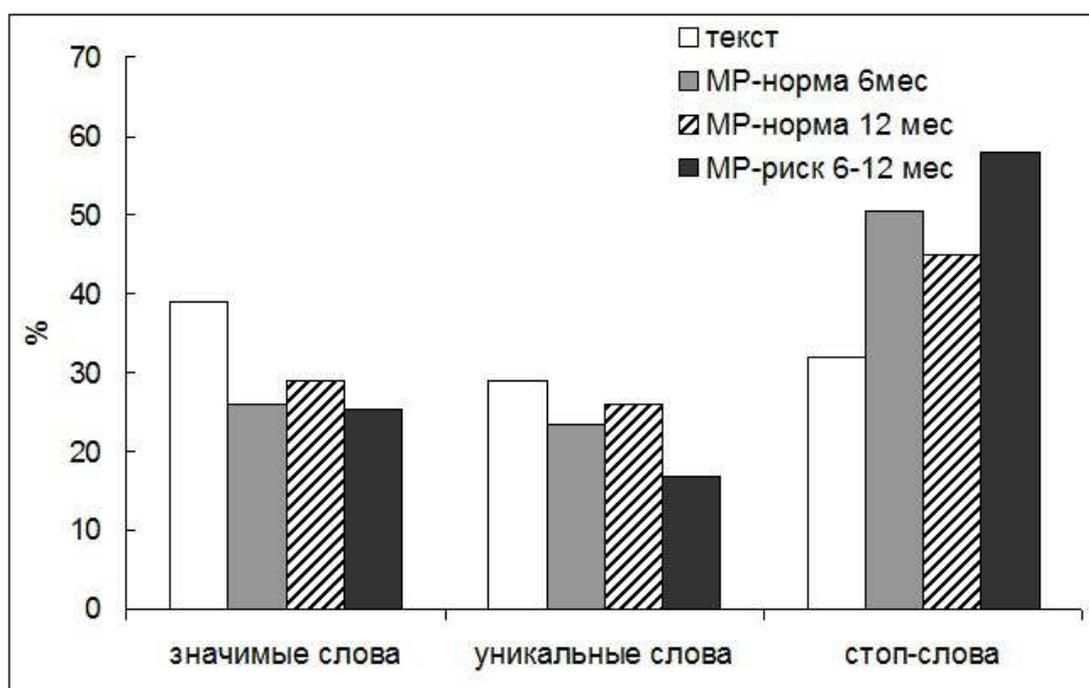

Р и с у н о к 2. Количество слов, отражающих разное эмоциональное состояние, в текстах литературы для детей от 0 до 3 лет

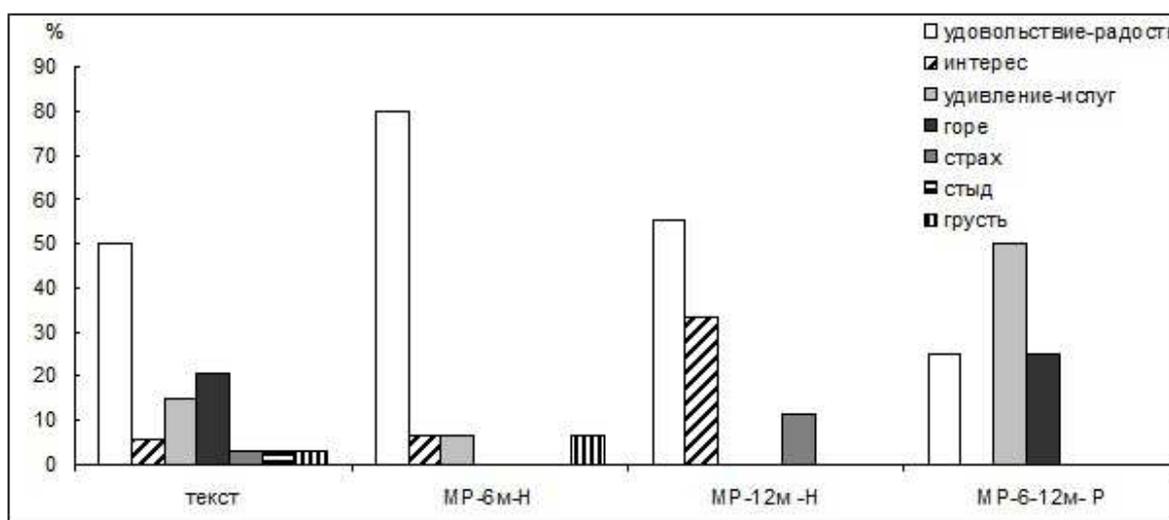
2.2.2. Анализ МР, обращённой детям первого года жизни

Результаты сравнительного анализа показали увеличение частотности значимых слов и уникальных слов в МР, обращённой детям 12-месячного возраста, по сравнению с речью, обращённой 6-месячным младенцам, и уменьшение частотности стоп-слов. В МР, обращённой детям группы риска, преобладают стоп-слова при незначительном количестве уникальных слов. Частотность значимых слов и уникальных слов в тексте детской литературы соответствует частотности соответствующих слов в МР, обращённой 12-месячным младенцам группы нормы. Частотность стоп-слов в тексте литературы минимальна по сравнению с МР (рис. 3).

Текст МР, обращённой шестимесячным детям группы нормы содержит слова, характеризующие четыре состояния: удовольствие – радость (80%), интерес (6,7%), удивление – испуг (6,6%), грусть (6,7%) (рис. 4). Текст МР, обращённой 12-месячным детям группы нормы, включает слова, отражающие три состояния: радость (55,5%), интерес (33,3%), страх (11,2%). Таким образом, в МР, адресованной 12-месячным младенцам, отсутствует категория грусти и появляется новая категория слов, отражающих состояние страха (*боюсь-боюсь, страшный, ужасный, страшный-пестрашный*).

Р и с у н о к 3. Количество значимых слов, уникальных слов и стоп-слов в текстах литературы для детей первого года жизни, материнской речи, обращённой детям 6 и 12 месяцев групп нормы и риска

Р и с у н о к 4. Количество слов, отражающих разное состояние, в МР, обращённой детям первого года жизни

Анализ МР, обращённой 6- и 12-месячным детям группы риска, позволил выделить три состояния: радость – удовольствие (25%), удивление – испуг (50%), горе (25%). Слова, отражающие состояние радости – удовольствия представлены в значимо меньшем количестве, чем в текстах

детской литературы и в МР, обращённой детям группы нормы. Общая тональность МР, обращённой детям группы риска – удивление – испуг, горе (*горе ты моё, горе моё горюшко*).

Слова, встречающиеся в тексте детской литературы, содержатся в МР при максимальном пересечении слов с МР, обращённой 6-месячным детям группы нормы.

2.2.3. Сравнительный анализ текстов материнской речи и речи детей 3-летнего возраста

В анализируемой речи 3-летних детей, их матерей и детской литературы количество стоп-слов (в процентном отношении) является преобладающим по сравнению со значимыми и уникальными словами. Оно максимально в речи экспериментатора (58,4%) и в речи детей группы депривации (48,6%) и минимально в текстах детской литературы (41,7%). В речи детей группы нормы (44,4%) и речи матерей, обращённой детям (54,1%), количество стоп-слов больше, чем в соответствующих текстах диад группы риска.

Количество значимых слов в речи детей трёх групп (23,2%, 26,1%, 21,1% в речи детей группы нормы, риска и депривации соответственно), уникальных слов (32,4%, 31,6%, 29,3% в речи детей группы нормы, риска и депривации соответственно) значимо не различается и, в целом, соответствует распределению слов в МР и речи экспериментатора. Тексты детской литературы характеризуется большим количеством значимых слов (32,4%), чем в речи матерей, детей и экспериментатора; меньшим количеством (25,9%) уникальных слов, чем в речи детей трёх групп, но большим (на уровне тенденции), чем в речи взрослых, обращённой детям. Эти данные позволяют предположить положительное влияние детской литературы на формирование лексикона ребёнка.

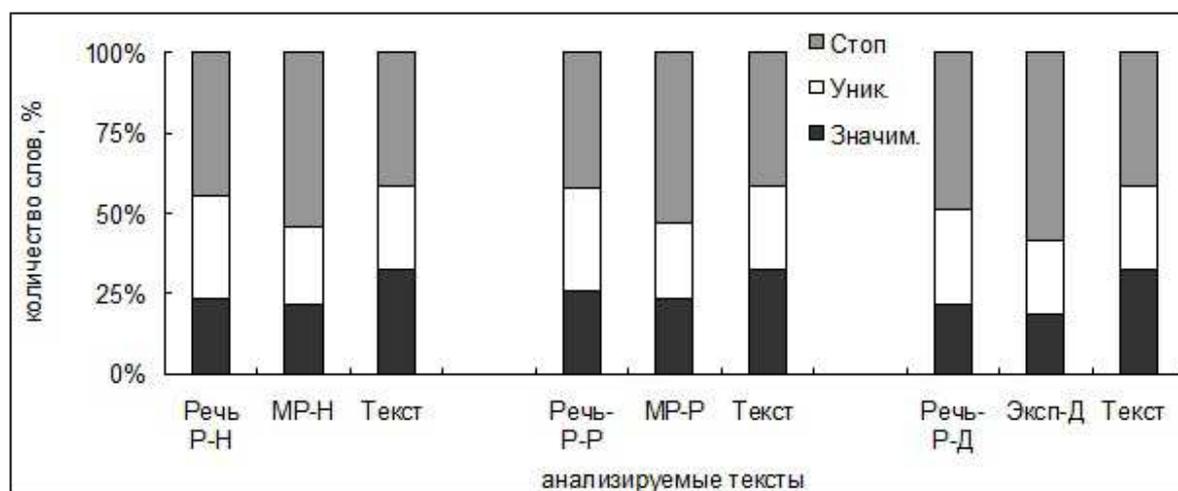
Следует отметить, что речь трёхлетних детей группы депривации характеризуется меньшим количеством уникальных и значимых слов, по сравнению с речью детей групп нормы и риска (рис. 5).

Анализ лексикона детей показал, что в речи детей группы нормы встречаются слова, отражающие страх (*страшно* (0,18 – частота встречаемости)), грусть (*грустно* – 0,09), отношение к чему-либо (*нравится* – 0,09). Речь их матерей, адресованная детям, содержит антонимы *грустный* (0,03) – *весёлый* (0,07).

Для описания отрицательных (4 варианта слов) и положительных (7 вариантов слов) эмоциональных состояний матери используют разнообразные слова. Общими в речи матерей и детей группы нормы являются слова: *нравиться* (0,09–0,07 – частота встречаемости в МР и речи детей), *стесняться* (0,1–0,09), *грустно* (0,03–0,09).

Дети группы риска используют 8 вариантов слов с разной частотой встречаемости для описания отрицательного состояния и только 2 варианта – для положительного состояния. В речи их матерей используется аналогичное количество слов для выражения отрицательного состояния и

большее – 8 вариантов – для положительного эмоционального состояния: *любить, нравиться, веселиться, хохотать, счастливый, довольный, здорово, здоровски*. Общими в речи матерей и детей группы риска является употребление следующих слов: *обижать* (0,1–0,07), *плакать* (0,14–0,89), *бояться* (0,1–0,15), *обидеть* (0,02–0,07), *красивый* (0,1–0,22).

Р и с у н о к 5. Соотношение значимых слов, уникальных слов и стоп-слов в речи 3-летних детей групп нормы и риска, их матерей, текстах детской литературы; речи 3-летних детей группы депривации, в речи экспериментатора и текстах детской литературы

П р и м е ч а н и е к р и с у н к у 5 : Речь Р-Н – речь детей группы нормы, Речь Р-Р – речь детей группы риска, Речь Р-Д – речь детей группы депривации, МР-Н – материнская речь, обращённая к ребёнку группы нормы; МР-Р – материнская речь, обращённая ребёнку группы риска, Эксп.-Д – речь экспериментатора, обращённая ребёнку группы риска. Стоп – Стоп-слова, Уник. – уникальные слова, Значим. – Значимые слова.

Таким образом, влияние МР на речь ребёнка в большей степени распространяется на использование слов, отражающих отрицательные эмоциональные состояния (табл. 2). Анализ слов, отражающих разное эмоциональное состояние, показал отсутствие в диадах группы нормы слов, характеризующих состояние гнева.

Для детей группы депривации характерно использование слов, отражающих только состояние комфорта и радости (3 варианта слов), что может быть обусловлено употреблением экспериментаторами в своей речи, обращённой к детям, только слов положительной эмоциональной окраски: *умница, молодец, отлично, красиво, нравится, интересно*.

МР, обращённая детям группы риска, в большей степени претерпела изменения по сравнению с МР, обращённой детям группы нормы. Выявлено увеличение категорий слов, отражающих разное эмоциональное состо-

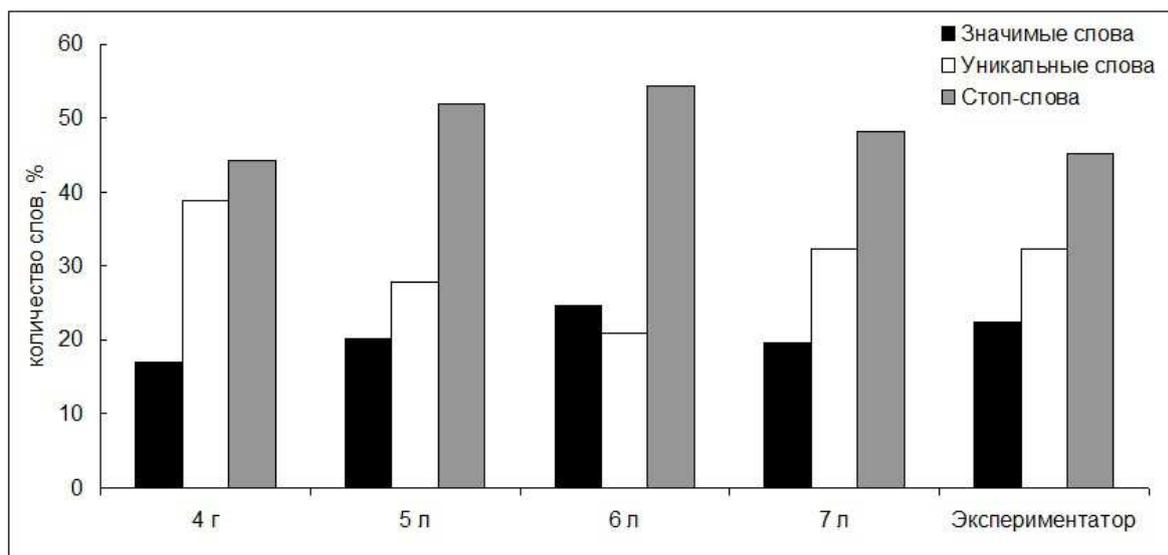
яние, в МР обращённой трёхлетним детям группы риска по сравнению с МР, адресованной детям первого года жизни.

Т а б л и ц а 2. Количество слов, отражающих разное эмоциональное состояние в речи матерей, обращённой детям, и в лексиконе их детей, %

Речевой материал	Эмоциональное состояние					
	страх	гнев	печаль	радость	удивление	интерес
МР-Н – 6 мес.			6,7	80	6,6	6,7
МР-Н – 12 мес.	11,2			55,5		33,3
МР-Н – 36 мес.	3,2		34,3	50		12,5
Речь-Р-Н – 36 мес.	28,5		28,6	28,6		14,3
МР-Р – 6–12 мес.			25	25	50	
МР-Р – 36 мес.	12,9	20,7	20,7	39,2	6,5	
Речь-Р-Р – 36 мес.	21,6	14,5	55,7	3,7		

2.3. Блок 2: Тексты диалогов детей 4–7 лет с экспериментатором

Статистика текста ответных реплик детей 4–7-летнего возраста в диалогах с экспериментатором выявила уменьшение уникальных слов (от 38,8% в речи 4-летних детей до 32,2% в речи детей 7-летнего возраста) по мере увеличения возраста ребёнка (рис. 6).

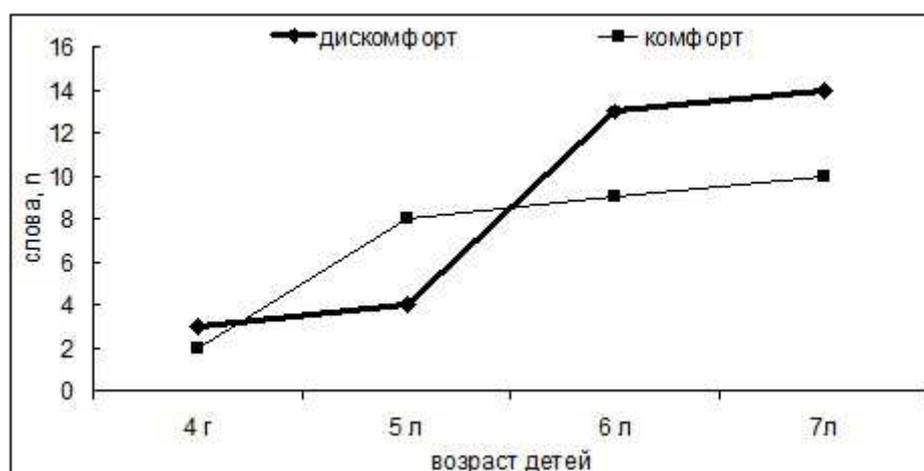
Р и с у н о к 6. Статистика текста диалогов детей 4–7 лет и экспериментатора

Имеется незначительная возрастная динамика в использовании значимых слов (17%, 20,1%, 24,78%, 19,67% – соответственно в речи детей 4, 5, 6, 7 лет) и стоп-слов (в пределах 50% слов, за исключением 4-летнего возраста – 44,2%). Речь экспериментатора отличается от речи детей 4-, 5- и 7-летнего возраста большим количеством значимых слов (28,5%), от речи детей 6 лет – большим количеством уникальных слов (32,4%) и меньшим количеством стоп-слов (45,2%).

Проанализированы реплики детей 4–7 лет в разных состояниях: состояние дискомфорта – 608 слов, нейтральное состояние – 1510 слов, состояние комфорта – 1131 слов.

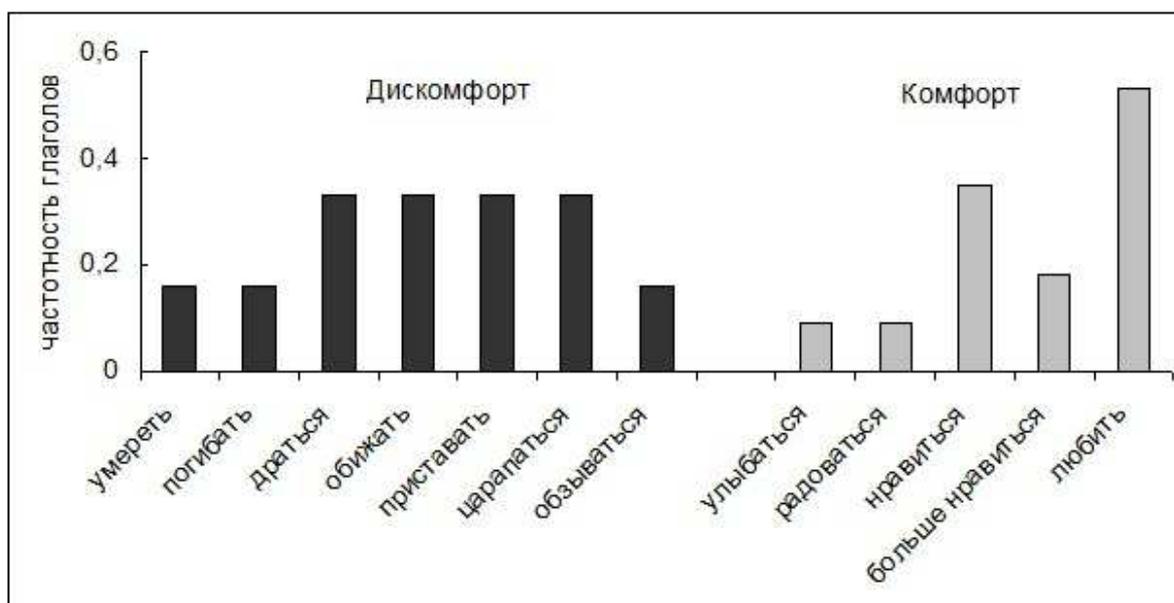
Состояние дискомфорта характеризуется максимальным количеством стоп-слов (56,25%) и минимальным – значимых слов (6,3%). В состоянии комфорта соотношение аналогично речи детей в состоянии дискомфорта при менее выраженных различиях между уникальными и стоп-словами (45,6% и 50,4% соответственно). Нейтральному состоянию свойственно большее по сравнению с дискомфортным состоянием количество значимых слов (23,3% и 6,3% соответственно) и меньшее – на уровне тенденции стоп-слов. Статистика тестов, классифицированных как отражающих спокойное и комфортное состояние, по количеству значимых, уникальных и стоп-слов не различается.

С возрастом детей в их активном лексиконе увеличивается количество разных слов, отражающих состояние комфорта и дискомфорта (рис. 7) при большем увеличении слов, отражающих состояние дискомфорта.

Р и с у н о к 7. Количество слов, отражающих состояние комфорта и дискомфорта в активном лексиконе детей в возрасте 4–7 лет

В эмоциональной речи детей встречаются антонимы, представленные наречиями, прилагательными и глаголами. Частотность прилагательного *плохой* и наречия *грустно* выше (0,83 и 0,33 соответственно), чем прилагательного *добрый* и наречия *весело* (0,18 и 0,18 соответственно). Частотность глаголов *любить* (0,53) и *нравиться* (0,35) – наибольшая (рис. 8).

Р и с у н о к 8. Наиболее частотные глаголы в речи детей 4–7 лет, отражающей состояние дискомфорта и комфорта

Четырёхлетние дети выражают своё отношение к ситуации антонимами *да – нет, страшно – хорошо, боюсь – радуюсь, хороший – плохой*. В семь лет значительно расширяется диапазон слов, используемых ими для выражения отношения к следующим категориям:

«плохой»: *ещё злей – злой – страшный – плохой – не очень хороший*;
 «хороший»: *нравится – хороший – очень хороший – больше нравится – больше всего нравится – люблю – замечательный – великолепный*.

Глагол *нравиться* представлен в текстах, отражающих нейтральное состояние (0,13), но с меньшей частотностью, чем в текстах отражающих состояние комфорта (0,35).

Представленные данные показывают усложнение активного лексикона ребёнка и преобладание в нём слов, отражающих эмоциональное состояние дискомфорта по сравнению с состоянием комфорта.

В специальном задании детям 5–7 лет ($n=35$ детей) предъявляли тест, содержащий 10 фотографии младенцев в возрасте до года ($n=5$ – фотографии младенцев в комфортном состоянии, $n=5$ – младенцев, проявляющих отрицательные эмоции). Перед 5–7-летними детьми стояла задача описать состояние младенца, изображённого на фотографии. Классификация фотографий, отражающих состояние комфорта и дискомфорта, была выполнена всеми детьми правильно. Для описания комфортного состояния дети использовали слова *хорошо, улыбается, смеётся, весело, радостный, счастливый, удивление, добрый*; для описания дискомфортного состояния младенца – *невеселый, плохо, грустно, капризный, плачет, обижен, больно, нехорошо*.

Наиболее часто употребляемыми словами явились следующие: *весело* – 0,46, *хорошо* – 0,22, *плачет* – 0,35, *плохо* – 0,23, *грустно* – 0,26. В проведённых исследованиях показано, что дети группы нормы не только способны к отражению собственного эмоционального состояния, но и к распознаванию эмоционального состояния другого ребёнка.

2.4. Блок 3: Тексты речи детей с атипичным развитием и речи взрослых, взаимодействующих с ними

2.4.1. Речь детей с РАС и речь взрослых, взаимодействующих с ними

Статистика текстов речи детей с РАС двух групп и взрослых, взаимодействующих с ними, показала различия в количестве значимых слов в речи детей РАС-1 в двух анализируемых ситуациях – в диалоге с взрослым и при описании картинок: большее число значимых слов дети использовали при описании картинок (26,5% и 34,0% соответственно). У детей с РАС-2 в ситуации описания картинок значимых слов меньше, чем у детей с РАС-1 и чем в диалоге (табл. 3). Количество стоп-слов преобладает у детей с РАС-2. По количеству уникальных слов дети не различаются.

Речь взрослых, взаимодействующих с детьми, по употреблению значимых слов не отличается при наименьшем их числе в речи тренера, обращённой детям с РАС-1. Количество уникальных слов минимально в речи экспериментатора, который при взаимодействии с детьми многократно повторял свой вопрос, обращённый ребёнку, и часть ответа ребёнка для уточнения и подтверждения сказанного им. Количество стоп-слов, используемых преимущественно для привлечения внимания ребёнка, в речи экспериментатора выше, чем в речи других взрослых.

Анализ МР показал, что матери детей с РАС-1 используют меньше уникальных слов и больше стоп-слов, по сравнению с отцами. В отцовской речи преобладают уникальные слова (49,5% и 48,8% соответственно в диалоге с ребёнком и при подсказках ребёнку, описывающему картинку). Повидимому, при взаимодействии с ребёнком с РАС отцы в меньшей степени учитывают специфику поведения детей, чем матери.

Матери детей с РАС-2 по сравнению с РАС-1 употребляют больше уникальных слов в диалоге с ребёнком (43,4% и 33,0% соответственно) и в ситуации с картинкой (47,4% и 33,4% соответственно). Эти различия могут быть обусловлены ведущим диагнозом ребёнка.

Семантический анализ речи позволил выявить количество и разнообразие слов, используемых для обозначения эмоционального состояния (рис. 9).

Количество слов, отражающих эмоциональное состояние в ситуации диалога «взрослый – ребёнок», выше, чем в ситуации вопросов по картинке. Дети с РАС-2 используют больше слов, чем дети с РАС-1 в диалогах с взрослыми, но меньше вариантов слов при ответах по картинке. Речь матерей в диалогах с детьми с РАС-1 содержит больше эмоциональных слов по сравнению с речью матерей детей с РАС-2. Речь матерей в ситуации с картинкой не эмоциональна. Речь экспериментатора, обладающего про-

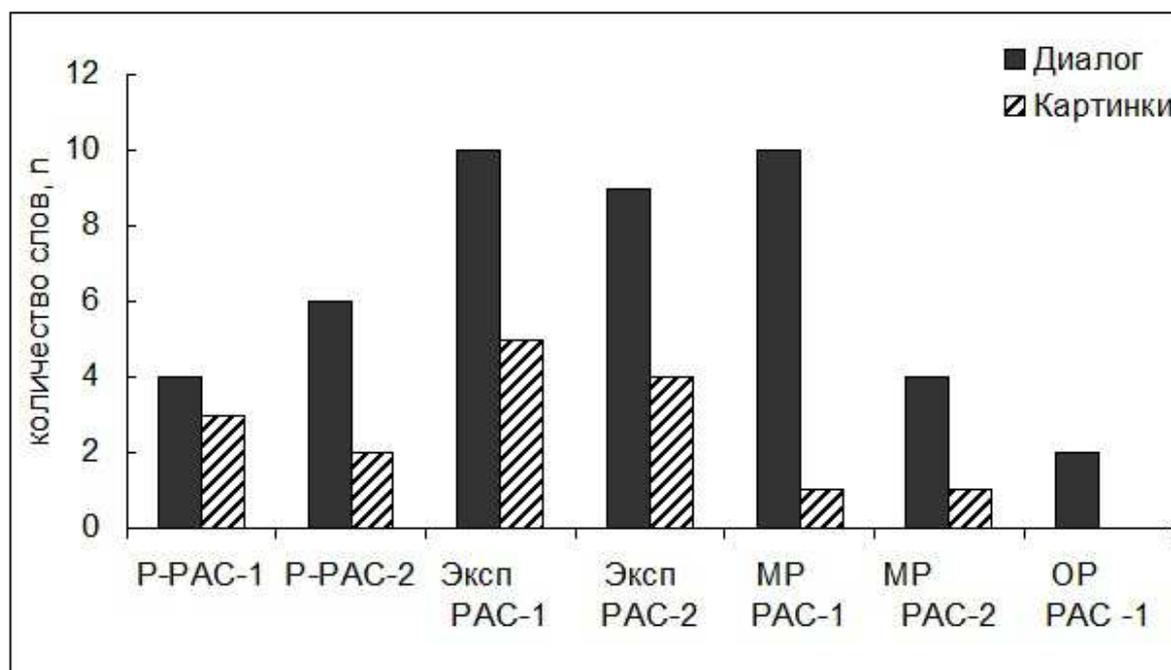
фессиональным опытом работы с детьми, включает максимальное количество эмоциональных слов и их комбинаций (0,27).

Т а б л и ц а 3. Речь детей с РАС и речь взрослых при взаимодействии с детьми

Ситуация	Текст	Статистика текста		
		Значимые слова	Уникальные слова	Стоп-слова
Диалог	Ребёнок – РАС-1	26,5	37,9	35,6
	Экспер. (РАС-1)	15,7	21,5	62,8
	МР (РАС-1)	14,8	33,0	52,2
	ОР (РАС-1)	13,0	49,5	37,5
	Бабушка (РАС-1)	15,9	46,3	37,8
	Тренер (РАС-1)	10,4	44,8	44,8
	Ребёнок –РАС-2	27,8	25,5	46,7
	Экспер. (РАС-2)	16,4	19,3	64,3
	МР (РАС-2)	13,8	43,4	42,8
Описание картинок	Ребёнок – РАС-1	34	38	28
	Экспер. (РАС-1)	17,5	18,6	63,9
	МР (РАС-1)	16,4	33,4	50,2
	ОР (РАС-1)	13,4	48,8	37,8
	Ребёнок – РАС-2	25,7	34,6	39,7
	Экспер. (РАС-2)	17,6	32,7	49,7
	МР (РАС-2)	17,9	47,4	34,7

Примечание к таблице 3: данные представлены в процентах.

В ситуации диалогического взаимодействия ребёнка РАС-1 с взрослыми в речи детей определены 4 варианта слов. Три слова – *любить* (0,46), *нравиться* (0,27), *устать* (0,04) – встречаются в речи экспериментатора и матерей (0,23, 0,21, 0,01 – речь экспериментатора, 0,35, 9,16, 0,12 – МР), слово *любить* (0,44) является одним из двух слов, употребляемых отцами. В МР присутствуют слова, отражающие состояние страха (*страшно* – 0,03) и опасности (*опасно* – 0,03), отсутствующие в речи ребёнка.

Р и с у н о к 9. Количество разнообразных слов, отражающих эмоциональные состояния, в речи детей с РАС и взрослых, взаимодействующих с ними

Примечание к рисунку 9: P-РАС – дети с РАС-1; P-РАС-2 – дети с РАС-2, Эксп РАС-1 – речь экспериментатора, обращённая ребёнку с РАС-1; Эксп РАС-2 – то же ребёнку с РАС-2; МР – материнская речь, обращённая ребёнку с РАС-1 и РАС-2; ОР – отцовская речь, адресованная ребёнку с РАС-1.

При взаимодействии с детьми с РАС-2 матери в диалогах употребляют слова *любить, хвалить, бояться и грустно*. Слово *любить* присутствует и в речи ребёнка (0,16), и экспериментатора (0,42). Пять слов, встречающихся в речи экспериментатора – *любить* (0,42), *хороший* (0,04), *плохой* (0,06), *плакать* (0,04), *обидно* (0,04), используют дети с РАС-2. В их речи встречаются антонимы *хороший* (0,16) – *плохой* (0,16).

Все слова в речи детей с разной частотностью используются взрослыми (преимущественно экспериментатором).

2.4.2 Речь детей дошкольного возраста с диагнозами УО и ССР, воспитывающихся в детском доме, и обращенная к ним речь экспериментатора

Статистика текстов речи детей, воспитывающихся в детском доме, с диагнозами ССР и УО, в ситуации диалога показала отсутствие значимых различий между группами детей по употреблению значимых слов (19,9% и 19,3% у детей с ССР и УО соответственно). Уникальные слова чаще ис-

пользуются детьми с УО (22,9% и 26,7%), стоп-слова – детьми с ССР (57,2% и 54%). Экспериментатор использует больше уникальных слов и меньше стоп-слов в речи, обращённой детям с УО, по сравнению с диалогом с детьми с диагнозом ССР (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Речь детей с ССР и УО и речь экспериментатора при взаимодействии с детьми в ситуации диалога

Ситуация	Текст	Статистика текста		
		Значимые слова	Уникальные слова	Стоп-слова
Диалог	Ребёнок – ССР	19,9	22,9	57,2
	Экспер. (ССР)	18,8	16	65,2
	Ребёнок – УО	19,3	26,7	54
	Экспер. (УО)	17,7	19,8	62,5

Примечание к таблице 4: данные представлены в процентах.

Разнообразие слов, используемых для обозначения эмоционального состояния детьми и экспериментатором, в группе ССР выше, чем в группе УО. Так, в текстах речи детей группы ССР присутствует 11 различных слов, используемых для обозначения эмоционального состояния, в речи детей с УО – 5 слов, в речи экспериментатора, обращённой к детям с ССР – 19, обращённой к детям с УО – 16 слов.

Наиболее частотным словом, отражающим положительное эмоциональное состояние детей с ССР и УО, было слово *любить* (0,27 и 0,44 в речи детей с ССР и УО соответственно); словами, отражающими отрицательное эмоциональное состояние, оказались *злой* и *опасный* в группе ССР, *злой* и *страшный* в группе УО. Экспериментатор использовал главным образом слова, отражающие положительное эмоциональное состояние: *любить* (0,26 и 0,35 в группах ССР и УО соответственно), *здорово* (0,19 и 0,14), *молодец* (0,14 и 0,17). Среди слов, отражающих отрицательное эмоциональное состояние, в речи экспериментатора преобладали слова *бояться* (0,03 и 0,02 в группах ССР и УО соответственно), *страшный*, *страшно* (0,03 и 0,05).

2.4.3. Речь детей с СД и обращённая им речь взрослых (пилотное исследование)

Ребёнок 14 лет с СД не произносил слов, звуковая продукция представлена несколькими звуко сочетаниями, эмоционально не включался в процесс взаимодействия. Анализ ОР, обращённой ребенку 14 лет с СД при спонтанном взаимодействии, показал преобладание уникальных слов (39%) при меньшем количестве стоп-слов (37,9%) и значимых слов

(23,1%). Слова, отражающие эмоциональное состояние, представлены одним словом *весёлый*.

Звуковая продукция ребёнка 5 лет с СД, воспитывающегося в детском доме, представлена отдельными словами (преимущественно повторение за экспериментатором), звукоподражаниями («му», «ме») и звукосочетаниями, сложными для интерпретации даже в контексте ситуации. Экспериментатор, обращаясь к данному ребёнку, использовал значительное количество стоп-слов для привлечения внимания (58,2%), при меньшем количестве уникальных и значимых слов (23,5% и 18,3% соответственно). Слова, отражающие положительное эмоциональное состояние (используется 5 различных слов), представлены в речи экспериментатора в большей степени, чем слова, отражающие отрицательное эмоциональное состояние: *молодец* (0,44), *нравится* (0,2), *замечательно* (0,08), *страшный* (0,08), *злой*, *злой* (по 0,04 каждое).

2.5. Блок 4: Тексты речи взрослых с атипичным развитием и речи экспериментатора, взаимодействующего с ними

2.5.1. Речь взрослых с СД, РАС, УО и речь экспериментатора, взаимодействующего с ними

Статистика текстов речи взрослых с СД, РАС и УО и экспериментатора, взаимодействующего с ними в ситуациях диалога и описания картинок, показала отсутствие различий между взрослыми с РАС и УО по количеству значимых слов, употребляемых ими в речи в обеих ситуациях взаимодействия с экспериментатором. В ситуации описания картинок взрослые с РАС использовали меньше стоп-слов и больше уникальных слов, чем информанты с УО. Взрослый с СД в ситуации диалога использовал в речи меньше значимых слов, чем взрослые с РАС и УО (14,4%, 18,2% и 18,5% в группах СД, РАС, УО соответственно). Количество стоп-слов в речи взрослого с СД в ситуации диалога максимально, по сравнению с другими группами взрослых (57%), что связано с его активным участием в диалоге, более выраженным по сравнению с другими группами информантов желанием говорить и привлекать внимание экспериментатора. При описании картинок взрослый с СД также использовал меньше значимых слов (16,1%), чем взрослые с РАС (28,1%) и УО (27,4%). Количество стоп-слов в речи взрослого с СД при описании картинок выше, чем у взрослых с РАС и УО (51,4%, 35,4%, 48,2% соответственно).

В ситуации диалога экспериментатор использовал одинаковое количество значимых слов при обращении информантам с РАС и УО. Количество стоп-слов в речи, обращённой к взрослым с УО, выше, чем в речи, обращённой взрослым с РАС. Речь экспериментатора, обращённая взрослому с СД в ситуации диалога, характеризуется большим количеством стоп-слов и меньшим количеством значимых слов, чем речь, обращённая информантам с РАС и УО. В ситуации описания картинок экспериментатор использовал большее количество стоп-слов в речи, обращённой взрослым с УО при минимальном количестве уникальных слов (табл. 5).

Т а б л и ц а 5. Речь взрослых с СД, РАС, УО и речь экспериментатора при взаимодействии с ними

Ситуация	Текст	Статистика текста		
		Значимые слова	Уникальные слова	Стоп-слова
Диалог	Взрослый СД	14,4	28,6	57
	Экспер. (СД)	10,7	37,8	51,5
	Взрослый РАС	18,2	32,4	49,4
	Экспер. (РАС)	16,4	29,2	54,4
	Взрослый УО	18,5	29,7	51,8
	Экспер. (УО)	16,6	19,5	63,9
Описание картинок	Взрослый СД	16,1	32,5	51,4
	Экспер. (СД)	14,4	36,2	49,4
	Взрослый РАС	28,1	36,5	35,4
	Экспер. (РАС)	19	19,5	61,5
	Взрослый УО	27,4	24,4	48,2
	Экспер. (УО)	23	11,2	65,8

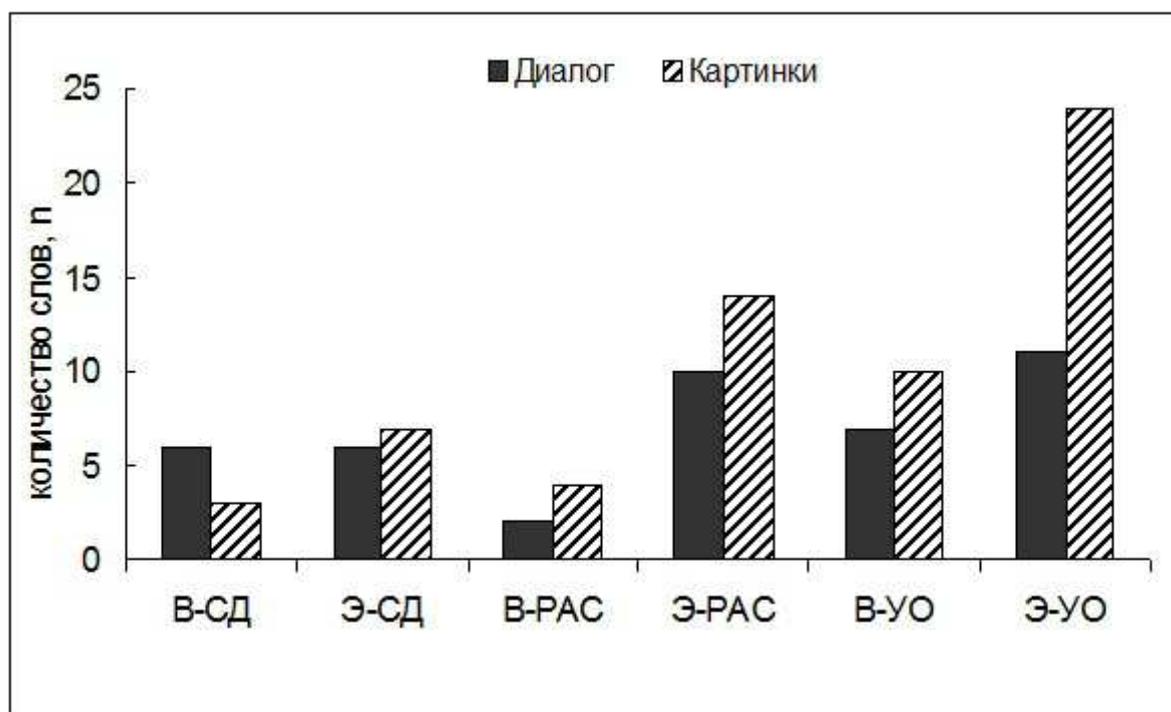
Примечание к таблице 5: данные представлены в процентах.

Семантический анализ речи позволил выявить количество и разнообразие слов, используемых взрослыми с особенностями развития, для обозначения эмоционального состояния (рис. 10).

В речи информантов всех групп (за исключением взрослого с СД) и обращённой к ним речи экспериментатора количество различных слов, отражающих эмоциональное состояние, в ситуации диалога меньше, чем в ситуации описания картинок. Минимальное количество различных слов, отражающих эмоциональное состояние, отмечено в речи взрослых группы РАС, максимальное – в речи взрослых с УО. Речь экспериментатора содержит больше разнообразных слов, отражающих эмоциональное состояние, чем речь взрослых с РАС и УО.

Наиболее частотными словами в речи взрослых всех групп в ситуации диалог были слова, которые отражали положительное эмоциональное состояние: *любить* (0,45 в речи взрослого с СД, 0,43 в речи взрослых с РАС, 0,21 в речи взрослых с УО); *нравиться* (0,15 в речи взрослого с СД), *понравиться* (0,8 в речи взрослых с УО); *добрый* (0,15 в речи взрослого с СД).

Слова, отражающие отрицательное эмоциональное состояние, отсутствовали в ситуации диалога в речи взрослых с СД и РАС; в речи взрослых с УО они были представлены словами *плохой* (0,08), *сожаление* или *к сожалению* (0,08), *неприятно* (0,04), *страшно* (0,04).

Р и с у н о к 10. Количество разнообразных слов, отражающих эмоциональные состояния, в речи взрослых с СД, РАС и УО и экспериментатора, взаимодействующего с ними

Примечание к рисунку 10. В-СД – взрослые с СД, Э-СД – речь экспериментатора к взрослому с СД, В-РАС – взрослые с РАС, Э-РАС – речь экспериментатора к взрослым с РАС, В-УО – взрослые с УО, Э-УО – речь экспериментатора к взрослым с УО.

В ситуации описания картинки наиболее частотными явились слова *добрый* (0,27), *добренький* (0,27) в речи взрослых с РАС, и слова *драться* (0,22), *сожаление* (0,17), *злой* (0,08), *любить* (0,08) в речи взрослых с УО. Взрослый с СД использовал слова *весело*, *нравиться*, а также *дурак*.

Речь экспериментатора в ситуации диалога содержала слова, отражающие положительное эмоциональное состояние. Среди них наиболее частотными были слова *любить* (0,29 и 0,28 в речи, обращенной взрослым с РАС и УО соответственно), *здорово*, *любимый*, *нравиться*. Отрицательное эмоциональное состояние (кроме речи, обращенной взрослому с СД) было выражено словами *волноваться* (0,07 и 0,04 в речи, обращенной взрослым с РАС и УО соответственно), *страшно* (в речи, обращенной информантам с УО).

В речи экспериментатора в ситуации описания картинки наиболее частотными словами, отражающими положительное эмоциональное состояние, были *весело*, *добрый*, *молодец*, *отличный*. Эти слова использовались экспериментатором в высказываниях, оценивающих ответы

информанта (напр., «*Вы молодец!*») и в вопросах, задаваемых информанту относительно поведения животных и людей на картинках. Словами, отражающими отрицательное эмоциональное состояние, в речи экспериментатора были *драться, сердиться, злой*, которые экспериментатор использовал в вопросах относительно поведения людей и животных на картинках.

3. Заключение

На основании анализа текстов речи взрослых и детей выявлены различия по количеству значимых и уникальных слов в текстах речи информантов разных групп и частотности употребления слов, отражающих эмоциональное состояние. Анализ текстов литературы для младенцев и детей первых трёх лет жизни показывает сопоставление «добра и зла», и, соответственно, понятий «хороший – плохой» и отношения к ним «радоваться – бояться». Слова, отражающие эмоциональное состояние, встречающиеся в тексте детской литературы, употребляются в МР, обращённой к детям 6–12-месячного возраста, при максимальном пересечении слов с МР, обращённой к 6-месячным детям группы нормы.

В МР, обращённой к детям от года до трёх лет выявлено увеличение категорий слов, отражающих разное эмоциональное состояние. Показано, что речь матерей детей группы риска в большей степени претерпела изменения по сравнению с МР, обращённой к детям группы нормы. С возрастом ТР детей в их активном лексиконе увеличивается количество разных слов, отражающих состояние дискомфорта и комфорта при большем увеличении слов, отражающих состояние дискомфорта.

Анализ речи матерей детей с РАС выявил различия в их речи, обращённой к детям с РАС-1 и РАС-2. Речь матерей в диалогах с детьми с РАС-1 содержит больше эмоциональных слов по сравнению с речью матерей детей с РАС-2. Речь матерей в ситуации с картинкой не эмоциональна. Все слова в речи детей с разной частотностью используются взрослыми (преимущественно экспериментатором).

Данные анализа речи отцов, обращённой детям с РАС и СД (пилотное исследование), указывают на меньшее количество стоп-слов в ОР, обращённой к детям с нарушениями развития, по сравнению с речью матерей и экспериментатора с профессиональным опытом работы с детьми.

Показаны различия в речи детей, воспитывающихся в детском доме с диагнозами ССР и УО: дети с ССР используют больше стоп-слов и разнообразных слов, отражающих эмоциональное состояние в ситуации диалога с экспериментатором. В целом, соотношение значимых, уникальных и стоп-слов в речи детей соответствует данному показателю в речи экспериментатора.

Выявлена специфика речи взрослых информантов с особенностями развития, связанная с диагнозом – РАС, УО и СД. Информанты с РАС в речи используют меньше стоп-слов и слов, отражающих эмоциональное состояние, чем взрослые с УО и СД.

В целом, результаты исследования показали увеличение лексикона ребёнка и лексического эмоционального пространства текста информанта в ситуациях взаимодействия с взрослым.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 17-06-00503а), РФФИ (проекты № 15-06-07852а, № 16-06-00024а).

Список литературы

1. Бедная, Е. Д., Акустические характеристики речи отцов, обращённой к младенцам первого полугодия жизни [Текст] / Е. Д. Бедная, Е. Е. Ляксо // Вестник Санкт-Петербур. ун-а. – 2011. – Сер. 3. – Вып. 3. – С. 75–81.
2. Ляксо, Е. Е. Вокально-речевая имитация в диаде «мать-ребёнок»: первый год жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 3. – С. 94–106.
3. Ляксо, Е. Е. Некоторые характеристики материнской речи, адресованной младенцам первого полугодия жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо // Психологический журнал. – 2002. – Т. 3. – № 2. – С. 55–64.
4. Ляксо, Е. Е. Особенности акустического взаимодействия в системе «мать-дети» на ранних этапах онтогенеза [Текст] / Е. Е. Ляксо // Детская речь: Психоллингвистические исследования / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. В. Уфимцевой. – М. : ПЕР СЭ, 2001. – С. 88–101.
5. Распознавание взрослыми эмоционального состояния типично развивающихся детей и детей с расстройствами аутистического спектра [Текст] / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова, А. С. Григорьев, В. Д. Соколова, К. А. Яроцкая // Российский Физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 2016. – Т. 102. – № 6. – С. 729–741.
6. Ляксо, Е. Е. Акустические характеристики материнской речи, адресованной младенцам второго полугодия жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо, О. В. Челибанова, В. И. Галунов // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 44–53.
7. Уровень речевого развития детей на этапе формирования навыка чтения [Текст] / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова, А. Г. Смирнов, А. В. Куражова, Ю. С. Гайкова, Е. Д. Бедная, А. С. Григорьев // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 1. – С. 73–87.
8. Павлов, А. В. Особенности устного дискурса детей с расстройствами аутистического спектра [Текст] / А. В. Павлов // Материалы ежегодной международной научной конференции «Проблемы онтолингвистики-2016» / под ред. Т. А. Кругляковой, М. А. Еливановой. – Иваново : ЛИСТОС, 2016. – С. 386–390.
9. Семантический анализ текста онлайн, seo-анализ текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://advego.ru/text/seo/>.
10. Соколова, Л. В. Традиционная культура воспитания младенцев в свете психофизиологических закономерностей раннего развития [Текст] / Л. В. Соколова, В. В. Головин, А. Ф. Некрылова // Психофизиология матери и ребёнка :

- межвуз. сборник / под ред. А. С. Батуева. – Вып. 33. – СПб : Изд-во СПбГУ, «Нервная система», 1999. – С. 226–266.
11. Челибанова, О. В. Влияние материнской речи на формирование фонологической системы родного языка у ребёнка первых шести месяцев жизни [Текст] / О. В. Челибанова, Н. А. Петрикова, Е. Е. Ляксо // Вестник Санкт-Петербур. ун-та. – 2002. – Вып. 2. – № 11. – С.93–100.
 12. Functional analysis of the contents of maternal speech to infants of 5 and 13 months in four cultures: Argentina, France, Japan, and the United States [Text] / M. H. Bornstein, J. Tal, C. Rahn, C.Z. Galperin, M. G. Pêcheux, M. Lamour, S. Toda, H. Azuma, M. Ogino, C. S. Tamis-LeMonda // *Developmental Psychology*. – 1992. – Vol. 28. – P. 593–603.
 13. Ferguson, C. A. Phonology as an individual access system: Some data from language acquisition / C. A. Ferguson // *Individual differences in language ability and language behavior* [Text] / ed. by C. L. Fillmore, D. Kempler, W. S-Y. Wang. – N-Y : Acad. Press, 1979. – P. 121–137.
 14. Fernald, A. Four month-old infants prefer to listen to mothers [Text] / A. Fernald // *Infant Behavior and Development*. – 1985. – Vol. 8. – P. 181–195.
 15. Fernald, A. Intonation and communicative intent in mothers' speech to infants: Is the melody the message? [Text] / A. Fernald // *Child Development*. – 1989. – V. 60. – P. 1497–1510.
 16. Fernald, A. Expanded intonation contours in mother's speech to newborns [Text] / A. Fernald, T. Simon // *Developmental Psychology*. – 1984. – Vol. 20. – № 1. – P. 104–113.
 17. Fogel, A. Mother-infant face-to-face interaction in Japan and United States: a laboratory comparison using 3-month-old infants [Text] / A. Fogel, S. Toda, M. Kawai // *Developmental Psychology*. – 1988. – Vol. 24. – P. 398–406.
 18. Griffiths, C. Attuning: A Communication Process between People with Severe and Profound Intellectual Disability and Their Interaction Partners [Text] / C. Griffiths, M. Smith // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. – 2016. – Vol. 29. – P. 124–138. Doi: 10.1111/jar.12162.
 19. The head-turn preference procedure for testing auditory perception [Text] / D. G. Kemler-Nelson, P. W. Juszyk, D. R. Mandel, J. Mayers, A. Turk, L. A. Gerken // *Infant Behaviour and Development*. – 1995. – Vol. 18. – P. 111–116. Doi: 10.1016/0163-6383(95)90012-8.
 20. Maternal speech to verbal and higher functioning versus nonverbal and lower functioning autistic children [Text] / M. M. Konstantareas, H. Zajdeman, S. Homatidis, A. McCabe // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – 1988. – Vol. 18. – P. 647–656.
 21. Cross-language analysis of phonetic units in language addressed to infants [Text] / P. K. Kuhl, J. E. Andruski, I. A. Chistovich, L. A. Chistovich, E. V. Kozhevnikova, V. Ryskina, E. Stolyarova, U. Sundberg, F. Lacerda // *Science*. – 1997. – Vol. 777. – P. 684–686.
 22. Legerstee, M. Effects of Maintaining and Redirecting infant attention on the production of referential communication in infants with and without Down syndrome [Text] / M. Legerstee, Y. Van Beek, J. Varghese // *Journal of Child Language*. – 2002. – Vol. 29. – P. 23–48.

23. Toward objective classification of childhood autism: Childhood Autism Rating Scale (CARS) [Text] / E. Schopler, R. J. Reichler, R. F. DeVellis, K. J. Daly // *Autism Developmental Disorders*. – 1980. – Vol. 10. – N 1. – P. 91–103.
24. Sundberg, U. Voice Onset Time in Speech Directed to Infants and Adults [Text] / U. Sunberg // *International Conference of Phonetic Study*. – 1995. – Vol. 3. – P. 416–419.
25. Maternal Functional Speech to Children: A Comparison of Autism Spectrum Disorder, Down Syndrome, and Typical Development [Text] / P. Venuti, S. de Falco, G. Esposito, M. Zaninelli, M. H. Bornsteinc // *Research Developmental Disability*. – 2012. – Vol. 33. – N 2. – P. 506–517. Doi: 10.1016/j.ridd.2011.10.018.3-100.

References

1. Bednaya, E. D., Lyakso, E. E. (2011). Akusticheskie harakteristiki rechi otcov, obrashennoj k mladencam pervogo polugodija zhizni [Acoustics features of fathers' speech addressed to infants first half of life]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 3. Biology*, 3, 75–81.
2. Bornstein, M. H., Tal, J., Rahn, C., Galperín, C. Z., Pêcheux, M. G., Lamour, M., Toda, S., Azuma, H., Ogino, M., Tamis-LeMonda, C. S. (1992). Functional analysis of the contents of maternal speech to infants of 5 and 13 months in four cultures: Argentina, France, Japan, and the United States. *Developmental Psychology*, 28, 593–603.
3. Chelibanova, O. V., Petrikova, N. A., Lyakso, E. E. (2002). Vlijanie materinskoj rechi na formirovanije fonologicheskoj sistemy rodnogo jazyka u rebenka pervyh shesti mesjacev zhizni [The influence of maternal speech on the native language phonological system mastering in the child of the first six months of life]. *Vestnik of Saint-Petersburg University*, 2 (11), 93–100.
4. Ferguson, C. A. (1979). Phonology as an individual access system: Some data from language acquisition. In C. L. Fillmore, D. Kempler, W. S-Y. Wang, *Individual differences in language ability and language behavior* (pp. 121–137). New York : Acad. Press.
5. Fernald, A. (1985). Four month-old infants prefer to listen to mothers. *Infant Behavior and Development*, 8, 181–195.
6. Fernald, A. (1989). Intonation and communicative intent in mothers' speech to infants: Is the melody the message? *Child Development*, 60, 1497–1510.
7. Fernald, A., Simon, T. (1984). Expanded intonation contours in mother's speech to newborns. *Developmental Psychology*, 20(1), 104–113.
8. Fogel, A. Toda, S., Kawai, M. (1988). Mother-infant face-to-face interaction in Japan and United States: a laboratory comparison using 3-month-old infants. *Developmental Psychology*, 24, 398–406.
9. Griffiths, C., Smith, M. (2016). Attuning: A Communication Process between People with Severe and Profound Intellectual Disability and Their Interaction Partners. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*, 29, 124–138. DOI:10.1111/jar.12162.
10. Kemler-Nelson, D. G., Jusczyk, P. W., Mandel, D. R., Mayers, J., Turk, A., Gerken, L. A. (1995). The head-turn preference procedure for testing auditory

- perception. *Infant Behaviour and Development*, 18, 111–116. DOI: 10.1016/0163-6383(95)90012-8.
11. Konstantareas, M. M., Zajdeman, H., Homatidis, S., McCabe, A. (1988). Maternal speech to verbal and higher functioning versus nonverbal and lower functioning autistic children. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 18, 647–656.
 12. Kuhl, P. K., Andruski, J. E., Chistovich, I. A., Chistovich, L. A., Kozhevnikova, E. V., Ryskina, V., Stolyarova, E., Sundberg, U., Lacerda, F. (1997). Cross-language analysis of phonetic units in language addressed to infants. *Science*, 277, 684–686.
 13. Legerstee, M., Van Beek, Y., Varghese, J. (2002). Effects of Maintaining and Redirecting infant attention on the production of referential communication in infants with and without Down syndrome. *Journal of Child Language*, 29, 23–48.
 14. Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Grigorev, A. S., Sokolova, V. D., Yarotskaja, K. A. (2016). Raspoznavanije vzroslyni emocional'nogo sostojanija tipichno razvivajushihsjaja detei I detei s rasstrojstvami autisticheskogo spectra [Recognition of adults emotional state of typically developing children and children with autism spectrum disorders]. *Rossijskij Fiziologicheskij zhurnal im. I. M. Sechenova* [Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal], 102 (6), 729–741.
 15. Lyakso, E. E. (2001). Osobennosti akusticheskogo vzaimodejstvija v sisteme “mat’-ditja” na rannih etapah ontogeneza [Acoustic interaction features in “mother-child” system in the early stages of ontogenesis]. In T. N. Ushakova, N. V. Ufimceva, *Detskaja rech’: Psycholingvisticheskie issledovanija* [Child speech: psycholinguistic researchs] (pp. 81–101). Moscow: Psychology Institute of the Russian Academy of Sciences Press.
 16. Lyakso, E. E. (2002). Nekotorije harakteristiki materinskoj rechi, adresovannoj mladencam pervogo polugodija zhizni [Some features of maternal speech addressed to infants first half of life]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 3(2), 55–64.
 17. Lyakso, E. E. (2005). Vokal’no-rechevaja imitacija v diade “mat’- rebjenok”: pervyj god zhizni [Vocal-speech imitation in mother-child dyad: the first year of life]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 26 (3), 94–106.
 18. Lyakso, E. E., Chelibanova, O. V., Galunov, V. I. (2003). Akusticheskie harakteristiki materinskoj rechi, adresovannoj mladencam vtorogo polugodija zhizni [Acoustic characteristics of maternal speech addressed to infants second half of life]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 24 (5), 44–53.
 19. Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Smirnov, A. G., Kurazhova, A. V., Gaikova, Ju. S., Bednaya, E. D., Grigoryev, A. S. (2012). Uroven' rechevogo razvitija detej na jetape formirovanija navyka chtenija [Children speech communication at the stage of forming reading skills]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 33 (1), 73–87.
 20. Online semantic text analysis, seo-analysis [Electronic resource]. Retrieved from <<https://advego.ru/text/seo/>>.
 21. Pavlov, A. V. (2016). Osobennosti ustnogo discursa detej s rassroistvami autisticheskogo spectra [Oral discourse features of children with autism spectrum

- disorders]. In T. A. Krugljakova, M. A. Elivanova, *Problemy ontolinguistiki* [Ontolinguistics problems – 2016] (pp. 386–390). Ivanovo : LISTOS.
22. Schopler, E., Reichler, R. J., DeVellis, R. F., Daly, K. J. (1980). Toward objective classification of childhood autism: Childhood Autism Rating Scale (CARS). *Autism Developmental Disorders*, 10 (1), 91–103.
23. Sokolova, L. V., Golovin, V. V., Nekrylova, A. F. (1999). Tradicionnaja kultura vospitanija mladencev v svete psihofiziologičeskikh zakonomernostej rannego razvitija [Traditional culture of upbringing of babies in the light of psychophysiological regularities of early development]. In A. S. Batuev, *Psihofiziologija materi i rebenka. Mezhvuzovskij sbornik* [Psychophysiology of mother and child. Intercollegiate collection] (Vol. 33, pp.226–266). Saint-Petersburg : Saint-Petersburg State University Press.
24. Sundberg, U. (1995). Voice Onset Time in Speech Directed to Infants and Adults. *Proc. International Conference of Phonetic Study*, 3, 416–419. Doi:10.1159/000028450.
25. Venuti, P., de Falco, S., Esposito, G., Zaninelli, M., Bornsteinc, M. H. (2012). Maternal Functional Speech to Children: A Comparison of Autism Spectrum Disorder, Down Syndrome, and Typical Development. *Research Developmental Disability*, 33 (2), 506–517. DOI:10.1016/j.ridd.2011.10.018.3-100.

УДК 81'1
UDC 81'1

Макарова Елена Николаевна
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
Elena N. Makarova
Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russian Federation
e-mail: makarovayn@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ:
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
COMMUNICATIVE STRUCTURE OF THE UTTERANCE:
THE MAIN ASPECTS OF STUDYING**

Аннотация

В статье подробно рассмотрены основные подходы к анализу коммуникативной организации высказывания в отечественной и зарубежной лингвистике. Представлен обзор терминологии, используемой при описании коммуникативного членения с точки зрения бинарного и многокомпонентного подходов. Уделено внимание вопросу о количестве его компонентов и критериях их выделения. Описаны основные просодические, грамматические и лексико-семантические средства маркировки компонентов коммуникативной структуры.

Abstract

This article presents a thorough view of the main approaches to the analyses of communicative structure of the utterance in Russian and foreign linguistics. Review of terminology used in modern works on communicative structure is given from the point of view of the two approaches – binary and complex. The issue of the number of components of the utterance communicative organization and the criteria of their identifying is considered. The main prosodic, grammatical and lexico-semantic means of marking communicative structure components are described.

Ключевые слова: коммуникативная организация, тема – рема, данное – новое, фокус.

Keywords: communicative structure, theme – rheme, given – new, focus.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_48_57

Писать о видах коммуникативного членения сложно по нескольким причинам. Одна из них заключается в том, что при описании этого лингвистического явления авторы используют множество терминов. Обзор существующих в литературе подходов показывает, что, с одной стороны, за разными терминами может стоять одинаковое понимание этого явления

как вида членения, противопоставленного членению формально-грамматическому. С другой стороны, в современной литературе присутствует разное понимание сути коммуникативного членения при использовании одинаковой терминологии.

Теоретические концепции, с позиций которых анализируется смысловая организация предложения, находят отражение в терминах «актуальное членение предложения», «логико-грамматическое членение», «функциональная перспектива предложения», «логико-коммуникативное членение», «коммуникативное членение», «членение на элементы по степени важности». Часто термины «актуальное членение», «смысловое членение» и «коммуникативное членение» выступают в роли синонимов. Термин «коммуникативное членение» представляется более точным, поскольку указывает, что оно «действует в процессе и в целях коммуникации» [Сиротинина, 1965, с. 10]. Во многих исследовательских работах последних лет вопросы теории смысловой организации предложения рассматриваются именно в этом аспекте и описываются с помощью термина «коммуникативное членение».

Термины «смысловая структура» и «коммуникативная структура» могут употребляться в современной лингвистике в разных значениях: часто их рассматривают как синонимы, но существует мнение, что эти структуры не тождественны. Так, Е. В. Ягунова, описывая смысловую структуру, выделяет два её типа: собственно смысловую и коммуникативную, подразделяя последнюю на тема-рематическую и структуру «данное vs. новое» [Ягунова, 2008].

Ещё одна причина сложности разработки тематики коммуникативного членения заключается в том, что многие проблемы в этой области уже решены. Тема актуального членения предложения, поднятая в трудах В. Матезиуса и других членов Пражского лингвистического кружка, активно разрабатывается в отечественном и зарубежном языкознании с середины XX века. В российской лингвистической науке проблемы смысловой (коммуникативной) организации предложения анализировались в работах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, К. Г. Крушельницкой, В. З. Панфилова, И. И. Ковтуновой, Г. А. Золотовой, О. А. Лаптевой, И. П. Распопова, М. Я. Блоха, Н. Д. Арутюновой, И. Г. Торсуевой, Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой, С. В. Кодзасова и других учёных. Обзор современных подходов к актуальному членению предложения и анализ проблемных аспектов изучения этой теории в современной лингвистике, представленные в монографии Н. В. Иванова [Иванов, 2010], подтверждают пристальное внимание исследователей к этому вопросу и сегодня.

Однако, по мнению А. В. Павловой и Н. Д. Светозаровой, «несмотря на чрезвычайную популярность, теория актуального членения обнаруживает огромное количество “белых пятен”: нерешённых вопросов в ней, пожалуй, не меньше, чем решённых» [Павлова, Светозарова, 2010, с. 65].

Интерес к видам коммуникативной организации предложения и текста выражается в изучении различных аспектов этой проблемы. Авторами разрабатываются вопросы, не потерявшие своей актуальности. Одним из

них, по мнению А. В. Павловой и Н. Д. Светозаровой, остаётся проблема соотношения между грамматическим членением и коммуникативной структурой [Павлова, Светозарова, 2010; Павлова, 2009]. На материале разных языков обсуждается актуальное членение предложений разных семантико-структурных и коммуникативных типов, особенности коммуникативного членения и формальные средства его выражения в монологической и диалогической речи, принадлежащей к разным функциональным стилям.

В зарубежном языкознании тема коммуникативной организации предложения обсуждалась в работах Ф. Данеша, Я. Фирбаса, М. А. К. Хэллiday, Н. Хомского, У. Чейфа, К. Ламбрехта и многих других. В трудах современных зарубежных лингвистов эта проблема чаще всего описывается при помощи термина информационная структура, первое употребление которого приписывают М. А. К. Хэллiday [Halliday, 1967]. При анализе информационной структуры информативность того или иного элемента, как правило, определяется с учётом лингвистического или ситуативного контекста. Хотя термин информационная (информативная) структура среди российских лингвистов менее популярен, чем среди зарубежных, он также используется при анализе коммуникативной структуры текста в отечественных работах, поскольку признается, что «...в логико-коммуникативной структуре предложения отражается информативный аспект высказывания» [Гак, 1976, с. 208].

Одним из ключевых вопросов теории актуального (коммуникативного) членения остаётся вопрос о количестве его компонентов. Существуют разные подходы к выработке критериев при определении их количества. Большинство упомянутых выше отечественных и зарубежных авторов придерживаются так называемого бинарного (двучленного) подхода, выделяя два элемента – отправную точку и то, что о ней говорится. Терминология для их описания чрезвычайно многообразна: «тема» и «рема», «данное» и «новое» являются наиболее часто употребляемыми, но далеко не единственными. В качестве отправной точки высказывания, наряду с «темой» и «данным», используются термины «основа», «топик», «фон», «лексический субъект», «психологическое подлежащее», «определённое», которые в разных теориях могут употребляться как синонимы. Этому факультативному элементу коммуникативной структуры противопоставляется обязательная её часть. Для обозначения информации об исходном пункте сообщения «рема» и «новое» употребляются наряду с множеством других названий: «ядро», «комментарий», «логический предикат», «лексический предикат», «психологическое сказуемое», «неопределённое».

Несмотря на широкое синонимичное использование перечисленных терминов, для некоторых авторов «тема» и «рема», «данное» и «новое», «топик» и «фокус», «топик» и «комментарий» обозначают разноплановые категории. Например, В. Б. Касевич [Касевич, 2009] и Е. В. Ягунова [Ягунова, 2008] допускают тождественность понятий «тема» и «топик», с одной стороны, и «рема» и «комментарий» – с другой, но противопоставляют их категориям данности и новизны. На нетождественность пар компонен-

тов «тема – рема» и «данное – новое» указывают многие авторы, отмечая, что они являются параллельными и независимыми структурами. М. А. К. Хэллидей, один из первых зарубежных авторов, разграничивший эти пары элементов, относит данное и новое к единицам информационной организации дискурса, вычленение которых связано с предшествующим контекстом. Тема и рема, по мнению Хэллидея и Хэссан, напротив, не зависят от контекста [Halliday, Hassan, 1976, p. 179–180]. Помимо разницы в соотносённости с контекстом, Хэллидей [Halliday, 1967] при вычленении темы и ремы, с одной стороны, и данного и нового – с другой, подчёркивает разную направленность этих компонентов речевой структуры на участников коммуникации. Если тема и рема, по мнению автора, «ориентированы на говорящего» (speaker-oriented), то членение на данное и новое направлено на слушающего (listener-oriented). Данное не всегда содержит информацию, прямо упомянутую в предшествующем контексте, но, несомненно, по мнению говорящего, известную второму коммуниканту. По мнению А. В. Павловой и Н. Д. Светозаровой, данное и новое представляются «заданными контекстом благодаря лексической и грамматической семантике, включающей наши знания о мире, то есть целый набор пресуппозиций» [Павлова, Светозарова, 2010, с. 68].

Под новым И. И. Ковтунова понимает «действительно новое, не упоминавшееся в предшествующем контексте» [Ковтунова, 2002, с. 42].

Несмотря на параллельность и независимость тема-рематической структуры предложения и информационной структуры текста (в терминах Хэллидея), они соотносятся друг с другом: тема чаще всего соответствует данному, а рема – новому. Вместе с тем для разных языков описаны случаи, когда в роли данного может выступать как тема, так и рема, и наоборот, темой может быть не упоминавшийся ранее элемент, а ремой – уже известный собеседникам.

При описании информационной структуры высказывания наряду с понятиями «данное» и «новое» в современных зарубежных работах широко используется термин «фокус» («смысловой фокус»). По мнению большинства зарубежных лингвистов, фокус высказывания представляет собой универсальное языковое явление, тесно связанное с синтаксисом, фонологией и прагматикой. Его описание представлено в работах таких учёных, как М. А. К. Хэллидей, Н. Хомский, Р. Джакендоф, Д. Болинджер, Р. Лэдд и других. Термин «фокус», наряду с понятием «фокализация», можно встретить не только в работах зарубежных, но и отечественных лингвистов (см., напр., [Кодзасов, 2005 ; Halliday, Hassan, 1976]). Фокус в качестве дискурсивно нового или коммуникативно важного элемента, как правило, трактуется как член оппозиции, второй элемент которой чаще всего называется фоном или пресуппозицией. В разных работах эти два элемента могут быть по сути и терминологически тождественны членению на тему и рему и/или данное и новое, либо фокус может означать не совпадающий с ремой и/или новым компонент. Поскольку фокализация большинством авторов понимается как «дискурсивная операция, функция которой маркировка говорящим уровня информационной значимости

компонентов текста» [Кодзасов, 2005, с. 1], в фокусе может находиться не только новое, но и данное, если с точки зрения говорящего оно содержит самый информативный и важный элемент, не только рема, но и тема.

Обзор существующих классификаций типов фокуса представлен в работах Р. Лэдда [Ladd, 1996] и Э. Касиеллес [Casielles, 2004]. Основным критерием, на котором строятся эти классификации, являются границы фокуса, или его протяженность. Практически все зарубежные авторы признают существование двух основных типов фокуса: широкого и узкого. Понятие широкий фокус, как правило, используется при анализе изолированных высказываний. Определение «широкий» в этом случае означает, что в фокусе находится всё предложение. Несложно провести параллель между предложением с широким фокусом и более часто используемыми в отечественной лингвистике терминами предложение-рема или предложение, содержащее только новое. Этот тип предложений, как правило, отвечает на вопросы «Что случилось?», «Что происходит?», «В чём дело?», а ответ на них состоит из всего содержания высказывания [Гак, 1976, с. 209; Ковтунова, 2002, с. 40].

Узкий фокус, напротив, содержит, как правило, один лексический элемент. Процедура определения места узкого фокуса сопряжена с анализом лингвистического контекста. Такой контекст часто состоит из вопроса, содержащего вопросительное слово («кто», «где», «куда», «что» и т. д.). Лексическая единица, которая служит ответом на поставленный вопрос, и образует узкий фокус.

При анализе фокуса в нейтральной речи зарубежные авторы чаще всего пользуются терминами «презентационный фокус», «нейтральный фокус» или «информационный фокус». В качестве разновидности узкого фокуса при описании высказываний, содержащих контрастные элементы, в литературе употребляется термин «фокус контраста». Это название используется чаще всего при анализе предложений, содержащих отрицание сказанного ранее либо корректировку информации, представленной в presupпозиции.

Наряду с бинарным делением, существует и небинарный (многокомпонентный, градуальный, многочленный, шкалярный) подход к анализу коммуникативной структуры, подразумевающий существование переходных компонентов. Главным критерием такого членения является степень важности, которую присваивает говорящий тому или иному лексическому элементу, нарастающая, как правило, к концу высказывания. По мнению И. Г. Торсуевой, анализ по степени важности и деление на тему и рему, данное и новое не только не исключают, но дополняют друг друга [Торсуева, 1979]. В этом случае количество вычленимых компонентов не ограничено, но, как правило, один из них является наиболее важным с точки зрения говорящего.

Любая из представленных концепций предполагает наличие в высказывании лексического элемента, который маркируется говорящим при помощи тех или иных языковых средств на фоне остальных слов. В разных лингвистических работах такой элемент называется информативным, се-

мантическим, смысловым или коммуникативным центром. Что касается фокуса, то в рамках небинарного подхода, без противопоставления другому слову (или другим словам) он трактуется как самая информационно значимая единица текста.

Тема языковых средств воплощения коммуникативной организации высказывания разрабатывалась во второй половине XX века представителями Пражской лингвистической школы [Daneš, 1974 ; Sgall, 1967]. И сегодня вопрос о языковых формах, в которых реализуются компоненты смыслового членения, остаётся одним из самых проблемных и дискуссионных.

Практически все учёные признают, что в маркировке компонентов коммуникативного членения принимают участие интонация, грамматические (в том числе синтаксические) и лексико-семантические средства. Морфологические средства выражения коммуникативного центра высказывания описаны для сравнительно редких языков, например банту [Van der Wal, 2009].

Среди главных средств рематизации во множестве работ названы наибольшая степень выделенности, порядок слов, наличие неопределённого артикля, употребление выделительно-ограничительных наречий и частиц, использование определённых ремовыделительных синтаксических конструкций, семантика глагола [Павлова, 1986 ; Панфилова, 1986]. Среди средств маркировки исходного компонента (темы, данного) чаще всего перечислены начальная позиция, предупоминание в контексте (пресуппозиция), употребление перед именем существительным определённого артикля, отношение глагола к разряду нерематических или тематических.

Большинство учёных среди интонационных средств маркировки компонентов коммуникативного членения в языках мира называют мелодию и фразовое ударение – различная степень выделенности слова отражает степень его коммуникативной значимости. Обзор литературы подтверждает интерес исследователей к фонетическим характеристикам не только так называемого рематического акцента, который «противопоставлен данности – тому, что принимается за исходное» [Падучева, 2003, с. 3], но и тематического выделения [Падучева, 2003 ; Палько, 2010 ; Фаустова, 2009].

Порядок слов широко признан как основной и универсальный способ выделения коммуникативного центра высказывания в большинстве известных языков. Принято считать, что в нейтральных, изолированных от контекста высказываниях тема (данное), как правило, выраженная подлежащим, располагается в начале, а рема (новое) – в конце. Коммуникативная нагрузка возрастает от темы к реме, от данного к новому, и, как следствие, характерной позицией для коммуникативного центра является финальная. Однако такие простейшие случаи служат фоном для множества других примеров, когда под воздействием прагматического фактора порядок слов может меняться для придания тому или иному члену предложения особой коммуникативной нагрузки.

В разных языках средства коммуникативного членения могут как дополнять друг друга, так и действовать изолированно. Их анализ и системное описание способов реализации коммуникативной структуры высказывания на материале разных языков представляется интересной для исследования задачей, поскольку позволит не только описать интонационные, синтаксические и лексико-грамматические средства выделения того или иного компонента, но и проанализировать степень их взаимообусловленности с учётом ситуации общения и коммуникативных установок говорящего.

Представленный в статье обзор направлений изучения коммуникативной структуры высказывания может служить основой для дальнейшего исследования средств её реализации на конкретном языковом материале.

Список литературы

1. Брылева, Н. П. Актуальное членение и синтаксическая структура предложения в английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Брылева Наталья Петровна; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – Москва: [б. и.], 1978. – 20 с.
2. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В. Г. Гак. – Л.: Просвещение, 1976. – 286 с.
3. Иванов, Н. В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке (по материалам сопоставительного изучения португальских и русских текстов) [Текст] / Н. В. Иванов. – М.: Азбуковник, 2010. – 215 с.
4. Касевич, В. Б. Топик: понятийная категория? [Текст] / В. Б. Касевич // Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 127–128.
5. Ковтунова, И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения [Текст] / И. И. Ковтунова. – М.: УРСС, 2002. – 240 с.
6. Кодзасов, С. В. Фокализационное варьирование дискурсивных слов [Электронный ресурс] / С. В. Кодзасов. – [Б.м.], 2005. 7 с. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/kodzasov/focal-05.doc>.
7. Павлова, А. В. Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой [Текст]: дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Павлова Анна Владимировна; ЛГУ. – Л., 1986. – 213 с.
8. Павлова, А. В. Роль фразового ударения в полисемии [Текст] / А. В. Павлова, Н. Д. Светозарова // Acta Linguistica. – 2010. – Vol. 4. – N. 2. – С. 62–78.
9. Павлова, А. В. Понимание смысла предложений в связи с местом фразового ударения при восприятии письменной речи [Текст] / А. В. Павлова // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 71–91.
10. Падучева, Е. В. Акцентный статус как фактор лексического значения [Текст] / Е. В. Падучева // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2003. – Т. 62. – № 1. – С. 1–14.
11. Палько, М. Л. Интонационные средства выражения коммуникативных значений (на материале немецкого и русского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол.

- наук 10.02.19 / Палько Марина Леонидовна; Отдел теоретического и прикладного языкознания Учреждения Российской Академии наук Ин-та языкознания. – М., 2010. – 243 с.
12. Панфилова, Н. А. Роль семантики глагола в актуальном членении предложения (на примере конструкции S-V-O в современном английском языке) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Панфилова Наталья Александровна; ЛГУ. – Л., 1986. – 18 с.
 13. Сиротинина, О. Б. Порядок слов в русском языке [Текст] / О. Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. – 172 с.
 14. Сусов, И. П. Прагматическая структура высказывания [Текст] / И. П. Сусов // Языковое общение и его единицы: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин, 1986. – С. 7–11.
 15. Торсуева, И. Г. Интонация и смысл высказывания [Текст] / И. Г. Торсуева. – М.: Наука, 1979. – 110 с.
 16. Фаустова, Н. А. Интонационное выражение иллокутивных значений: на материале русского, французского и английского языков [Текст]: дис. ... канд. филол. наук 10.02.20 / Фаустова Нина Александровна; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2009. – 198 с.
 17. Ягунова, Е. В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей) [Текст] / Е. В. Ягунова. – Пермь, 2008. – 395 с.
 18. Casielles, E. The Syntax-information Structure Interface: Evidence from Spanish and English [Text] / E. Casielles. – N.Y.: Routledge, 2004. – 232 p.
 19. Daneš, F. Functional sentence perspective and the organization of the text [Text] / F. Daneš // Papers of Functional Sentence Perspective / ed. by F. Daneš. – Praha: Academia, 1974. – P. 106–128.
 20. Halliday, M. A. K. Intonation and Grammar of British English [Text] / M. A. K. Halliday – The Hague: Mouton, 1967. – 62 p.
 21. Halliday, M. A. K. Cohesion in English [Text] / M. A. K. Halliday, R. Hassan. – L.: Longman, 1976. – 392 p.
 22. Ladd, D. R. Intonational Phonology [Text] / D. R. Ladd. – Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1996. – 334 p.
 23. Sgall, P. Functional sentence perspective in the generative description [Text] / P. Sgall // Prague Studies in Mathematical Linguistics. – 1967. – № 2. – P. 203–225.
 24. Van der Wal, J. Word Order and Information Structure in Makhuwa-Enahara [Text]: PhD thesis / J. Van der Wal. – Utrecht, 2009. – 294 p.

References

1. Bryleva, N. P. (1978). *Aktual'noe chlenenie i sintaksicheskaja struktura predlozhenija v anglijskom jazyke* [Information structure and sentence syntactic structure in English]. Author's abstract of PhD diss. in Philological sci. Moscow.
2. Gak, V. G. (1976). *Sravnitel'naja tipologija francuzskogo i russkogo jazykov* [Comparative typology of French and Russian]. Leningrad: Prosveshhenie Press.
3. Ivanov, N. V. (2010). *Aktual'noe chlenenie predlozhenija v tekstovom diskurse i v jazyke (po materialam sopostavitel'nogo izuchenija portugalskih i russkih tekstov)*

- [Information sentence structure in text discourse and language (Based on comparative analysis of Portuguese and Russian texts)]. Moscow : Azbukovnik Press.
4. Kasevich, V. B. (2009). Topik: ponjatijnaja kategorija? [Topic: Is it a notional category?]. *Nauchnoe nasledie Vladimira Grigor'evicha Admoni i sovremennaja lingvistika* [Scientific heritage of Vladimir G. Admoni] : Papers of the International Scientific Conference devoted to 100-anniversary of V. G. Admoni (pp. 127–128). St-Petersburg. : Nestor-Istorija Press.
 5. Kovtunova, I. I. (2002). *Sovremennyj russkij jazyk. Porjadok slov i aktual'noe chlenenie predlozhenija* [Modern Russian. Word order and information sentence structure]. Moscow : URSS Press.
 6. Kodzasov, S. V. (2005). *Fokalizacionnoe var'irovanie diskursivnyh slov* [Focal variation of words in discourse]. Retrieved from <<http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/kodzasov/focal-05.doc>>.
 7. Pavlova, A. V. (1986). *Akcentnaja struktura vyskazyvanija v ee svjazjah s leksicheskoj semantikoj* [Accentual structure of the utterance in its connection with lexical meaning]. PhD dis. in Philological sci. Leningrad.
 8. Pavlova, A. V., Svetozarova, N. D. (2010). Rol' frazovogo udarenija v polisemii [The role of phrasal accent in polysemy]. *Acta Linguistica*, 4 (2), 62–78.
 9. Pavlova, A. V. (2009). Ponimanie smysla predlozhenij v svjazi s mestom frazovogo udarenija pri vosprijatii pis'mennoj rechi [Understanding the sentence in connection with place of a sentence stress in written speech perception]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 9, 71–91.
 10. Paduceva, E. V. (2003). Akcentnyj status kak faktor leksicheskogo znachenija [Accentual Status of a Semantic Component as a Factor of Lexical Meaning]. *Izvestija AN. Serija literatury i jazyka* [Literature and Language Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 62 (1), 1–14.
 11. Pal'ko, M. L. (2010). *Intonacionnye sredstva vyrazhenija kommunikativnyh znachenij (na materiale nemetskogo i russkogo jazykov)* [Prosodic means of expressing communicative meaning (Based on German and Russian)]. PhD dis. in Philological sci. Moscow.
 12. Panfilova, N. A. (1986). *Rol' semantiki glagola v aktual'nom chlenenii predlozhenija: na materiale ob#ektnyh konstrukcij v sovremennom anglijskom jazyke* [The role of verb meaning in information sentence structure: Based on object structures in Modern English]. Author's abstract of PhD dis. in Philological sci. Leningrad.
 13. Sirotinina, O. B. (1965). *Porjadok slov v russkom jazyke* [The word order in Russian]. Saratov : Saratov University Press.
 14. Susov, I. P. (1986). Pragmaticheskaja struktura vyskazyvanija [Pragmatic structure of the utterance]. In I. P. Susov (ed.), *Jazykovoje obshhenie i ego edinicy* [Language Communication and its Units] (pp. 7–11). Kalinin.
 15. Torsueva, I. G. (1979). *Intonacija i smysl vyskazyvanija* [Intonation and meaning of the utterance]. Moscow : Nauka Press.
 16. Faustova, N. A. (2009). *Intonacionnoe vyrazhenie illokutivnyh znachenij: na materiale russkogo, frantsuzskogo i anglijskogo jazykov* [Intonational

- manifestation of illocutionary meanings: Based on Russian, French, and English]. PhD dis. In Philol. sci. Moscow.
17. Jagunova, E. V. (2008). *Variativnost' strategij vosprijatija zvuchashhego teksta (jeksperimental'noe issledovanie na materiale russkojazychnyh tekstov raznyh funkcional'nyh stilej)* [Variation of oral text perception strategies (Experimental study based on Russian texts of various functional styles)]. Perm.
 18. Casielles, E. (2004). *The Syntax-information structure interface: Evidence from Spanish and English*. N.Y. : Routledge.
 19. Daneš, F. (1974). Functional sentence perspective and the organization of the text. In F. Daneš (ed.), *Papers of Functional Sentence Perspective* (pp. 106–128). Prague : Academia.
 20. Halliday, M. A. K. (1967). *Intonation and Grammar of British English*. The Hague : Mouton.
 21. Halliday, M. A. K., Hassan, R. (1976). *Cohesion in English*. L. : Longman.
 22. Ladd D.R. (1996). *Intonational Phonology*. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1996. 334 p.
 23. Sgall, P. (1967). Functional sentence perspective in the generative description. *Prague Studies in Mathematical Linguistics*, 2, 203–225.
 24. Van der Wal, J. (2009). *Word Order and Information Structure in Makhuwa-Enahara*. PhD thesis. De Universiteit Leiden : Utrecht.

УДК 811.512.212, 81'34, 81'33
UDC 811.512.212, 81'34, 81'33

Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru

Кравец Татьяна Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatyana V. Kravets
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
t_kravetc@mail.ru

Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: androsova_s@mail.ru

**КОЛЛЕКТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ
СЕЛЕМДЖИНСКИХ ЭВЕНКОВ (ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*
COLLECTIVE PORTRAIT
OF SELEMDZHA EVENKS' SPEECH (PHONETIC ASPECT)**

Аннотация

Статья посвящена фонетическим особенностям языка амурских эвенков, рассматриваемым в рамках теории речевого портретирования как совокупность языковых и речевых характеристик, присущих представителям данного социума, объединённых в национальном и географическом планах. Представлен опыт создания фонетического портрета компактно проживающих эвенков с. Ивановское Селемджинского района Амурской области и дисперсно проживающих в своих охотничьих угодьях на территории Мазановского района эвенков рода Каңаи. Выявлена разнородность речи селемджинских эвенков, хотя звуковые различия родовых групп оказались невелики. Специфика устной речи селемджинских эвенков состоит в «аканье», что относит их говор к восточному наречию. Род Каңаи наиболее активно пользуется языком в повседневном общении. Артикуляции представителей рода свойственны апиальность /t/, /d/, /dʲ/, /n/, /nʲ/ и реализация плоско-

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

щелевого /s/ («шеканье»). Взаимовлияние эвенкийского и русского языков отчётливо прослеживается в национальной речи селемджинских эвенков старшего поколения: веларизация бокового сонорного /l/, сосуществование переднеязычного палатализованного смычного [t̪] и переднеязычного палатализованного аффрицированного [tʃ] аллофонов фонемы /tʃ/. Черты взаимодействия с якутской фонологической системой зафиксированы у большинства дикторов и проявляются в сильной огубленности заднерядных гласных /u/, /u:/, /o/, /o:/. Анализ F1 и F2 долгих и кратких гласных выявил их качественные различия, что не совпадает с ранее полученными данными. В отношении согласных зафиксировано отсутствие придыхания у смычных глухих. Основным признаком для различения пар /p/-/b/, /t/-/d/, /k/-/g/ было поведение голосовых связок.

Abstract

The article describes phonetic features of the language of the Amur Evenks in the framework of the theory of speech portrait as a combination of language and speech properties common for the community members united in terms of national and geographical affiliation. The article presents the phonetic portrait of Selemdzha Evenks' speech. We divided Selemdzha Evenks into two groups: those who compactly live in Ivanovskoye village (Selemdzhinsky district, Amur Region) and those of Kaŋai kin who nomad in their hunting territory (Mazanovsky district, Amur Region). We found certain heterogeneity of the Selemdzha Evenks' speech, although the differences turned out small. Oral Selemdzha Evenks speech has a-like accent as a characteristic feature of the Eastern dialect group. Kaŋai kin most actively use their national language in daily communication. Kaŋai representatives preserve apical articulation of /t/, /d/, /di/, /n/, /ni/ and practice flat dental articulation of /s/ («lisps»). Strong Russian-Evenki language interference can be clearly seen in velarization of sonorant /l/, coexistence of voiceless plosive palatalized apical [t̪] and voiceless palatalized affricate [tʃ] as allophones of the phoneme /tʃ/. Yakut-Evenki language interference affected all our subjects in terms of strong lip-rounding of back vowels /u/, /u:/, /o/, /o:/. F1 and F2 measurements of long and short vowels demonstrated their difference in quality – the result not found in previous studies. Acoustic analysis also demonstrated the lack of originally present aspiration in realization patterns of voiceless plosive consonants. The main feature to distinguish between voiceless-voiced pairs /p/-/b/, /t/-/d/ /k/-/g/ was vocal chords off-on pattern.

Ключевые слова: фонетический речевой портрет, языковая личность, селемджинский говор эвенкийского языка, гласные, согласные, акустические характеристики.

Keywords: phonetic speech portrait, linguistic personality, Selemdzha local accent of the Evenki language, vowels, consonants, acoustic properties.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_58_103

1. Введение

На всём протяжении развития лингвистики проблема языковой личности обсуждалась неоднократно [Нерознак, 1996 ; Красных, 2001 ; Виноградов, 1930 ; Weisgerber, 1962 ; Караулов, 1982]. Так, рассуждая о языковой личности, Ю. Н. Караулов упоминает об уровнях её организации:

структурно-языковом, отражающим степень владения обыденным языком и лингвокогнитивном, то есть отражающим личность в описании языковой модели мира, которые обладают как стабильными, так и изменчивыми чертами [Караулов, 2010, с. 37–38], которые в свою очередь проявляются в речи человека.

Антропоцентрический подход к изучению языковой личности на стыке таких наук как этнология и лингвистика, психология и лингвистика, прагматика и лингвистика, социология и лингвистика и так далее позволил исследовать личностные характеристики, влияющие на речеобразование, что привело к формированию особого направления, изучающего языковую личность с точки зрения описания её речевого портрета. В отечественном языкознании идею фонетического портретирования в 60-х годах XX века выдвинул представитель Московской социолингвистической школы М. В. Панов [Панов, 1990]. В дальнейшем фонетическое, а затем речевое портретирование как метод описания языковой личности, нашёл широкое применение в современной лингвистике и стал актуальным в отечественных лингвистических исследованиях [Земская, 2011 ; Николаева, 1991 ; Бабушкина, 2012 ; Крысин, 2003 ; Китайгородская, Розанова, 1995 ; Оглезнева, 2005 ; Сиротинина 1996].

Т. П. Тарасенко понимает речевой портрет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования», в котором находят отражение такие аспекты личности, как: 1) возрастные, 2) гендерные, 3) психологические, 4) социальные, 5) этнокультурные, 6) лингвистические. [Тарасенко, 2007, с. 8]. С. В. Леорда также связывает речевой портрет с языковой личностью и считает проблему речевого портрета частным направлением исследования языковой личности [Леорда, 2006, с. 4].

В научной литературе принято различать два направления в речевом портретировании: создание индивидуальных и коллективных, национальных портретов. Е. А. Оглезнева утверждает, что, несмотря на то, что речевой портрет отражает индивидуальные черты речи конкретного говорящего, он представляет языковое бытие социальной группы, к которой относится говорящий, и в этом смысле любой речевой портрет – явление типическое [Оглезнева, 2005].

Как отмечает Г. Г. Матвеева [Матвеева, 1993, с. 14], в центре внимания индивидуального речевого портрета находится индивидуальный стиль, отражающий особенности конкретной языковой личности. Такой портрет чаще всего составляется при исследовании личности неординарной, элитарной, которой свойственно творческое отношение к языку. Кроме того, индивидуальный речевой портрет даёт возможность судить о речевых характеристиках той или иной социальной группы. Коллективный речевой портрет позволяет обобщить явления, присущие определённому кругу людей, объединённых в национальном, возрастном, социальном, профессиональном плане. Речевой портрет позволяет выявить особенности языковой личности и её принадлежность к определённой социальной группе. Таким образом, несмотря на пристальное внимание к инди-

видуальным особенностям речи субъекта учёные акцентируют своё внимание на характеристиках, типичных для той или иной социальной группы.

Метод речевого портретирования характеризуется достаточной вариативностью, поскольку в зависимости от сформулированных целей и задач могут различаться исследовательские стратегии, меняться параметры портретирования и так далее [Иванцова, 2008, с. 36].

Анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности. При этом возможно описание не всех слоев языка, так как «языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам» [Николаева, 1991, с. 73]. Часто создание речевого портрета имеет целью реконструкцию языковой личности лишь по одному уровню, изучить только одну сторону речи: фонетический, лексический или синтаксический уровень. Объектом исследований, охватывающих все языковые уровни, часто выступает коллективный речевой портрет. В исследованиях при характеристике речевого портрета большое внимание уделяется языковым особенностям: например, при проведении анализа речи носителя литературного языка в качестве аспектов исследования могут рассматриваться соответствие ортологическим нормам, изучение орфоэпических вариантов [Китайгородская, Розанова, 1995], синтаксические конструкции в формировании речевого портрета персонажа [Голубева, 2002 ; Колокольцева, 2015].

Большинство работ по анализу речевого портрета основано на устных и письменных источниках. Материалом для исследования служат написанные от руки тексты и магнитофонные записи, тексты художественных произведений, данные лингвистических экспериментов.

Одним из самых важных моментов в характеристике речевого портрета, по мнению Т. М. Николаевой, является фиксация наиболее ярких элементов [Николаева, 1991, с. 73]. В связи с этим, описание всех уровней языка не является обязательным, основополагающей является характеристика языковых особенностей и особенностей речевого поведения.

Описание речевого портрета предполагает сбор информации о говорящем субъекте. Наименее трудоёмкой является процедура сбора информации о языковой личности с опорой на её письменный дискурс или его имитацию, однако полученные в этом случае данные недостаточны для всесторонней характеристики исследуемого объекта и требуют разработки методов реконструкции его внеязыкового компонента. Наиболее разносторонние и полные сведения о различных сторонах феномена языковой личности даёт непосредственное наблюдение, но при этом весьма сложной задачей является фиксация речи информанта в естественных условиях общения. В настоящее время выработано несколько методик сбора речевого материала посредством записи спонтанной речи индивида [Иванцова, 2008, с. 29].

В отечественной практике фиксации речи конкретных языковых личностей используется «включённое наблюдение», которое подразумевает длительное, непрерывное и систематическое наблюдение над объектом [Крысин 1994 ; Коготкова, 1975].

Основной метод сбора материала может дополняться традиционными приёмами наблюдения (не содержащего компонента «соучастия»), прямого опроса, лингвистического интервьюирования, тестирования [Тимофеев, 1971]. При изучении языковой личности упоминается также анкетирование, однако в реальной практике исследования отдельных индивидов оно встречается редко [Панов, 1990].

Для анализа речевого портрета существуют и другие подходы к сбору материала. Это разного рода экспериментальные методы, ориентированные на получение интересующих лингвистов данных от носителей литературного языка. Не последнее место в этом списке занимает ассоциативный эксперимент [Аниськина, 2001 ; Лингвоперсонология ..., 2006].

Метод речевого портретирования отличается широкой вариативностью. При исследовании реальных языковых личностей распространённым является активно используемый в лингвистике описательный метод (метод научного описания), заключающийся «в планомерной инвентаризации единиц языка и объяснении особенностей их строения и функционирования» [Ахманова, 2007, с. 233].

Последние годы в область описания языковой личности широко внедряется выделившийся как самостоятельный лексикографический метод лингвистики, заключающийся в представлении разнообразных свойств языковых единиц посредством упорядоченной определённым образом системы словарных статей. Например, данный метод использован для создания звуковой иллюстрированный эвенкийско-русско-английский тематический словарь [Словарь ..., 2017], главной целью которого является документирование и сохранение звуковых образцов исчезающей речи селемджинских эвенков.

Большинство фрагментарных портретов имеет социолингвистическую направленность. Центральное место в них обычно занимает поярусное описание языковой системы информанта, встречаются наблюдения над речевым поведением; как правило, приводятся биографические сведения о говорящем, иногда в портрете представлен образец текста. Характеристика индивидуальных особенностей в речи субъекта сочетается с выделением черт, типичных для той или иной социальной группы, причём акцент делается именно на последних. Этот вид портретирования подразумевает выявление специфических черт языковой личности на фоне социолингвистических переменных [Оглезнева, Блохинская, 2015]. К социолингвистическим можно отнести в первую очередь наиболее многочисленные на сегодняшний день портреты языковых личностей русского зарубежья – эмигрантов первой волны и их потомков [Оглезнева 2005, с. 101]. Среди индивидуальных портретов, репрезентирующих другие социолингвистические типы, выделяются портреты носителей диалекта [Оглезнева, 2004], эмигрантов [Язык русского зарубежья, 2001], старшеклассников [Аниськина, 2001]. Для обозначения этой разновидности описания языковых личностей в лингвистике закрепляются близкие по форме и семантике термины «социолингвистический портрет» [Николаева, 1991], «социально-речевой портрет» [Крысин, 2003 ; Оглезнева, 2004]. Как отмечает Н. В. Аниськина, благодаря такому описанию, «...мы получаем речевой портрет отдельного

человека, отражающий как его общие черты, присущие ему как представителю разных множеств и подмножеств..., так и его индивидуальные черты, присущие ему как личности» [Аниськина, 2001, с. 207].

В проекте исследования феномена конкретной языковой личности, предпринятом исследователями Томской лингвистической школы, разрабатывается тип недифференциального комплексного речевого портрета, включающий системное описание всех отмеченных в дискурсе информанта особенностей идиолекта – фонетических, грамматических, лексических, синтаксических, текстовых – в сочетании с изучением языкового сознания говорящего и его концептосферы [Иванцова, 2008, с. 38]. Схема или моделирование описания речевого портрета разнообразны. В структуре описания речевого портрета Ю. Н. Караулова, например, находится самая известная «трехуровневая модель языковой личности»: 1) вербально-семантический уровень; 2) когнитивный уровень; 3) прагматический уровень [Караулов, 2010, с. 38–39; Китайгородская, Розанова, 2003, с. 182].

Появление динамично развивающегося направления в исследовании языкознания – понятия «дискурс» – предоставляет новую точку зрения в исследовании речевого портрета языковой личности. По определению, предложенному К. Ф. Седовым, дискурс – это «речевое произведение в индивидуальном исполнении – и в устной, и в письменной форме, которое используется в процессе социального взаимодействия людей, и в котором находят непосредственное воплощение все функции языка, уровни языковой системы» [Седов, 2004, с. 56].

В теории речевого портретирования нередко используется метод матричной реконструкции, адаптированный для решения задач описания лингвистического ландшафта (обобщённого речевого портрета) конкретного региона [Милованова, 2012]. Динамическая матрица речевого портрета реконструируется на основе модели описания речевого портрета Е. В. Осетровой с позиций дискурсивного подхода на примере речевого портрета российских политиков. Данная модель существует в двух планах: содержательная составляющая и речевая (коммуникативная) составляющая [Осетрова, 1999]. Этот метод представляет собой комплексное рассмотрение языковых явлений по типу матриц, которые отражают набор определённых величин, расположенных в виде таблицы [Лопушанская, 2005, с. 16]. Использование метода матричной реконструкции позволяет соотносить реальные величины разного порядка с целью выявления характера их соотношения, а точнее – представленности единиц в речи разных социальных групп носителей диалектов. Как реальные величины рассматриваются фонетические, грамматические, лексические, словообразовательные особенности, а также пол, возраст, образование, социальный статус информантов [Лопушанская, 2005; Немировская, 2009]. Таким образом, портретирование, вслед за Е. А. Иванцовой, может быть определено как «планомерное описание особенностей языковой личности в соответствии с поставленными исследователем задачами» [Иванцова, 2008, с. 39].

Что касается объекта портретирования, то в настоящее время в лингвоперсонологии наблюдается расширение: от персоны к типажу, а затем к

более широким общностям людей – вплоть до региона и страны, с одной стороны, и – с другой, к текстовым реальностям как продуктам речевой деятельности людей [Регионы России ..., 2009]. В современных исследованиях термин «языковой портрет» оказывается в одном ряду с терминами «языковой облик» и «лингвистический ландшафт» города [Сиротинина, 1988; Грачев, Романова, 2006, 2008]. Суженным вариантом социолингвистического или «лингвоисторического» портрета является уровневый, отражающий только один из ярусов языковой системы индивида. Данная разновидность описания языковой личности восходит к серии фонетических портретов [Слесарева, 1997].

Фонетические, а именно произносительные, черты – наиболее характерный показатель речи человека, определяющий социальную принадлежность языковой личности. Кроме того, навыки реализации сегментных единиц и интонационных моделей, которыми человек овладевает с детства, не осознаются самим говорящим, действуют автоматически (в отличие от выбора слова, который часто бывает вполне осознан и взвешен): самоконтроль того, как вы произносите тот или иной звук, в нормальной речи затруднён или даже невозможен. Если начать обращать внимание на звуковую сторону ваших слов и тем самым отвлекаться от их смысла, то вскоре можно потерять нить разговора, и речевое общение нарушится. Таким образом, манера произношения – достаточно объективный критерий, по которому можно судить о личности говорящего [Крысин, 2004, с. 159].

В речевом портрете говорящего человека отражаются фонетические характеристики личности, относящиеся к сегментному и суперсегментному уровням: мелодика, темп, паузация, скорость речи, способ приостановки, эмоциональная нагрузка и другие. Такие портреты описывают индивидуальную манеру произношения отдельного, данного человека. При этом, их социальная и общекультурная ценность несомненна, поскольку каждый портрет отражает особенности речи определённой общественной среды, которую представляет «портретируемый». А. Н. Рахматуллина подтверждает эту мысль, говоря, что «в социолингвистических исследованиях речевое и фонетическое портретирование позволяет через анализ консонантизма, вокализма и интонационных характеристик выявить те черты языковой личности, которые несут в себе признаки групповой принадлежности» [Рахматуллина, 2011, с. 42].

Фонетические характеристики речи говорящего являются отражением личностных характеристик, заключённых в его речевом портрете и включающих в себя возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические особенности [Бабушкина, 2012, с. 9]. При изучении лингвистических особенностей очень важны данные о месте рождения и месте постоянного проживания носителя того или иного языка, другими словами – территориальные черты.

Целью данного исследования является создание фонетического портрета носителей селемджинского говора эвенкийского языка – эвенков, проживающих в Селемджинском районе Амурской области Дальневосточного Федерального округа Российской Федерации.

2. Фонетический портрет селемджинских эвенков

2.1. Материал и методика исследования

Для выявления фонетических характеристик, присущих селемджинскому говору, было предпринято экспериментально-фонетическое исследование, материалом которого послужили списки изолированно произнесённых слов и спонтанная речь шести дикторов, для которых эвенкийский язык является родным, постоянно используется в кругу семьи и родственников. Актуальность данной работы связана с проблемой возрождения исчезающих языков и сохранения информации по языковому разнообразию и культурно-историческим ценностям человечества, а также разработки звуковых фондов на материале исчезающих языков.

2.2. Статус и социолингвистическая структура эвенкийского языка

Отмечая кризисное состояние культуры и языка амурских эвенков, Н. Я. Булатова констатирует, что эвенкийский язык значителен как исчезающий, терпящий бедствие и, на сегодняшний день, будучи фактически малоизученным и практически системно не описанным, снижает свой социальный статус в пределах области, сужается сфера его употребления в качестве основного средства общения в национальных посёлках [Булатова, 1987, с. 9]. Кроме этого, большая диалектная раздробленность (в эвенкийском языке три наречия и более 50 говоров) не только увеличивает количество материала, подлежащего описанию, но и затрудняет фонологическую интерпретацию некоторых фонетических явлений. Поэтому необходимо не только дать фонетическое описание звукового состава языка, но и системы фонем эвенкийского языка.

Эвенкийский язык принадлежит к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи. Выделяется три группы диалектов: северная, южная и восточная. Каждый диалект подразделяется на говоры [Булатова, 1987]. В. И. Цинциус и Н. Я. Булатова [Цинциус, 1949, с. 12–13; Булатова, 1987, с. 81–87] предлагают уточнённую классификацию говоров эвенкийского языка. Ими выделяются три наречия, распадающихся более чем на 50 говоров.

I. Северное (спирантное) наречие. Оно включает два диалекта: 1) илимпийский: говоры – илимпийский, агато-большепорожский, туринский, тутончанский, дудинский или хантайский; 2) ербогачёнский: говоры – ербогачёнский, наканновский.

II. Южное (сибилянтное) наречие. Оно состоит из двух подгрупп: а) шекающая, б) секающая. Ш е к а ю щ а я (шипящая) подгруппа включает два диалекта: 1) сымский: говоры – токминский или верхненепский, верхнеленский или качугский, ангарский; 2) северобайкальский: говоры – северобайкальский, верхнеангарский. С е к а ю щ а я (свистящая) подгруппа объединяет три диалекта: 1) подкаменно-тунгусский: говоры – байкитский, ванаварский, куюмбинский, полигусовский, суриндинский, таймурский или чириндинский, учамский, чемдальский; 2) непский: гово-

ры – непский, киренский; 3) витимо-нерчинский или баунтовско-талочский: говоры – баунтовский, талочский, тунгукоченский, нерчинский.

III. Восточное (сибилянтно-спирантное) наречие. Оно представлено семью диалектами: 1) витимо-олёкминский: говоры – баргузинский, витимский или каларский, олёкминский, тунгирский, токкинский; 2) верхнеалданский: говоры – алданский, верхнеамурский, амгунский, желтулакский, тимптонский, томмотский, хинганский, чульманский, гиллойский; 3) учурско-зейский: говоры – учурский, зейский; 4) селемджинско-буреинско-урмийский: говоры – селемджинский, буреинский, урмийский; 5) аяно-майский: говоры – аянский, аймский, майский, нельканский, тоттинский; 6) тугуро-чумиканский: говоры – тугурский, чумиканский; 7) сахалинский говор.

Язык эвенков Амурской области представлен тремя говорами: зейским – говор эвенков с. Бомнак Зейского района, желтулакским – говор эвенков сёл Усть-Нюкжа, Первомайское и Усть-Уркима Тындинского района, селемджинским – говор эвенков с. Ивановское Селемджинского района. Все эти говоры относятся к восточному наречию эвенкийского языка [Пылаева, 2003, с. 59].

Селемджинские эвенки проживают на северо-востоке Амурской области в горно-таёжной местности, приравненной к территориям Крайнего Севера. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», местом компактного проживания селемджинских эвенков считается с. Ивановское Селемджинского района Амурской области. По данным статистики Ивановского Сельсовета на 01.01.2016 г., в с. Ивановское проживало 396 чел., из них – 322 эвенка (81,5 %) шести эвенкийских родов (Бута, Эдян, Лалигир (Лалэгэрдар), Кумкада, Канāи, Мэнэмну (Моно) в порядке убывания количества представителей каждого рода). Эвенкийских родов Аингкагир, Бэтум [Василевич, 1958, с. 576–577], Бэтуң, Буллот [Болдырев, 2013, с. 11], ранее проживавших на территории Селемджинского района Амурской области, уже не зарегистрировано. Население села формировалось из разных миграционных потоков, прибывающих из пос. Якутская Стойба, Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края, Зейского района Амурской области.

Село Ивановское отличается по разнородности этнического состава населения и превосходит другие сёла Амурской области по количественному составу этнических эвенков: 322 эвенка, 60 якутов, 20 представителей других национальностей. Основными видами традиционной деятельности селемджинских эвенков являются оленеводство, охотничий промысел, пошив национальных изделий, сбор дикоросов.

Селемджинский говор относится к селемджинско-буреинско-урмийскому диалекту восточного наречия эвенкийского языка северной ветви тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи [Булатова, 1987, с. 81–87]. Предки проживающих ныне в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области эвенков – это эвенки ранее существо-

вавшего в Амурской области пос. Якутская Стойба и переселившаяся часть эвенков из Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края. Причём эвенки пос. Якутская Стойба были эвенкийско-якутскими билингвами. Прибывшие в с. Ивановское тугуро-чумиканские переселенцы – только эвенкоязычными. В силу смешения населения, эвенкийский язык села характеризуется разнородностью.

К селемджинскому говору мы также относим язык эвенков рода Каңаи (численность рода на февраль 2017 г. составляет 18 чел.), отдельно проживающих на территории Мазановского района в своих охотничьих родовых угодьях. Между эвенкийским родом Каңаи и эвенками с. Ивановского существовали и существуют постоянные связи, между ними заключались брачные союзы, производился обмен оленями и тому подобное. Эвенки рода Каңаи (семьи Яковлевых и Стручковых) изначально проживали по р. Норе и её притокам. Среди населения эту обособленно живущую группу эвенков принято называть «эвенками норской группы» или «единоличниками». Имея прописку в селах Майское, Новокиевский Увал, Дугда, норские эвенки предпочитают жить в местах, исконно принадлежащих их предкам, на северо-востоке Мазановского района в тайге, находящейся за Норским заповедником, а именно, по берегам рек Нора, Желтула, Асмакан, Эгор.

Перейдём к анализу дистрибуционных особенностей селемджинского говора, отличающих его от литературного эвенкийского языка и других говоров. Прежде всего, следует подчеркнуть ряд дистрибуционных отличий, касающихся согласных. Во-первых, по своим фонетическим характеристикам селемджинский говор характеризуется как сибилантно-спирантный на основании дистрибуции (распределения) глухих щелевых согласных /s/ и /h/, подчиняющихся следующему правилу реализации: в начальной позиции встречается как переднеязычный /s/, так и фарингальный /h/ (напр., *сулаки* «лисица», *нокто* – «дорога»), в интервокальной позиции в слове реализуется только фарингальный /h/ [Константинова, 1964, с. 4]. Приведём следующие примеры: *ахи* «женщина» (лит. *аси*); *ухй* «уздечка» (лит. *усй*), *оха* «камыс» (лит. *оца*). Однако в сочетании *-кса* указанной замены не происходит и фонемный состав соответствует литературному, например, *туксакй* «заяц», *сэксэ* «кровь», *тамнакса* «туман», *сулакйкса* «лисыя шкура», *эмэксэ* «придя», *дукуксэ* «написав».

Во-вторых, в речи селемджинских эвенков суффикс винительного падежа *-ва* после носовых согласных ассимилирует и имеет форму *-ма*, а после основ с конечным глухим согласным – *-на*, после основ с конечным «к» – *-ка* (*дуруккан* «всех»). Безлично-притяжательный суффикс ед. ч. *-ви свой* и мн. ч. *-вар, свой* после носовых н ассимилирует и имеет формы соответственно *-ми* и *-мар*, после согласного «ң» – *-ңи* и *-ңар*, после основ с конечным глухим согласным – *-ти* и *-нар*, после суффикса мн. ч. – *-би*, *-бар*.

В-третьих, в селемджинском говоре эвенкийского языка зафиксировано функционирование ассимилированных геминированных согласных на месте некоторых гетероганных сочетаний: *-лл-* (лит. *-лд-*), *-нн-* (лит. *-нд-*),

например, *олло* «рыба», *уллэ* «мясо», *иллэ* «тело», *нанна* «шкура», *дуннэ* «земля».

Своеобразие звукового строя селемджинского говора эвенкийского языка также проявляется в отличной от литературного эвенкийского дистрибуции гласных долгого /з:/ и /а:/ в речи селемджинских вместо /з:/ реализуется /а/. Данная диалектная черта свойственна большинству восточных говоров эвенкийского языка, благодаря чему восточные эвенкийские говоры в некоторых литературных источниках по эвенкийскому языку получили название «акающих».

При анализе языковой структуры селемджинского говора необходимо учитывать фактор влияния якутского и русского языков. Яркие черты взаимовлияния родного эвенкийского и русского языков уже отчётливо заметны в национальной речи селемджинских эвенков старшего поколения. На звуковом уровне следует отметить веляризацию бокового сонорного /л/, сосуществование переднеязычного палатализованного смычного [tʲ] и переднеязычного палатализованного аффрицированного [tʃʲ] аллофонов фонемы /tʃ/. Черты якутской фонологической системы в речи селемджинских эвенков проявляются в сильной огубленности заднерядных эвенкийских гласных /u:/, /u/, /o:/, /o/. Русско-якутский акцент в речи селемджинских эвенков можно охарактеризовать как стабильный, так как он зафиксирован у большинства участвующих в записи дикторов.

В ходе изучения социолингвистической ситуации у селемджинских эвенков Амурской области были выявлены обстоятельства, определяющие усвоение эвенкийскими детьми черт артикуляционного уклада, свойственного русскоязычному населению. Артикуляционно-акустическая база как динамический стереотип, видоизменяясь, передаётся из поколения в поколение в своих существенных чертах до тех пор, пока этнос сохраняется как компактная общность [Селютина, 2011, с. 14]. Известно, что построение артикуляционно-акустической базы происходит у ребёнка в возрасте от девяти месяцев до двух лет в процессе общения с матерью (другим воспитателем). Позднее же – от двух до пяти лет – присущий этносу динамический стереотип артикуляционно-акустических привычек закрепляется в сознании на всю жизнь. Многочисленные исследования артикуляторных баз этносов Сибири и сопредельных регионов, проводимые Лабораторией экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН, демонстрируют факт социальной природы артикуляционно-акустической базы этноса, нежели биологической. Данное обстоятельство говорит об определяющей в формировании артикуляционно-акустической базы роли окружающей ребёнка социальной среды, а не особенностей речевого аппарата представителей этноса [Селютина, 2011, с. 16].

Так, в 70-е гг. прошлого столетия на территории с. Ивановского Селемджинского района Амурской области начинает работу детский комбинат для эвенкийских детей (аналог современного комбинированного детского сада-яслей), где малыши с двухмесячного возраста круглосуточно находятся в течение пяти дней в неделю. Только в выходные у родителей

имеется возможность провести время с ребёнком в кругу семьи. Персонал в Ивановском детском комбинате, а затем в средней общеобразовательной школе, состоял из смешанного русскоязычного и эвенкоязычного населения. Важно отметить, что общение воспитателей и учителей с детьми и обучение в школе осуществлялось на русском языке. Эвенкийский язык в школе преподавался только на начальном этапе – со второго по четвёртый класс [Морозова, 2015, с. 75]. Согласно данным анкетирования, проведённого в июле 2011 г., 52–53-летние представители селемджинского говора эвенкийского языка ещё обладают связной речью на эвенкийском языке, 45-летние селемджинские эвенки, воспитывающиеся в детских комбинатах, уже не говорят на родном языке, хотя знают много отдельных эвенкийских слов, используемых в традиционной хозяйственной деятельности.

Кроме того, необходимо констатировать, что фонетическая сторона исконно эвенкийской лексики, характеризующей традиционный уклад жизни, в речи среднего и молодого поколений селемджинских эвенков претерпела значительные изменения. Это касается в первую очередь, артикуляционного уклада произносительных органов, который характеризуется своей дорсальной природой в отличие от свойственной эвенкийскому языку апикальной (кончик языка при производстве речи поднят к верхним альвеолам). По нашим данным, около 8 человек старшего поколения из 330 жителей села (2% всего населения) сохраняет национальный апикальный уклад артикуляции. Произнесение дорсальных эвенкийских согласных вместо апикальных на слух малозаметно. Однако этот незаметный перенос в эвенкийскую речь типичных произносительных особенностей русского языка говорит о смене у современных эвенков языковых механизмов производства и восприятия родной речи.

2.3. Фонологическая система

2.3.1. Инвентарь согласных

Инвентарь согласных фонем селемджинского говора включает 18 фонем, примыкая к языкам консонантного типа: количество эвенкийских согласных достигает 62% всего фонемного инвентаря (18 согласных при 11 гласных). В фонологической системе согласных селемджинского говора эвенкийского языка (табл. 1) существуют две основные противопоставляющие друг другу категории – шумные /p, b, t, tʃ (tʃ), d, d', k, g, s, h/ и сонанты /m, n, nʲ, ŋ, β, l, j, r/. В категории шумных имеются две оппозиции – смычные /p, b, t, tʃ, d, dʲ, k, g/ и щелевые /s, h/. Все смычные представлены парами – глухой и звонкий, фонологическое противоположение которых состоит в наличии или отсутствии голоса. Признак придыхательности уже не является для эвенкийских шумных смычных согласных релевантным (ср. [Матусевич, 1960, с. 134]). Вывод о признании ведущим признаком для различения пар /p/-/b/, /t/-/d/, /k/-/g/ поведение голосовых связок также сделан в работе коллектива новосибирских исследователей [Сравнительное ..., 2013]. Шумные щелевые, в противоположность смычным, не имеют звонких пар, а их количество сводится всего к двум согласным – /s/ и /h/,

фонологический статус которых является спорным вопросом эвенкийской фонологии. Внутри категории сонантов выделяются группы смычных /m, n, n', ŋ/, щелевых /β, l, j/ и дрожащий /r/. Необходимо отметить, что в речи некоторых селемджинских эвенков не зарегистрировано аффрикат, в частности /tʃ/, на письме передаваемой буквой «ч», в отличие от, например, томмотского говора (/tʃa:lba:n/ *чалба̄н* – «берёза», /tʃa:/ *ча̄* – «чёрный коршун» и др.) [Андреева, 1988, с. 42]. В соответствующих позициях реализуется переднеязычный смычный палатализованный /tʃ/, что было подтверждено в лаборатории экспериментальной фонетики Амурского государственного университета двумя экспертными группами, проводившими записи речи от носителей селемджинского говора эвенкийского языка (август 2011 г., декабрь 2012 г.).

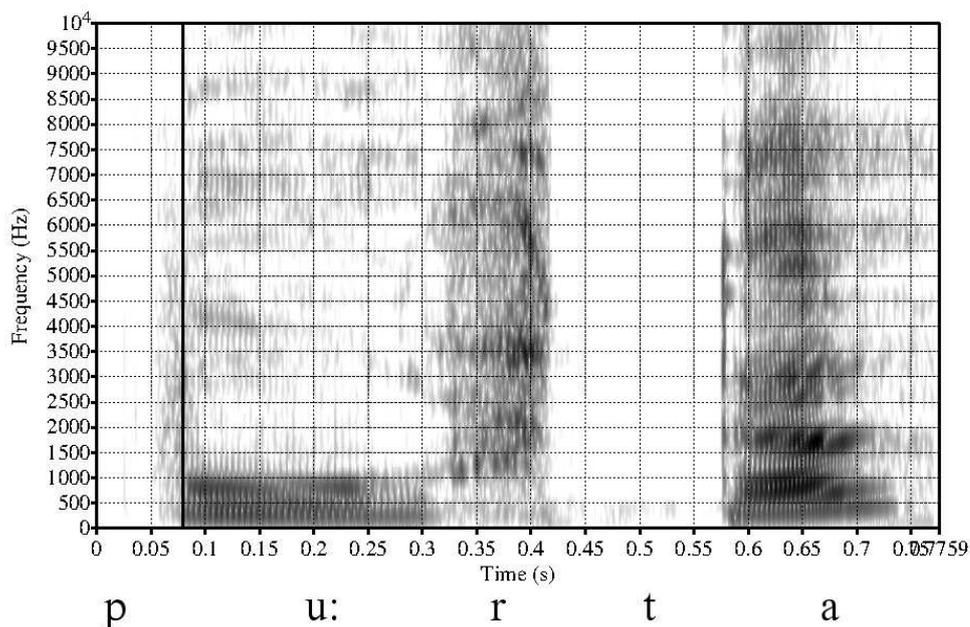
Т а б л и ц а 1. Артикуляционная классификация согласных фонем в селемджинском говоре эвенкийского языка

Активный орган Способ образования		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Фарингальные
		Шумные	Смычные p b	t d tʃ (tʃ) dʃ	-	k g
	Щелевые	-	s	-	-	h
Сонанты	Смычные	m	n nʲ	-	ŋ	
	Щелевые	β	l	j	-	-
	Дрожащие	-	-	r	-	-

2.3.2. Артикуляционно-акустическое описание согласных звуков селемджинского говора эвенкийского языка

/p/ – шумный смычный губно-губной глухой согласный. Его произнесение начинается с губной смычки, за которой следует слабый взрыв, который в превокальной позиции может сопровождаться турбулентным шумом, который не выражен в сочетании со следующим согласным в середине слова. Согласный /p/ встречается во всех позициях: /po:ta/ «сумка», /tʃu:pa/ «каша», /badapki:/ «сухая ветка», /tapkami:/ «аплодировать», /uɣupsɜ/ «весело», /dɜlɣkzmi:/ «колоть дрова», /arpulmi:/ «махать», /dʃampan/ «палатка», /lampi:/ «упряжь», /sɜp/ «инструмент» [Морозова, 2015, с. 121], /pu:rta/ «длинный нож» (рис. 1), /tiŋzɣtun/ «ремень для стягивания седла, вьюка» (рис. 6), /tʃorko/ «ущелье» (рис. 7). В речи селемджинских представителей рода Бута губно-губной глухой смычный /p/ широко варьирует. Этой вариативности способствуют: 1) ослабление смычки, ослабление взрыва и сокращение его по времени; 2) потеря придыхания; 3) озвончение

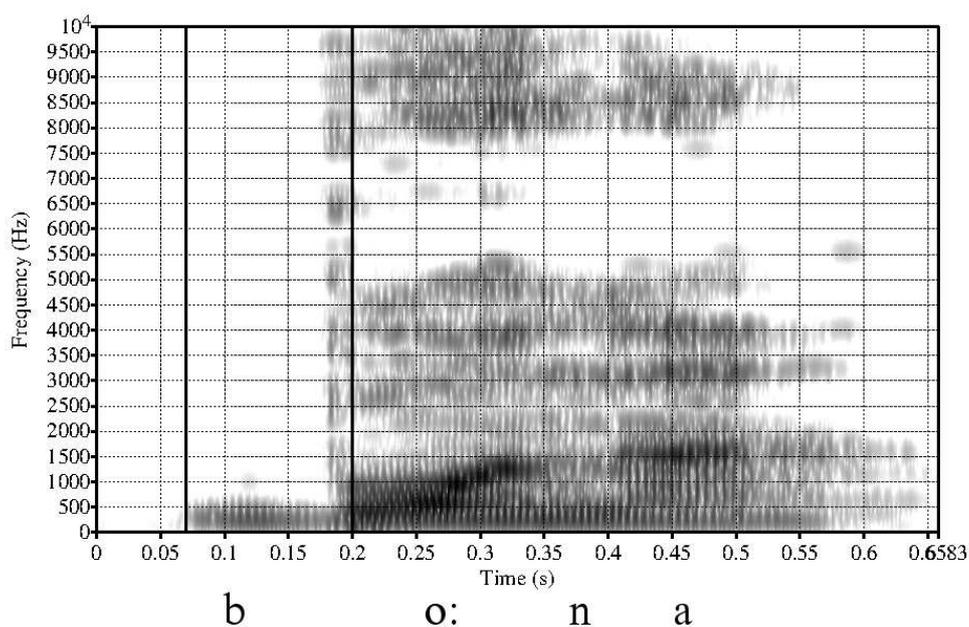
под влиянием гласного контекста; 4) имплозия (отсутствие размыкания артикулирующих органов, в данном случае – губ).

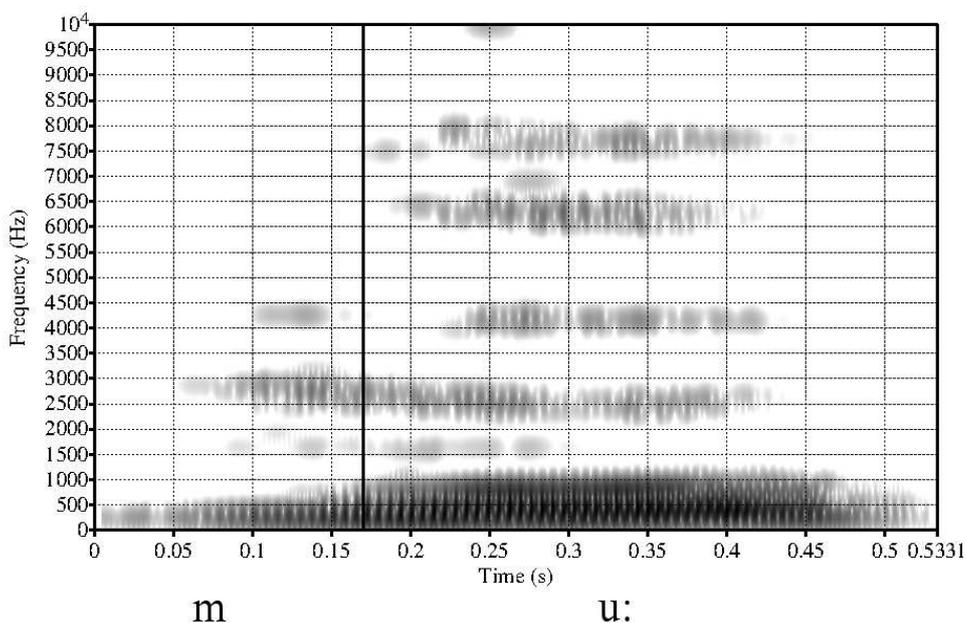
Р и с у н о к 1. Слово /pu:rta/ «длинный нож» (D2)

/b/ – шумный смычный губно-губной звонкий согласный. Согласный /b/ встречается только в позициях начала и середины слова: /bʒiɾe:/ «мурашки по коже», /o:n biɟʒn:i/ «как живёшь?», /boloni:/ «осень», /abulmi:/ «обессилеть», /abultʃa:/ «голод», /abdu:/ «животное», /dolbohik/ «волк», /dolbonmo:n/ «сегодня ночью», /arbagas/ «шуба меховая», /tarbak/ «перчатки», /sirba/ «уха», /koɾbz:/ «бык племенной», /la:lbuکا/ «мох простой» [Словарь ..., 2017]. Конечного /b/ в селемджинском говоре, как и в других говорах, нет. В превокальной позиции на всём протяжении согласного фиксируется F0 в соответствующей области спектра (как в слове /bo:na/ «град» на рис. 2). В сочетании /b/ с последующим шумным смычным звонким согласным регистрируется частичная либо полная потеря взрыва (имплозия). В речи селемджинских представителей родов Каңāи и Эдян целевых аллофонов фонемы /b/ не зафиксировано. У Бута менее плотная смычка перед гласными заднего ряда /o, u/. Более того, в речи одного и того же представителя Бута отмечено свободное варьирование /b/ и /β/ в одном и том же слове, например: /abdun/ – /aβdun/ «берлога».

/m/ – губно-губной смычный носовой сонант. Обладает высокой частотностью. Встречается во всех позициях в слове: /mo:/ «дрова», /mi:rʒ/ «февраль», /a:ma:/ «спать хочется», /ɟʒmo:/ «есть хочется», /ɟʒmʒre:/ «надоело», /umɟʒ:/ «однажды», /ɟʒampan/ «накомарник», /kumkʒ:n/ «жук», /anɟʒamta:n/ «в этом году», /inɟʒmʒ:n/ «сегодня», /ɟʒiram/ «толстый», /ɟʒalum/ «полный», /ɟʒonum/ «длинный». При реализации /m/ размыкание губ происходит плавно; во всех случаях, за редким исключением, импульсных составляющих не фиксируется (рис. 3, 29–34, 36).

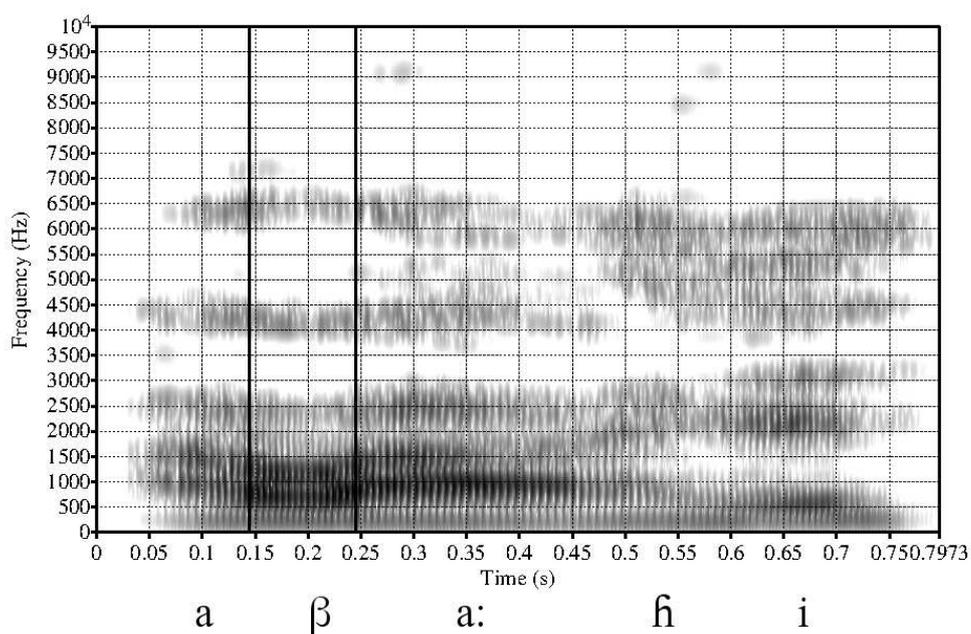
Р и с у н о к 2. Слово /bo:na/ «град» (D3)

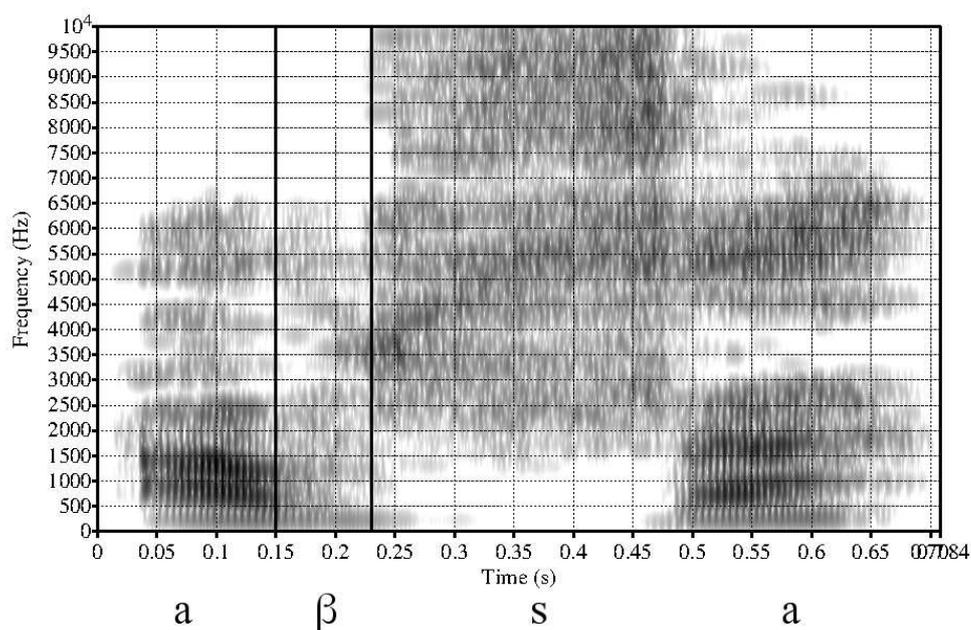
Р и с у н о к 3. Слово /mu:/ «вода» (D1)

Конечный /m/ никогда не имеет импульсных составляющих и всегда имплозивен. Глухих смычных и звонких щелевых аллофонов /m/ в позиции конца слова на нашем материале, в отличие от более ранних данных М. И. Матусевич [Матусевич 1960, с. 154–155], не зафиксировано.

/β/ – губно-губной щелевой сонорный, артикулируемый с плоской щелью (рис. 4–5).

Р и с у н о к 4. Слово /aβa:hi/ «чёрт» (D1)

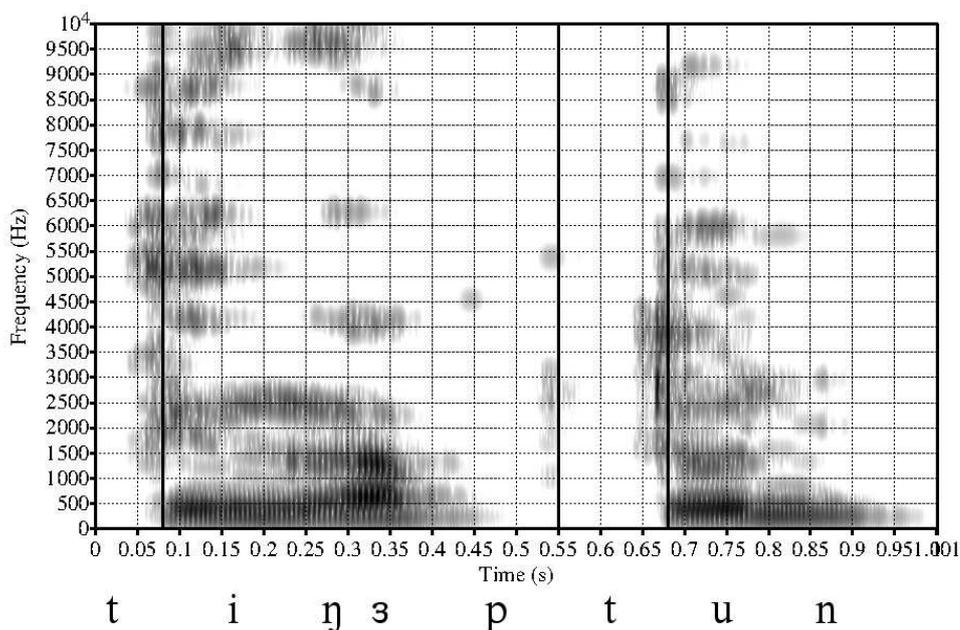

Р и с у н о к 5. Слово /aβsa/ «сумка для рукоделия» (D1)

Вслед за М. И. Матусевич [Матусевич 1960, с. 156–157], для обозначения данного сонанта нами используется транскрипционный знак /β/, поскольку используемый ранее в литературе по эвенкийскому языку знак /w/ [Василевич, 1948; Цинциус, 1949] не отражает истинной артикуляции данного звука. В речи селемджинских эвенков данная фонема артикулируется сближенными друг к другу губами, которые образуют щель по всей их длине, губы при этом не округляются и не выпячиваются. Встречается во

всех позициях реализации, например: /oβi:laha/ «апрель», /βe:lika/ «ласточка», /aβa:hi/ «черт», /ti:niβz/ «вчера», /aβdu:n/ «нора», /biβkz:/ «коренной житель», /gɨβtʃz:n/ «косуля», /zmzgzβ/ эмэрэв «мы пришли (не включая вас)», /ge:β/ «мой друг». Звук обычно имеет чёткую формантную структуру, характерную для сонорных (см. рис. 4), однако в ряде случаев может появляться и турбулентный шум (см. рис. 5). В конечной позиции слова и перед согласным фонема /β/ оглушается. В речи селемджинских Бута сонорный /β/ в позиции перед глухим согласным сохраняет свою звонкость (см. на рис. 5 затемнения в области 50–400 Гц).

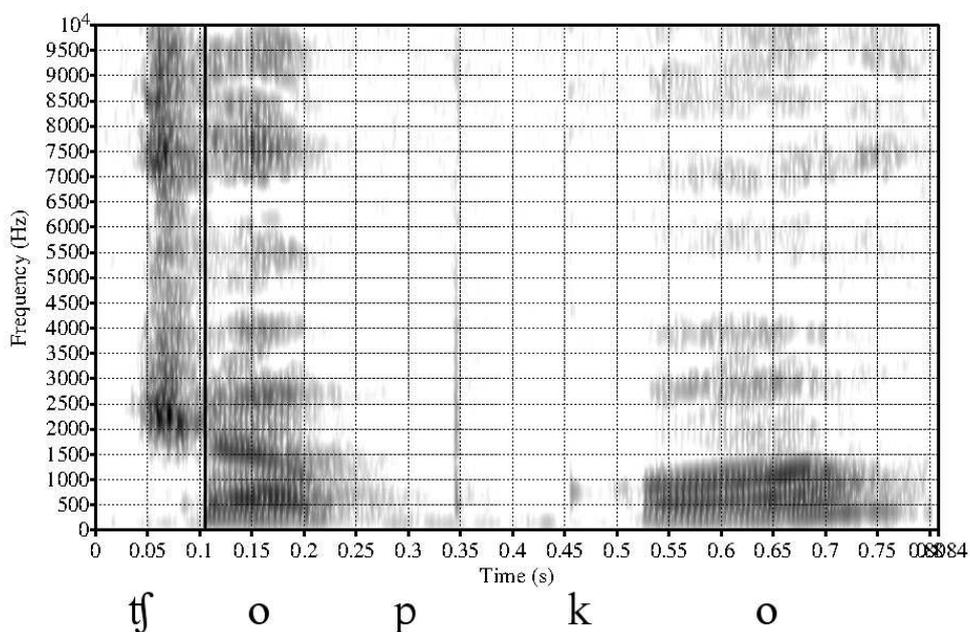
/t/ – переднеязычный апикальный смычный глухой согласный. Относительно реализации эвенкийского переднеязычного глухого смычного /t/ можно сделать следующие выводы: 1) полная спирантизация, палатализация и озвончение коррелятам согласного /t/ не свойственны; 2) в начальной позиции согласный перед гласными переднего ряда согласный /t/ подвергается аффрикатизации (рис. 6 – первый согласный).

Р и с у н о к 6. Слово /tiŋzptun/ «ремень для стягивания седла, выюка» (D1)

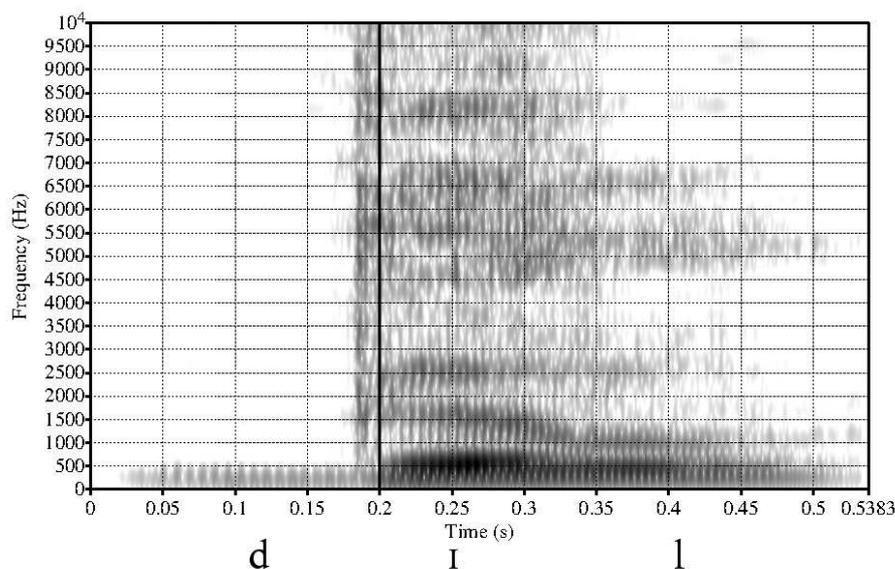
В других позициях аффрикатизация согласного /t/ не отмечена (рис. 1 и рис. 6 в начале последнего слога); 3) в отношении способа образования согласный /t/ имеется чёткий, но слабовоздушный взрыв; 4) элемент придыхательности у согласного /t/ выражен слабо; 5) импловивные аллофоны согласного /t/ реализуются не только в позиции абсолютного конца слова, но и в препозиции к шумным и сонорным смычным согласным. Встречается во всех позициях в слове, например: /tikune:/ выражение гнева, /to:ki:/ «лось», /tulɨn/ «вон» (собаке), /ata:ki:/ «паук», /o:tki/ «декабрь», /dʲantaki:/ «россомаха», /zktzŋkirz/ «март», /a:βuptɨn/ «мочалка», /hi:mat/ «скорее», /tʃu:βit/ «кулик».

/tʃ/ – переднеязычная глухая аффриката; не встречается в позиции конца слова и препозиции к согласному. Примеры употребления: /tʃiβkatʃa:n/ «птичка», /tʃa:pa/ «гнездо», /tʃopko/ «ущелье» (рис. 7), /tʃoβoki:/ «коготь», /tʃutʃun/ «скребок с мелкими зубцами», /nʲɪʃu:ksz/ «ровдуга из шкуры», /nʲutʃi:βun/ «каркас для дымления шкур», /sukʒtʃz:n/ «топорик», /tokʃoko/ «полоз на нартах», /abultʃa:/ «голод». В речи селемджинских Бута на месте аффрикаты реализуется переднеязычный апикулярный смычный мягкий /tʃ/. В речи дикторов других родов палатализованный [tʃ] встречается эпизодически в слабой фразовой позиции при быстром темпе артикулирования. Это обстоятельство заставляет предположить, что данная фонема в речи представителей рода Бута находится в весьма неустойчивом положении, имея тенденцию превратиться в аффрикату /tʃ/ под влиянием родной речи эвенков-односельчан, а также русского языка.

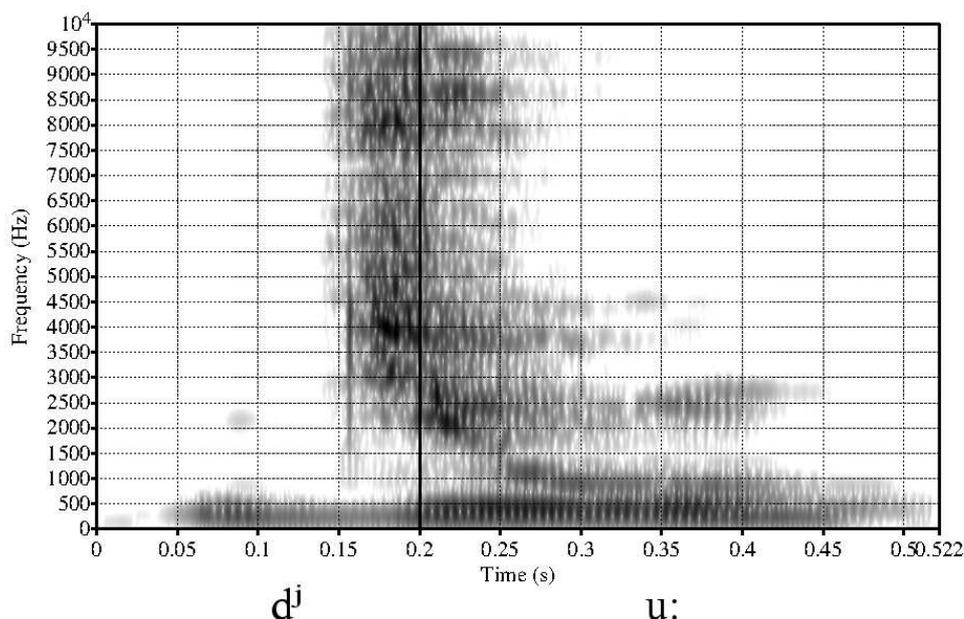
Р и с у н о к 7. Слово /tʃopko/ «ущелье» (D1)

/d/ – переднеязычный смычный звонкий апикулярный согласный. Встречается во всех позициях, кроме препозиции к согласному. Реализация в конце слова ограничено сокращённым восклицанием «Мōд! Мōд!», образованного от полного окрика на оленей – «Мōду! Мōду!». Перед переднерядными гласными не подвергается палатализации. Интервокальный /d/, как и в начальной позиции, никогда не теряет элемента смычки и не переходит в щелевой. Примеры реализации: /dil/ «голова» (рис. 8), /dilaʃa:/ «солнце», /da:ptun/ «устье реки», /dun:z/ «земля», /dʒrʒ:n/ «исток, начало реки», /gugda/ «высота», /guldiβun/ «сговор», /kandare:/ «устал», /hugdarpi/ «ноябрь».

Р и с у н о к 8. Слово /dil/ «голова» (D1)

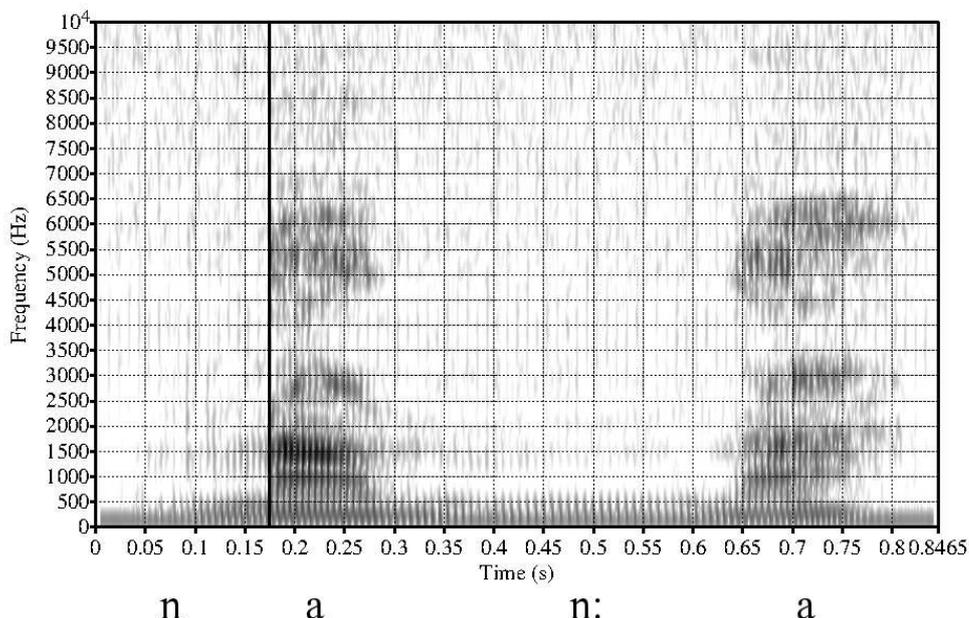
/dʲ/ – переднеязычный смычный звонкий апикальный палатализованный согласный; не встречается в позиции конца слова и препозиции к согласному. Реализуется с выраженной аффрицированностью, но при этом не переходит в разряд аффрикат. Примеры употребления в слове: /dʲa/ «стой! (оленю)», /dʲu:/ «дом» (рис. 9), /dʲukʲ/ «лед», /gudʲe:j/ «красота», /dʲzmo:/ «есть хочется», /sʲirudʲan/ «сентябрь».

Р и с у н о к 9. Слово /dʲu:/ «дом» (D1)

/n/ – переднеязычный смычный носовой сонант апикального образования (рис. 2, 6, 10, 17, 18, 25, 26, 30). Перед гласными переднего ряда па-

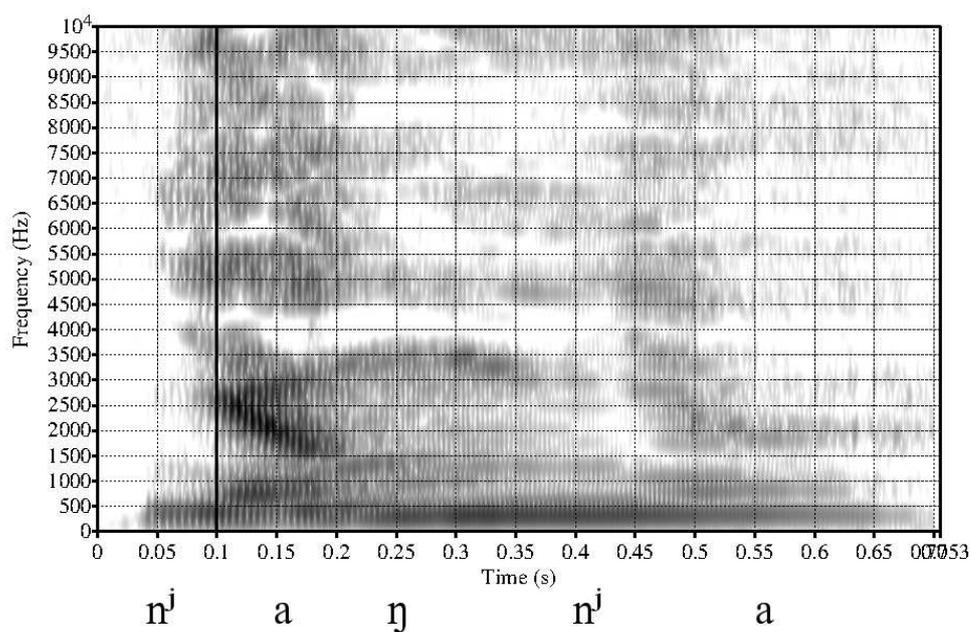
латализации не подвергается. В конце слова реализация /n/ всегда имплозивна. Примеры реализации: /nan:a/ «кожа (животного)», /antaga/ «южный склон горы», /tʰɪzβun/ «распятие для сушки шкур», /zje:n/ «течение».

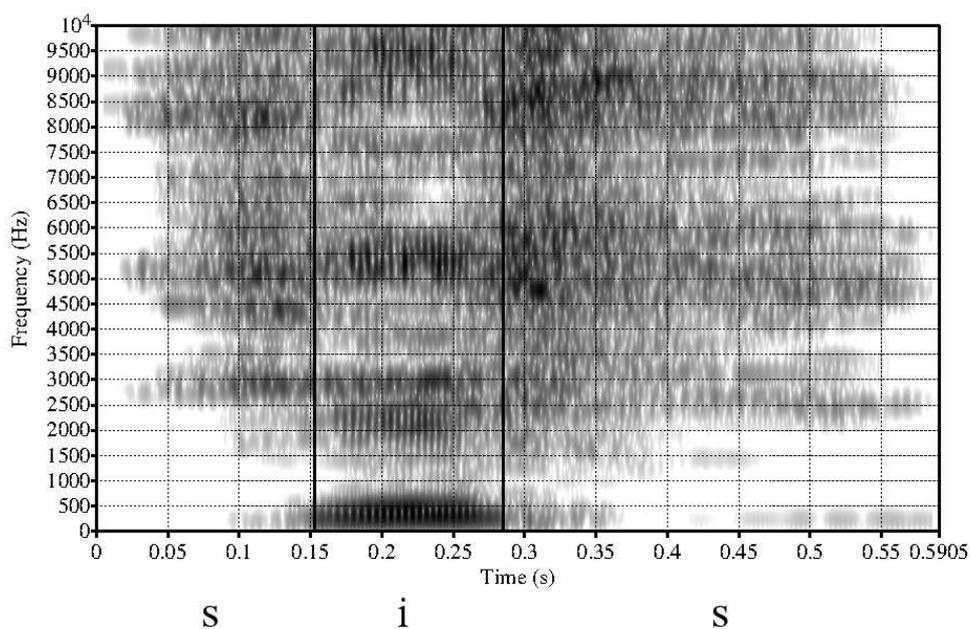
Р и с у н о к 10. Слово /nan:a/ «кожа животного» (D1)

/nⁱ/ – переднеязычный смычный носовой палатализованный сонант (рис. 11, 24). Оглушению /nⁱ/ никогда не подвергается. Не употребляется в конце слова. Примеры реализации: /nⁱaŋnⁱa/ «небо», /tuɣznⁱ:/ «зима», /aŋŋa nⁱ:/ «год», /nⁱzŋdʒɪz/ «день ясный, хороший».

/s/ – переднеязычный щелевой апикальный глухой согласный с плоской щелью (рис. 12, 5, 35). Данные слухового и спектрального анализа речи эвенков Каңай позволяют констатировать реализацию плоскощелевого /s/ в словах типа сагды/шагды «старый», сэктэ/шэктэ «ветвь хвойного дерева», которая отличает их речь от речи эвенков, проживающих в с. Ивановское. Именно плоская щель, получаемая при артикулировании распластанным языком и с плоским укладом губ, придаёт согласному так называемый «шекающий» характер («шепелявый» оттенок). По мнению Л. Р. Зиндера, акустическое различие между этими двумя типами заключается в том, что круглощелевой /s/ характеризуется высокой интенсивностью шума, а плоскощелевой /s/ – низкой [Зиндер, 1979, с. 144]. Акустическая разница между круглощелевым и плоскощелевым эвенкийским /s/ не настолько сильна, чтобы её услышать при раздельном их произнесении, но в случае сопоставления звуков обоих типов она достаточно явственна. Примеры реализации: /si:s/ «жердь горизонтальная в палатке», /suksil:a/ «лыжа», /su:ksɜ/ «вязочки для унтов», /najaksa/ «замшевые унты» и так далее. Имеет мягкие аллофоны (рис. 35).

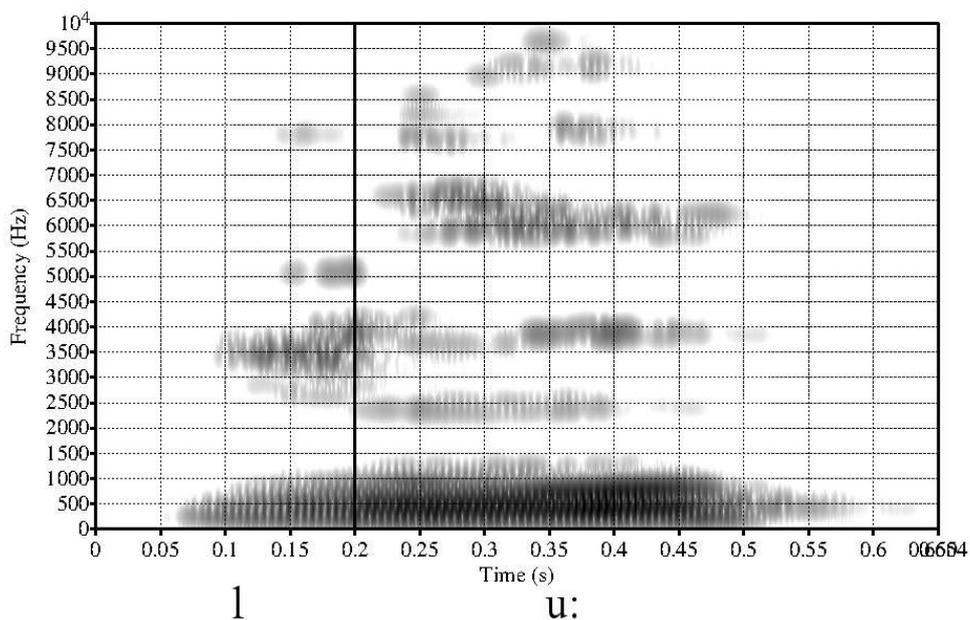
Р и с у н о к 11. Слово /nʲaŋnʲa/ «небо» (D1)

Р и с у н о к 12. Слово /sis/ «жердь горизонтальная в палатке» (D1)

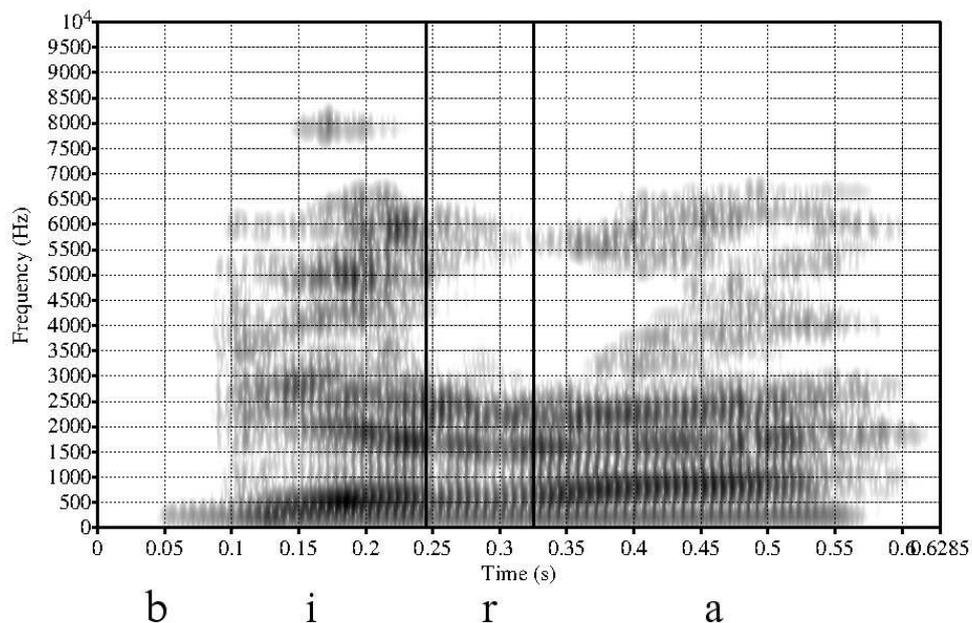
/l/ – переднеязычный апикальный латеральный щелевой сонант (рис. 13, 8). На слух воспринимается как «европейский» /l/ немецкого или французского типа. Под влиянием русского языка в речи некоторых представителей Эдян реализуется веларизованный /l/. У Бута часто встречается палатализованный аллофон данного согласного. Интересно, что в суффиксах повелительного наклонения 2 лица ед. ч. -kal реализуется твёрдый аллофон, в суффиксе -kɜl – мягкий, например: /gakal/ ~ /surukɜl/. Примеры

реализации: /lu:/ «смола», /uliβun/ «весло», /gu:la/ «северный склон горы», /dilaŋfa:/ «солнце», /aldiβun/ «тесло», /dil/ «голова».

Р и с у н о к 13. Слово /lu:/ «смола» (D1)

/r/ – переднеязычный дрожащий сонант (рис. 14, 19). В начальной позиции слова не встречается.

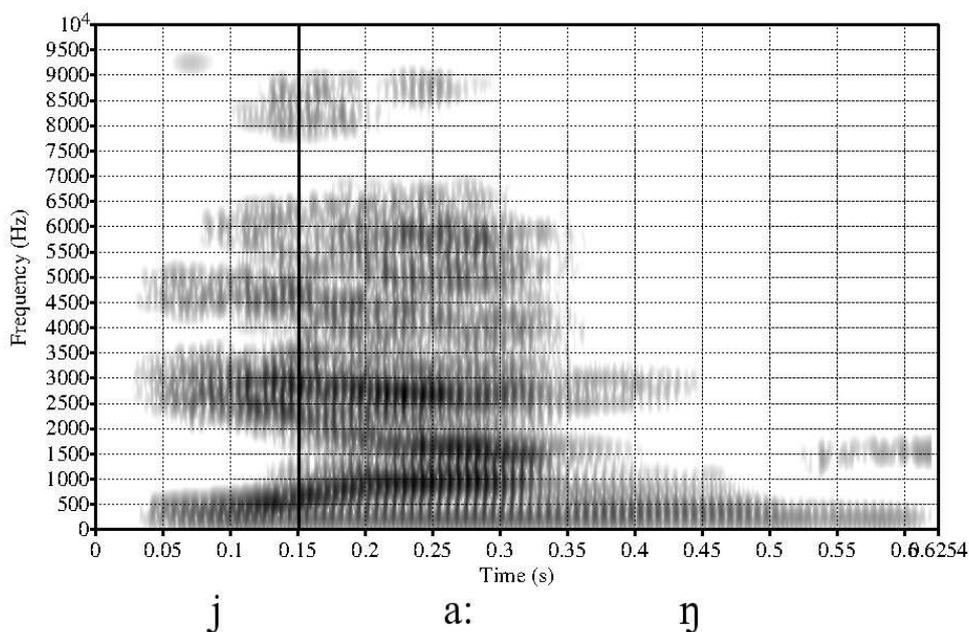

Р и с у н о к 14. Слово /bira/ «река» (D1)

В интервокальной позиции в своём большинстве одноударный, но нередко звонкие шумные щелевые оттенки по типу /r/ в китайском языке

(рис. 1). В конце слова часто оглушается, но при этом имеет раскатистый характер. Примеры реализации: /zri:βun/ «лопата», /ηз:ri/ «свет», /turu/ «дощечки для привязывания ребёнка к вьюку», /ari:ru:k/ «маслёнка», /hurka/ «петля», /hзrki/ «брюки», /kaβur/ «треск».

/j/ – средняяязычный щелевой сонант. Реализуется во всех позициях слова. Примеры реализации: /ja:η/ «сопка (рис. 15), голец», /ju:ktz/ «родник», /majaki:t/ «качели», /najaksa/ «замшевые унты», /djalja atβin/ «безумие», /zje:n/ «течение», /siηkзj/ «алюминий».

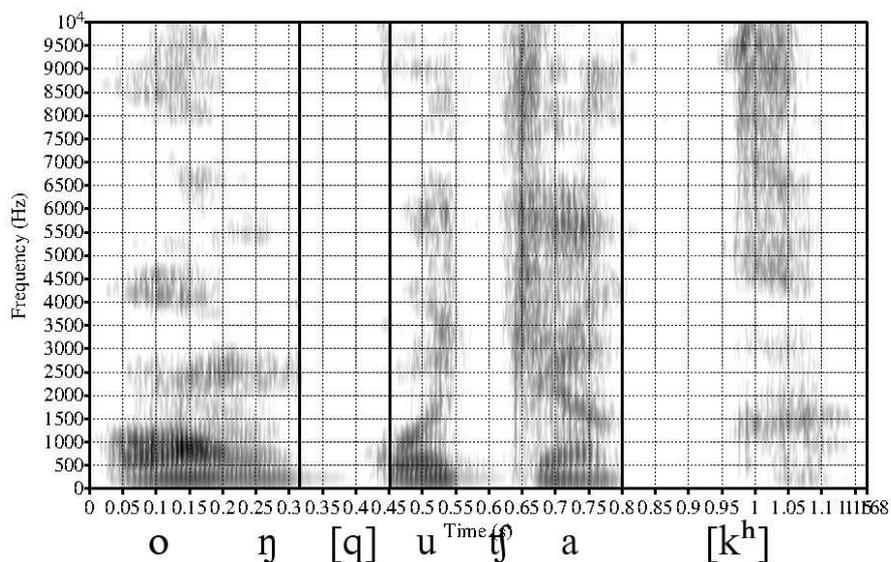

Р и с у н о к 15. Слово /ja:η/ «сопка» (D1)

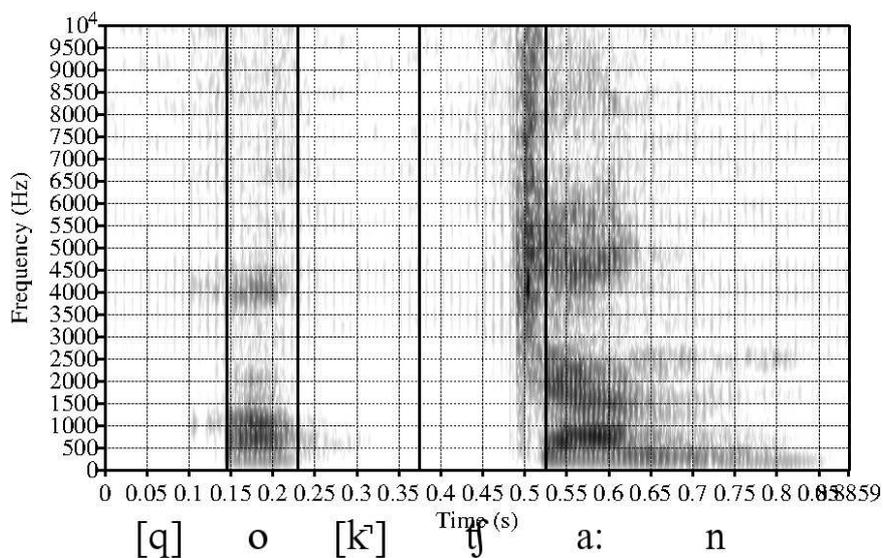
/k/ – заднеязычный смычный глухой согласный. К его аллофонам можно отнести придыхательные (рис. 16), спирантизованные, увулярные, палатализованные, имплозивные (рис. 17) аллофоны /k/, которым не свойственно полное озвончение. Аффрикатизации эвенкийский /k/ подвержен только в начальной позиции перед гласными переднего ряда (рис. 18). Зафиксированная широкая вариативность /k/ коррелирует с гармонией гласных, а также зависит от фразовой позиции (начало, середина, конец высказывания) и от позиции в слове. Примеры реализации: /kuβahamna/ «стружки», /βu:ka/ «трава», /buktz/ «шишка на льду реки, из которой вырывается вода», /utkз:n/ «длинный нож, пальма», /hзrkзβun/ «верёвка», /i:rinzk/ «муравейник».

/g/ – заднеязычный смычный звонкий согласный (рис. 19, 20). В селемджинском говоре встречается во всех позициях. Звонкость начального и интервокального /g/ всегда сохраняется. Интервокальное /g/ реализуется смычным либо щелевым [ɣ] (см. рис. 22). В позиции абсолютного конца слова может чередоваться с глухой парой – /k/ (см. наличие затемнений в спектре конечного согласного в области до 50–400 Гц на рис. 20 и отсутствии таковой на рис. 21). Перед гласными переднего ряда палатализуется.

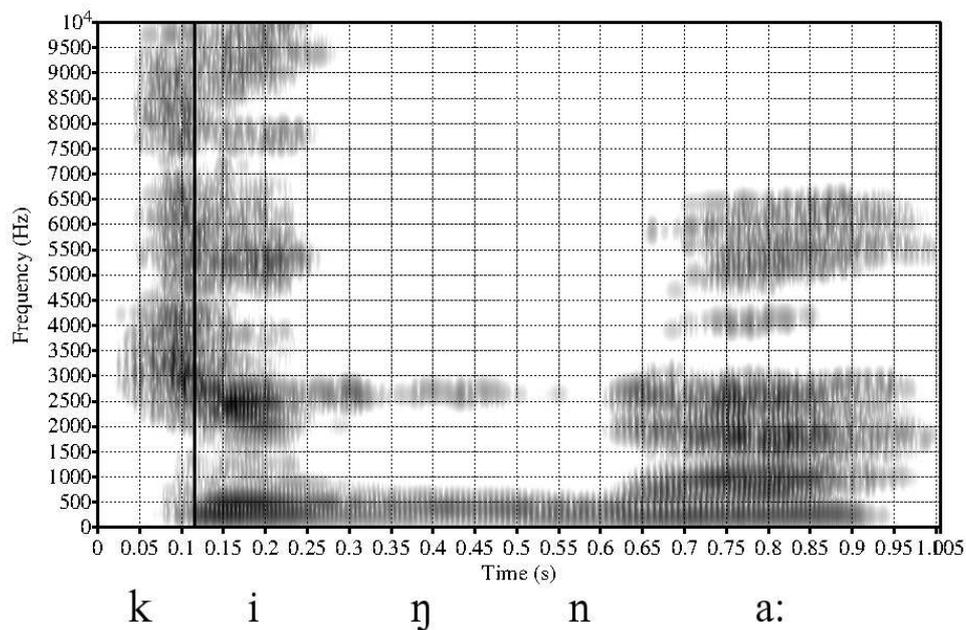
Примеры употребления: /gogo/ «даль», /gu:la/ «северный склон горы», /buda/ «окружающий мир, родина», /antaga/ «южный склон горы», /gag/~gak/ «лебедь».

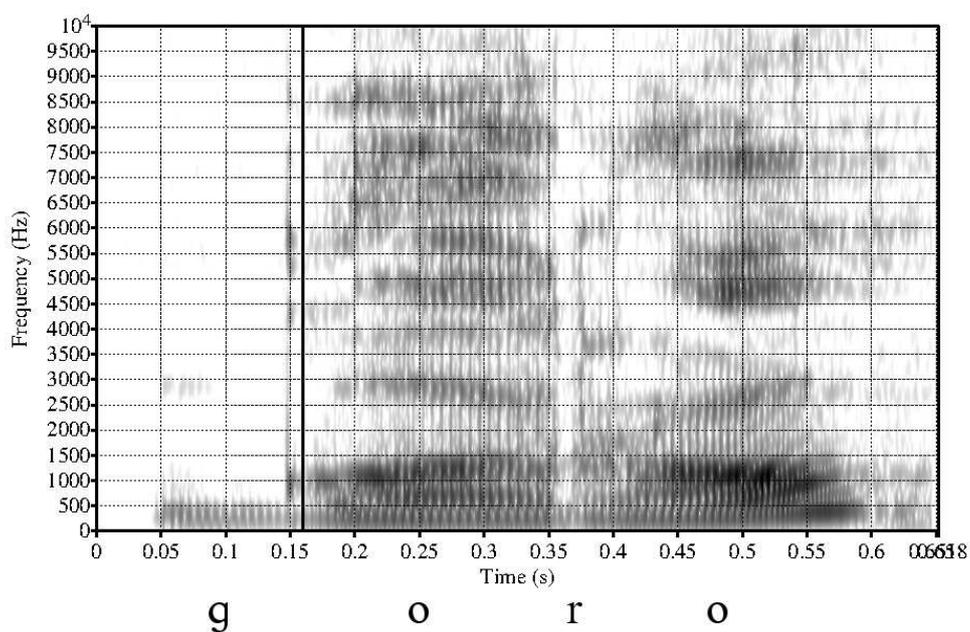
Р и с у н о к 16. Придыхательный /k/ в слове /oŋkʰʲa/ «...» (D...)

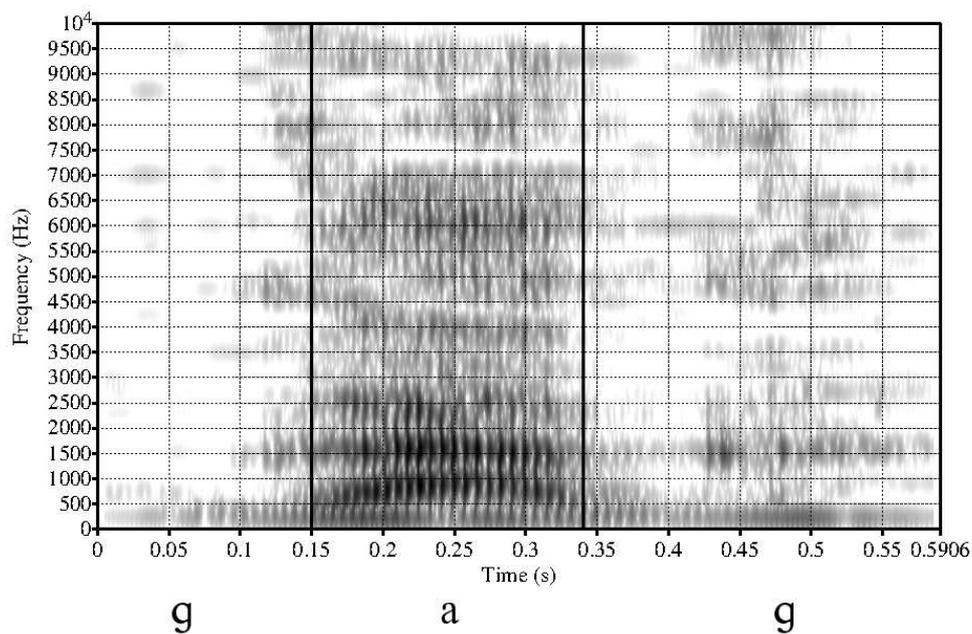
Р и с у н о к 17. Имплзивный /k/ в слове /kəkʰʲan/ «...» (D...)

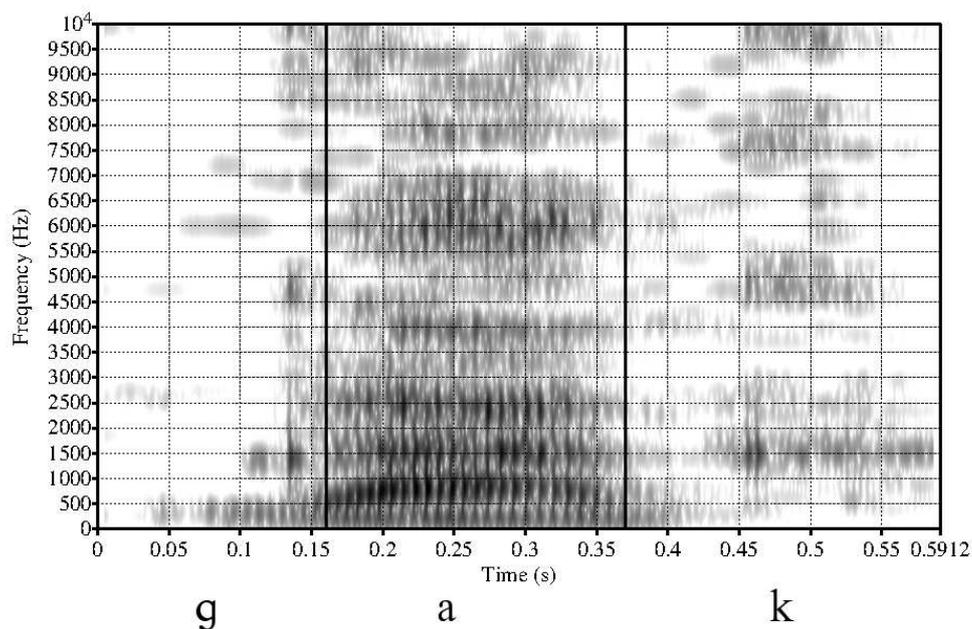
Р и с у н о к 18. Слово /kiŋa:/ «лыжа» (D1)

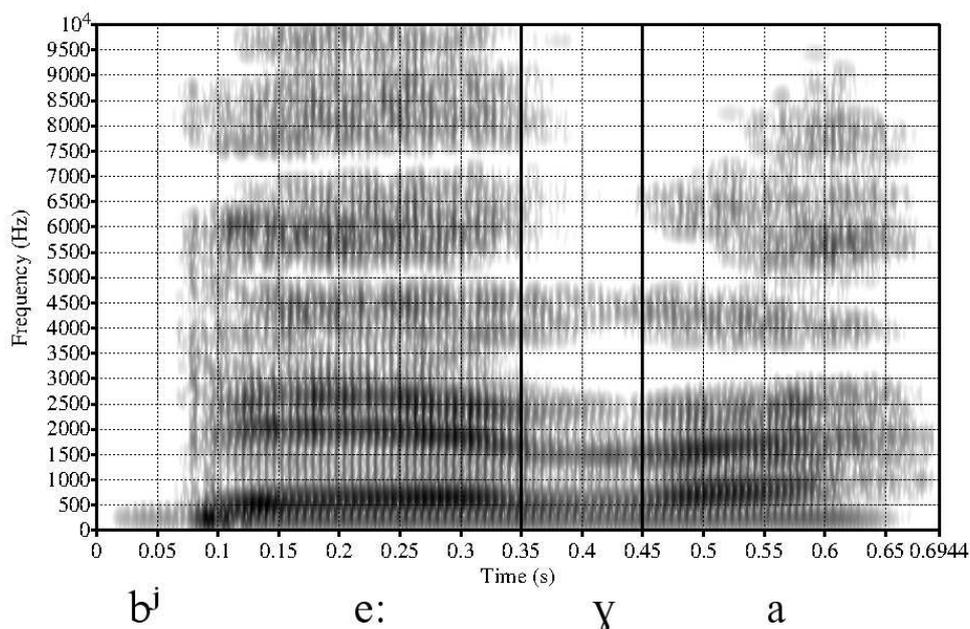
Р и с у н о к 19. Слово /goro/ «даль» (D1)

Р и с у н о к 20. Слово /gag/ «лебедь» (D1)

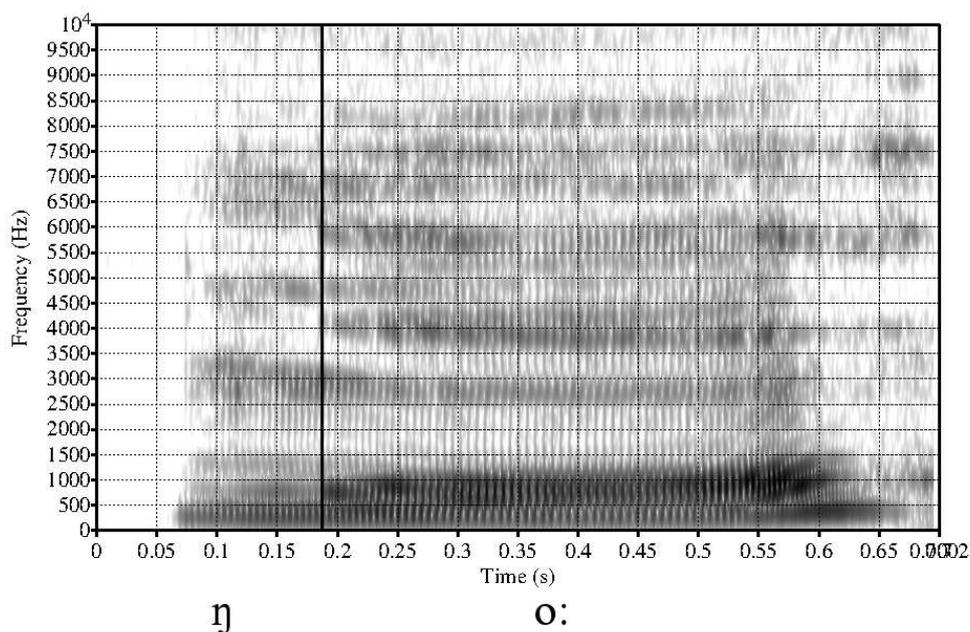

Р и с у н о к 21. Слово /gak/ «лебедь»

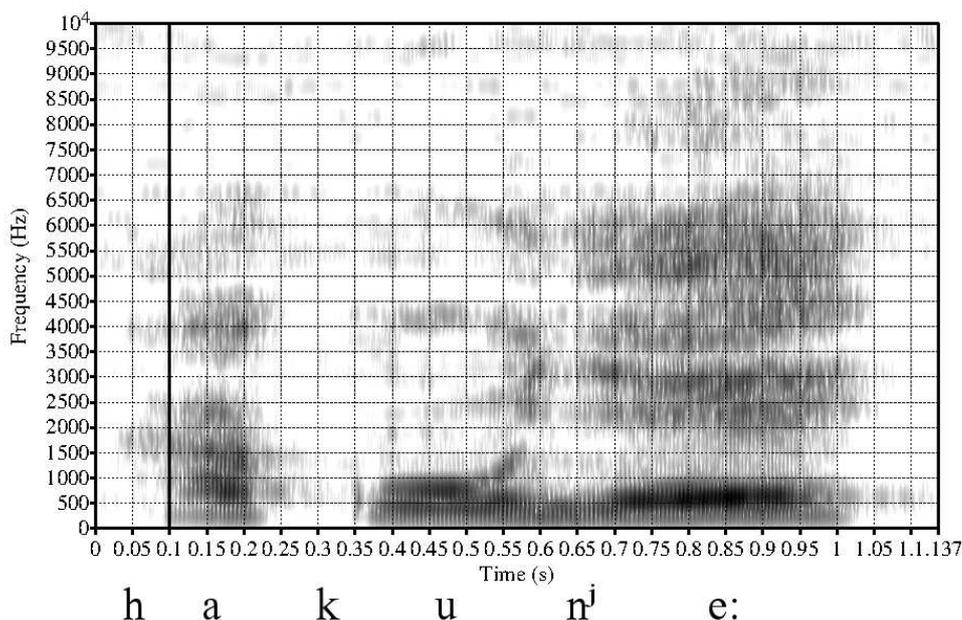
Р и с у н о к 22. Слово /bega/ «луна, месяц» (D...)

/ŋ/ – заднеязычный смычный носовой сонант. Палатализуется перед гласными переднего ряда. Встречается во всех позициях слова. Примеры реализации: /ŋo:/ «вонь» (рис. 23), /ŋz:ri/ «свет», /koŋno/ «чернота», /dzɨnŋidz:/ «левая сторона» /ja:ŋ/ «сопка, голец».

Р и с у н о к 23. Слово /ŋo:/ «вонь» (D1)

/h/ – фарингальный глухой щелевой согласный. В речи представителей Бута начальный /h/ очень лёгкий, едва различимый. В конечной позиции /h/ не встречается. Примеры реализации: /hi:ββun/ «точильный камень», /halka/ «молоток», /hakun^he:/ «душно» (рис. 24), /hu:βun/ «пила», /uhiβun/ «ножницы», /togo^ho/ «гвоздь», /o:hika:kta/ «созвездие». В интервокальной позиции реализуется озвончённый аллофон [h̥] в речи эвенков всех родов групп (рис. 27).

Р и с у н о к 24. Слово /hakun^he:/ «душно» (D1)

2.3.3. Артикуляционно-акустическое описание гласных звуков селемджинского говора эвенкийского языка

Число гласных, входящих в фонологическую систему селемджинского говора, в их количественном отношении сравнительно невелико. Имеется всего 11 гласных, образующих оппозиции (см. табл. 2): 1) по признаку ряда: гласные переднего /i, i:/, e:/, a, a:/, центрального /з, з:/, заднего /у, у:/, о, о:/ рядов; 2) по признаку подъёма: гласные верхнего /i, i:/, среднего /e:/, з, з:/, о, о:/, нижнего /a, a:/ подъёмов; 3) по признаку долготы: гласные долгие /i:/, у:/, з:/, о:/, a:/ и краткие /i, у, з, о, a/. Гласный переднего ряда среднего подъёма /e:/ не имеет краткой пары.

Т а б л и ц а 2. Артикуляционная классификация гласных фонем в селемджинском говоре эвенкийского языка

по ряду		Передний		Центральный		Задний	
		негубные	губные	негубные	губные	негубные	губные
верх- ний	узкая разновидность	i:					u:
	широкая разновидность	i					u
сред- ний	узкая разновидность	e:					o:
	широкая разновидность			з:* з			o
ниж- ний	узкая разновидность						
	широкая разновидность			a: a			

* П р и м е ч а н и е к т а б л и ц е 2: вопрос о наличии или отсутствии данной фонемы в селемджинском говоре эвенкийского языка относится к дискуссионным.

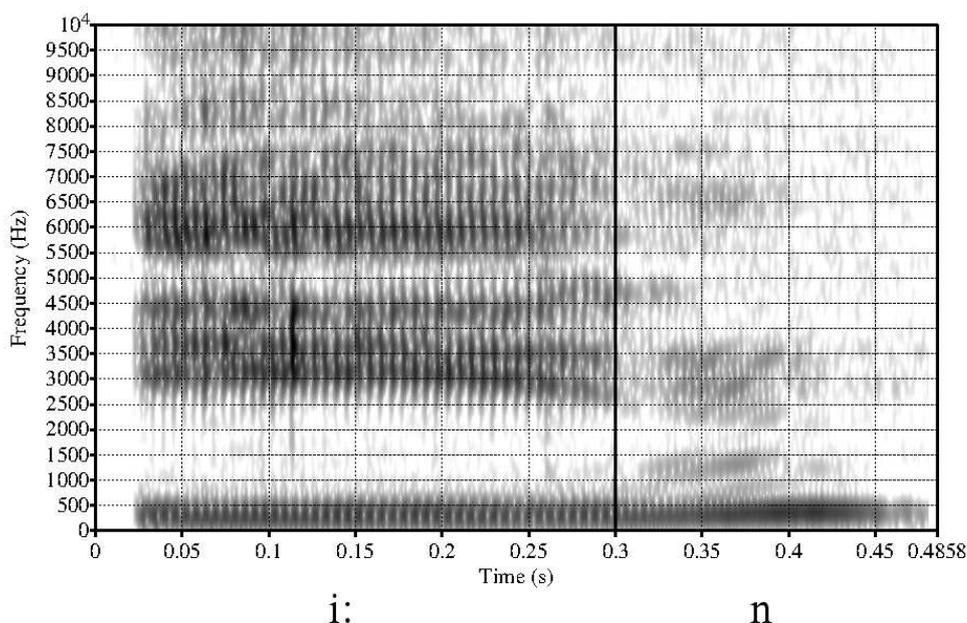
В связи с ранее упомянутым «акающим» акцентом селемджинских эвенков, интересно отметить следующий факт. Русское население Амурской области, употребляя в своей речи эвенкийские слова, также произносят в них гласный /a:/ на месте /з:/. Более того, «аканье» в речи амурских эвенков находит своё отражение в названиях фильмов, созданных русскоязычными режиссерами, например, документальный фильм Н. М. Землянского о жизни и культуре эвенков «Эвэды туран» – «эвенкийский язык» (ср. лит. эвенк. турэ́н), в названиях общественных организаций, например, экологический клуб при Амурском государственном университете «Улуки-ткан» – «бельчонок» (ср. лит. эвенк. улуки́ткэн).

2.3.3.1. Описание гласных звуков селемджинского говора эвенкийского языка

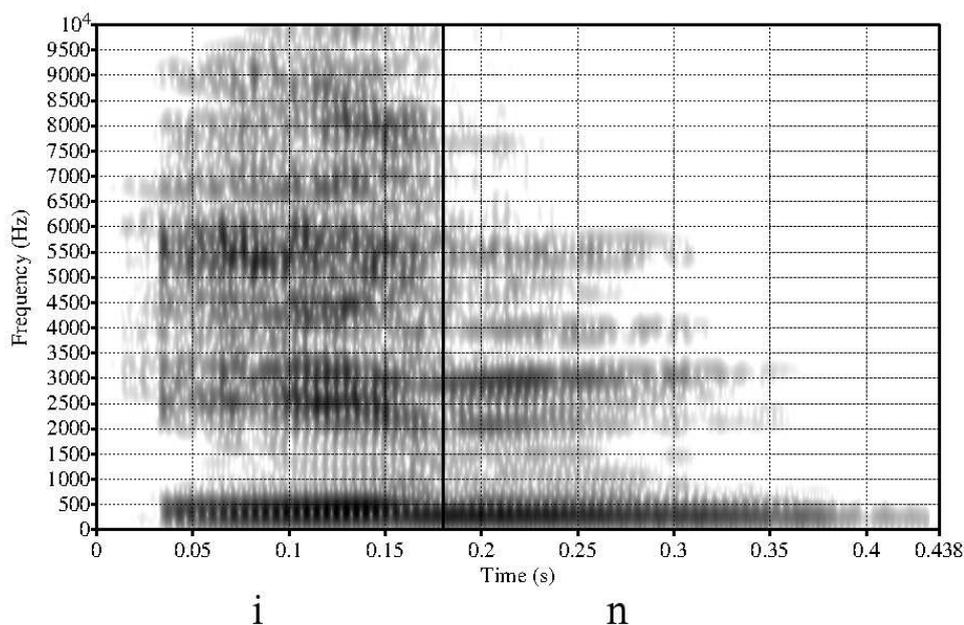
/i:/ – неогубленный долгий гласный верхнего подъёма узкой разновидности, переднего ряда, на что указывают соответствующие средние формантные значения (F1 359 Гц, F2 2406 Гц), средняя длительность – 288 мс. Встречается во всех позициях в слове, например, /i:n/ «жизнь» (рис. 25), /i:du:/ «где», /i:ki:t/ «вход», /i:tʃa:n/ «локоть», /tʃti:/ «одежда».

/i/ – неогубленный краткий гласный верхнего подъёма широкой разновидности (F1 461 Гц), переднего отодвинутого назад ряда (F2 2275 Гц), средняя длительность – 90 мс. Примеры реализации: /in/ «вьюк» (рис. 26), /iʃʃiɡi/ «женская летняя обувь из ровдуги», /o:hika:kta/ «созвездие», /dilaʃa:/ «солнце», /ŋz:ri/ «свет». Фонологичность признака долготы легко де-

монстрируется на примерах минимальных пар (квазиомонимов) типа /i:n/ «жизнь» – /in/ «выюк» (ср. рис. 25–26), в которых в первом слове гласный долгий, а во втором – краткий. Однако нельзя не заметить, что акустическим коррелятом фонологической долготы является не только длительность, но и качественные характеристики, о чём явно свидетельствует разница формантных значений.

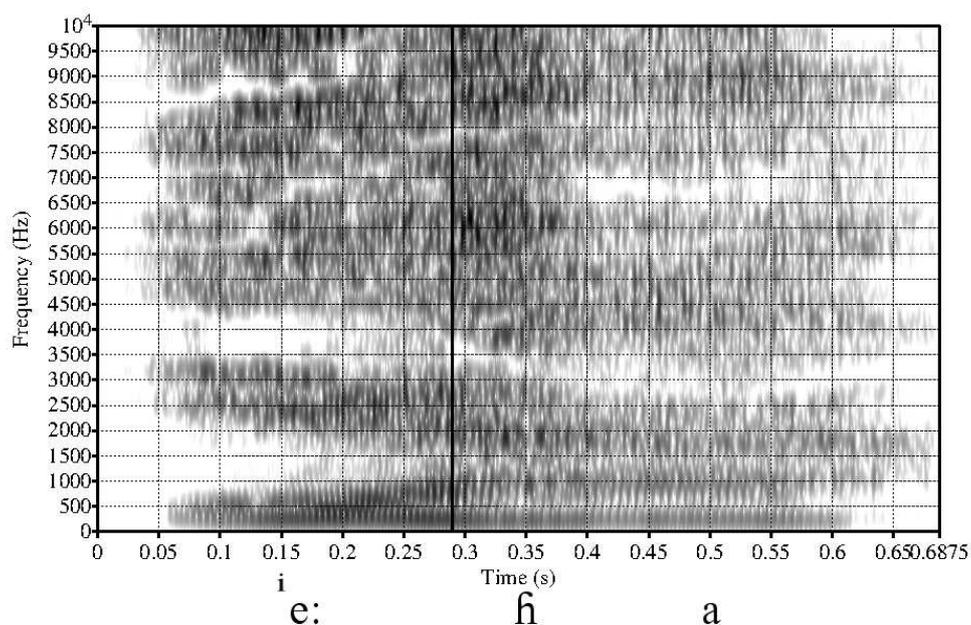

Р и с у н о к 25. Слово /i:n/ «жизнь» (D2)

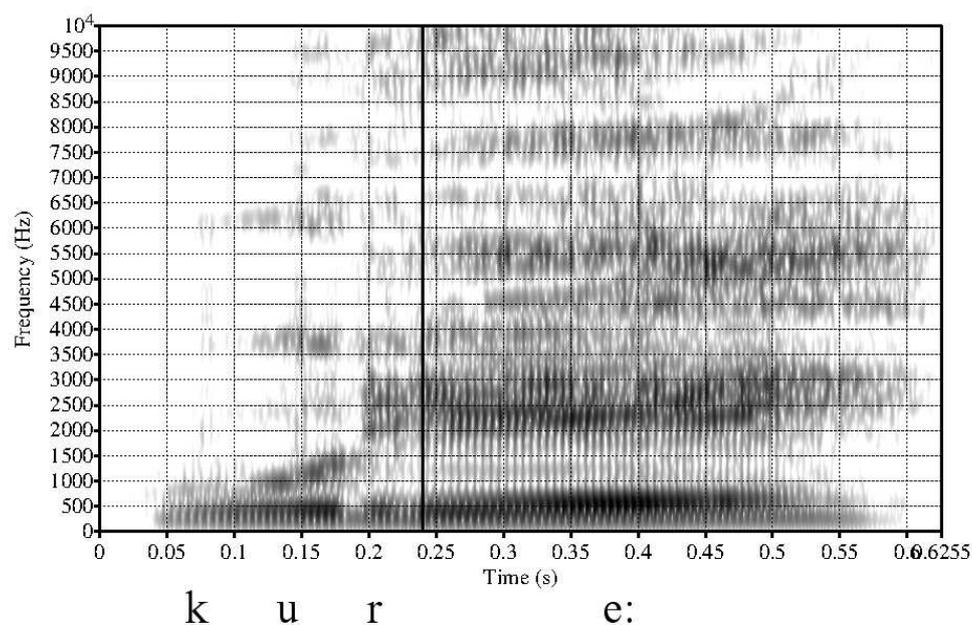

Р и с у н о к 26. Слово /in/ «выюк» (D1)

/e:/ – неогубленный долгий гласный среднего подъёма узкой разновидности (F1 553 Гц), переднего ряда (FП 2066 Гц), средняя длительность – 210 мс. Например, в существительных /e:ha/ «глаз» (рис. 27), /зје:n/ «течение», /e:haptun/ «очки», /kure:/ «загон» (рис. 28), а также в местоимениях /e:kudi/ «какой, который», /e:ma:/ «какой», /e:kudival/ «кто-нибудь», /e:kun/ «что».

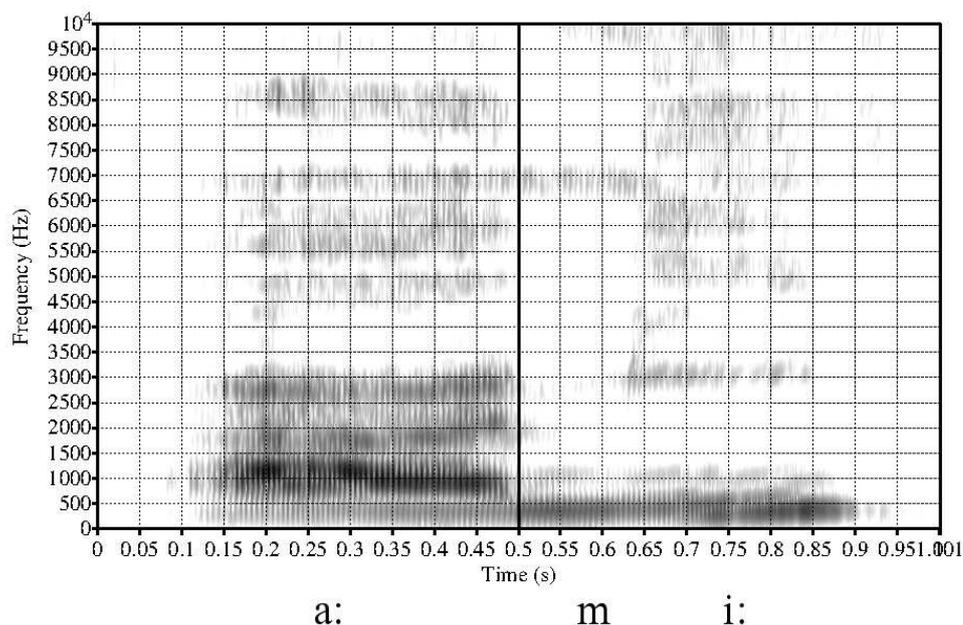

Р и с у н о к 27. Слово /e:ha/ «глаз» (D1)

Р и с у н о к 28. Слово /kure:/ «загон» (D1)

/a:/ – неогубленный долгий гласный нижнего подъёма широкой разновидности (F1 917 Гц), центрального ряда (F2 1571 Гц), средняя длительность – 203 мс. Примеры реализации: /a:mi:/ «спать» (рис. 29), /a:d’ami:/ «поспать», /a:ptʃa:/ «сгоревший», /da:ptun/ «устье реки», /o:hika:kta/ «созвездие», /dilatʃa:/ «солнце».

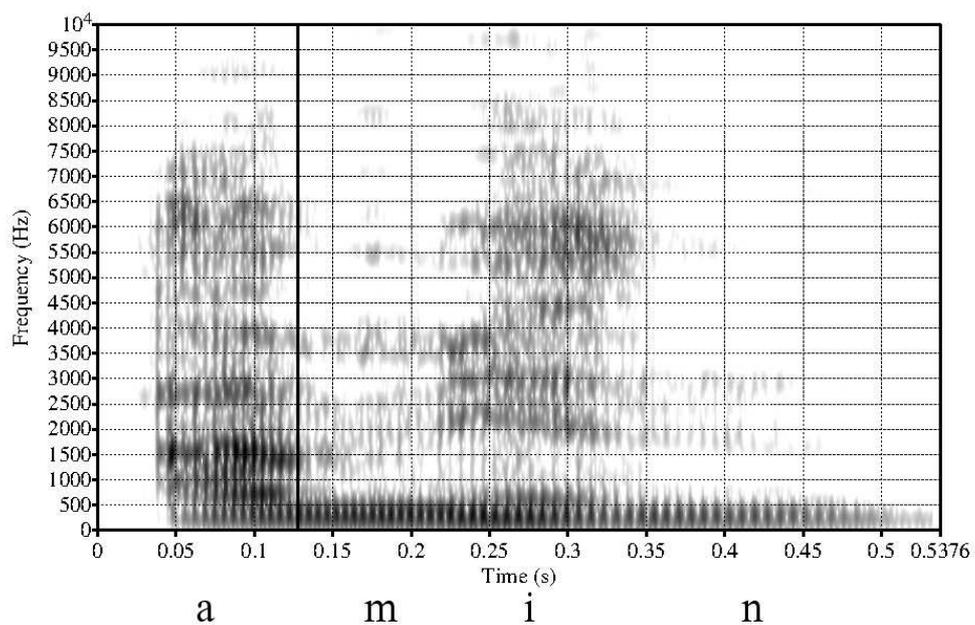

Р и с у н о к 29. Слово /a:mi:/ «спать» (D1)

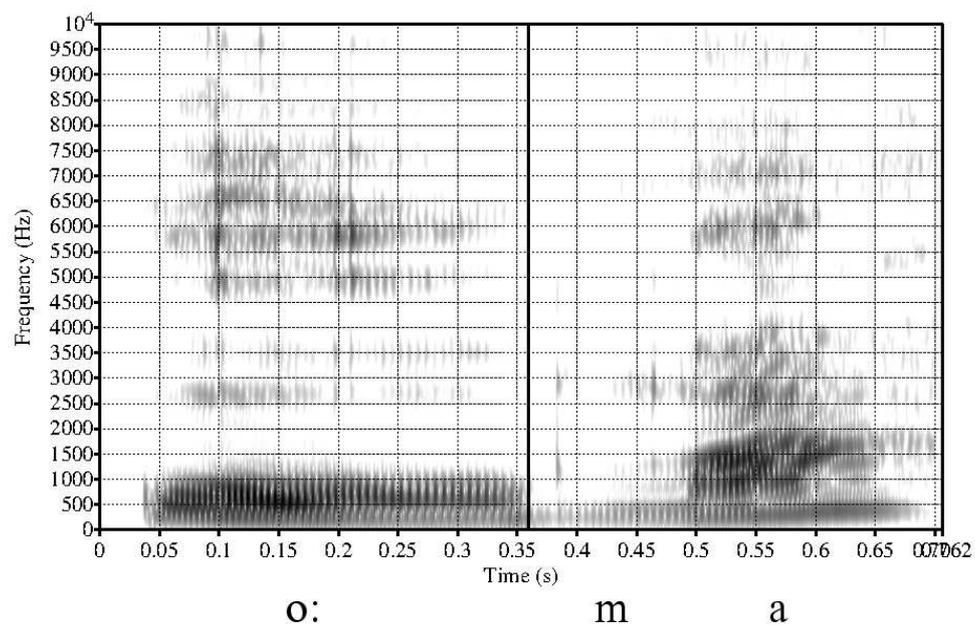
/a/ – неогубленный краткий гласный нижнего подъёма широкой разновидности (F1 835 Гц), центрального ряда (F2 1542 Гц), средняя длительность – 85 мс. Примеры реализации: /amin/ «отец» с притяжательным суффиксом (рис. 30), /antaga/ «склон горы (южный)», /malu:/ «почетное место для гостей», /qu:la/ «склон горы (северный)», /o:hika:kta/ «созвездие». В отличие от пары /i:/-/i/, в которой заметные качественные различия фиксируются как по признаку подъёма, так и по признаку ряда, в паре /a:/-/a/ различие по ряду (ср. значения F2) сведено к минимуму.

/o:/ – огубленный долгий гласный среднего подъёма узкой разновидности (F1 563 Гц), заднего ряда (F2 983 Гц), средняя длительность – 268 мс. Примеры реализации: /o:ma/ «пресная лепешка» (рис. 31), /o:kin/ «когда», /o:hika:kta/ «созвездие», /mo:/ «дрова», /do:gu:/ «нижнее бельё».

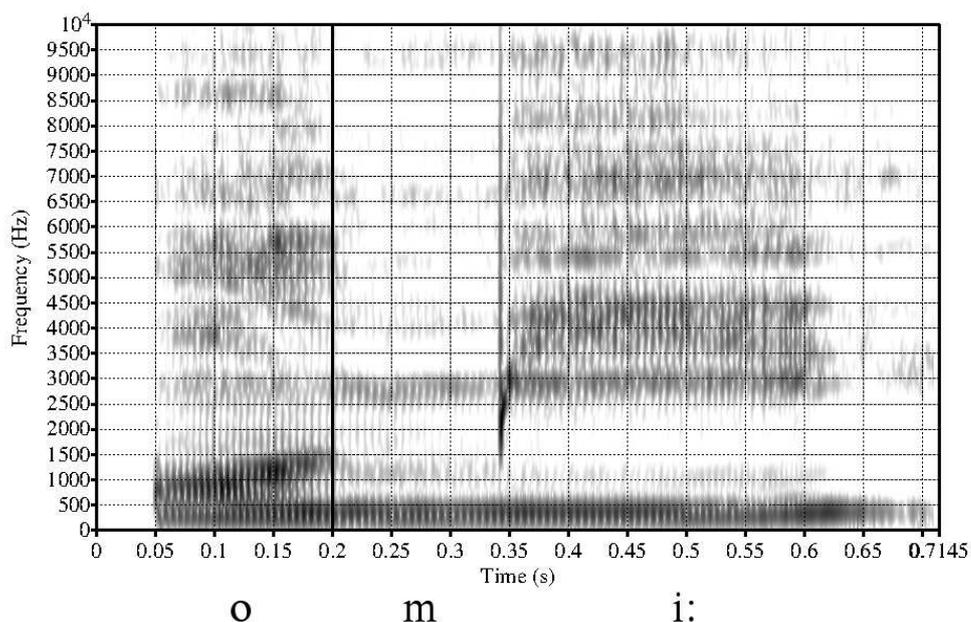
/o/ – огубленный краткий гласный среднего подъёма широкой разновидности (F1 611 Гц), заднего продвинутого ряда (F2 1164 Гц), средняя длительность – 76 мс. Примеры реализации: /omi:/ «душа» (рис. 32), /oŋkutʃak/ «ямка», /bolohik/ «осенняя одежда». Заметная разница и по F1, и по F2 указывает на хорошо выраженные качественные различия гласных /o:/-/o/ как по подъёму, так и по ряду.

Р и с у н о к 30. Слово /amin/ «отец» (D1)

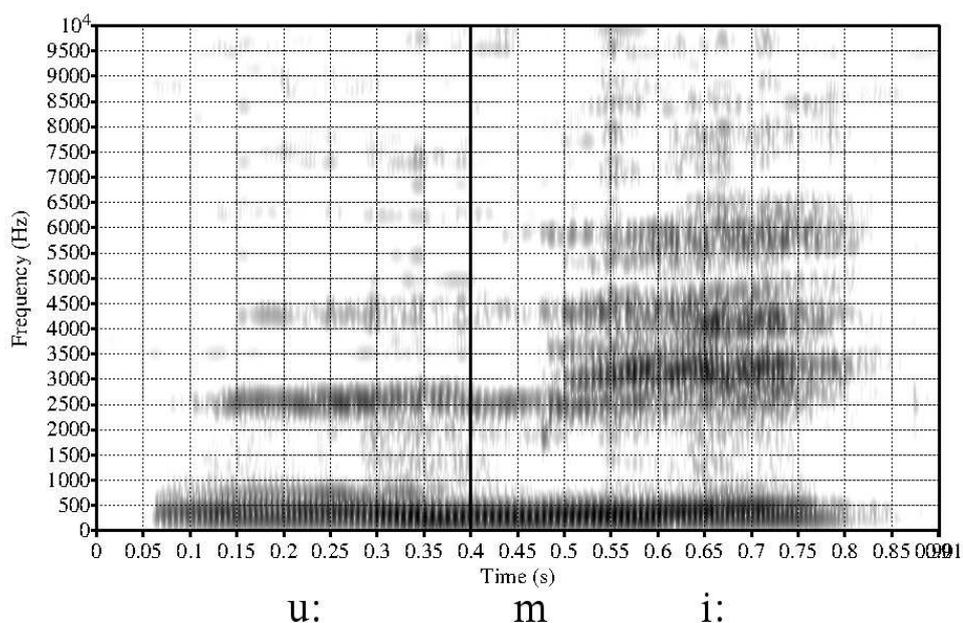

Р и с у н о к 31. Слово /о:ma/ «пресная лепешка» (D1)

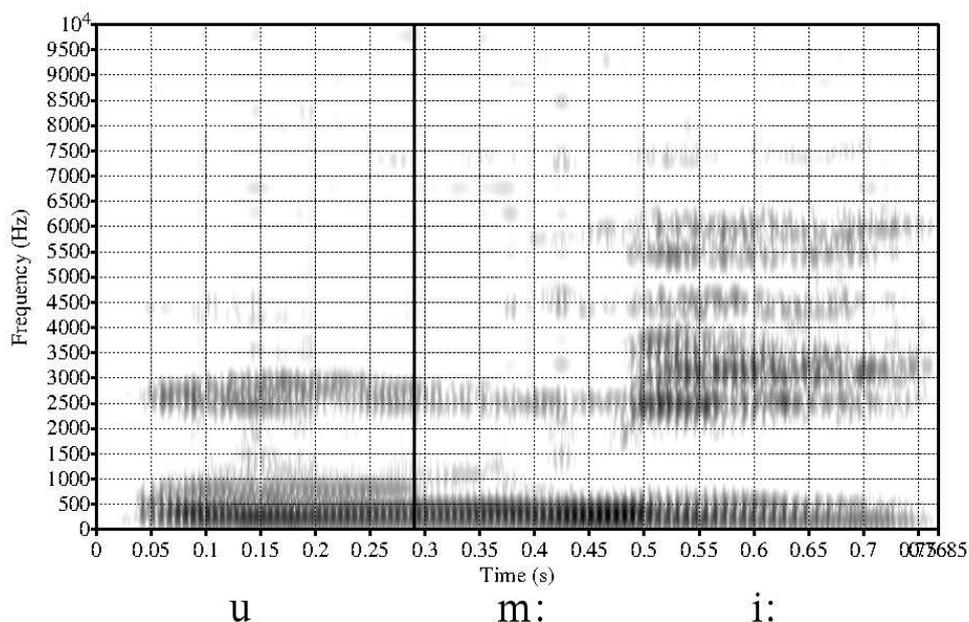
Р и с у н о к 32. Слово /omi:/ «душа» (D1)

/u:/ – огубленный долгий гласный высокого подъёма узкой разновидности, глубокого заднего ряда (F1 388 Гц, F2 834 Гц), средняя длительность – 344 мс. Примеры реализации: /u:/ «скребок», /u:mi:/ «скоблить кожу» (рис. 33), /u:ksz/ «рукав», /du:la/ «склон горы (северный)», /tʃu:ka/ «трава», /ju:ktz/ «родник», /su:ksz/ «вязочки для унтов», /malu:/ «почётное место для гостей».

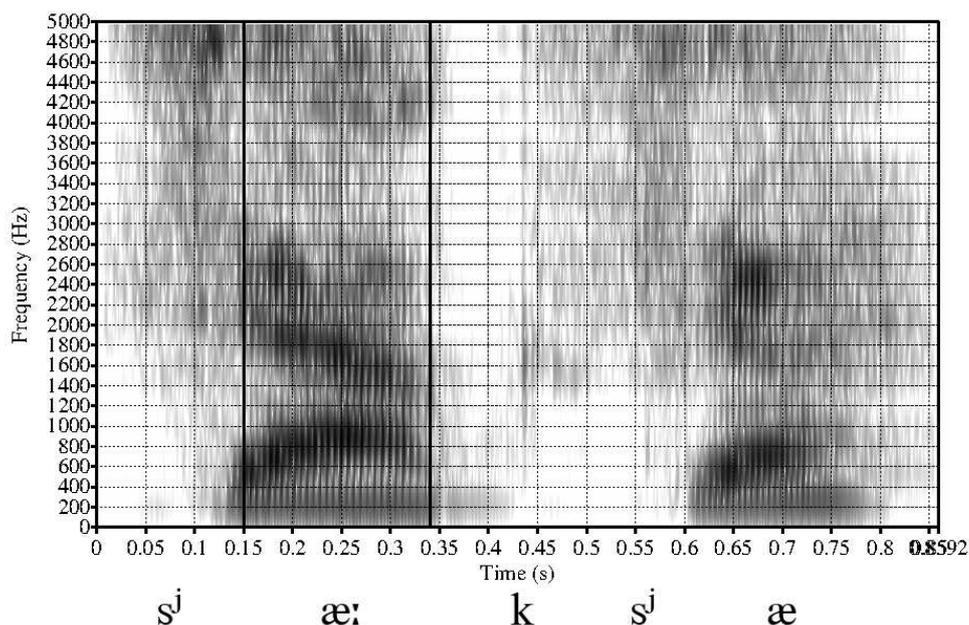
Р и с у н о к 33. Слово /u:mi:/ «скоблить кожу» (D1)

/u/ – огубленный краткий гласный высокого подъёма широкой разновидности (F1 451 Гц), заднего продвинутого вперёд ряда (F2 1053 Гц), средняя длительность – 95 мс. Примеры реализации: /umi:/ «пить» (рис. 34), /uluki:/ «белка», /uɣi:n/ «копыто», /muruʃun/ «короб для хранения предметов для рукоделия», /turu/ «дощечки для привязывания ребенка к вьюку», /kure:/ «загон, изгородь». Как и в предыдущих случаях с долгими гласными и их краткими парами, признак долготы выражается, помимо длительности, разницей в формантных значениях, свидетельствующей о разных градациях подъёма и ряда.

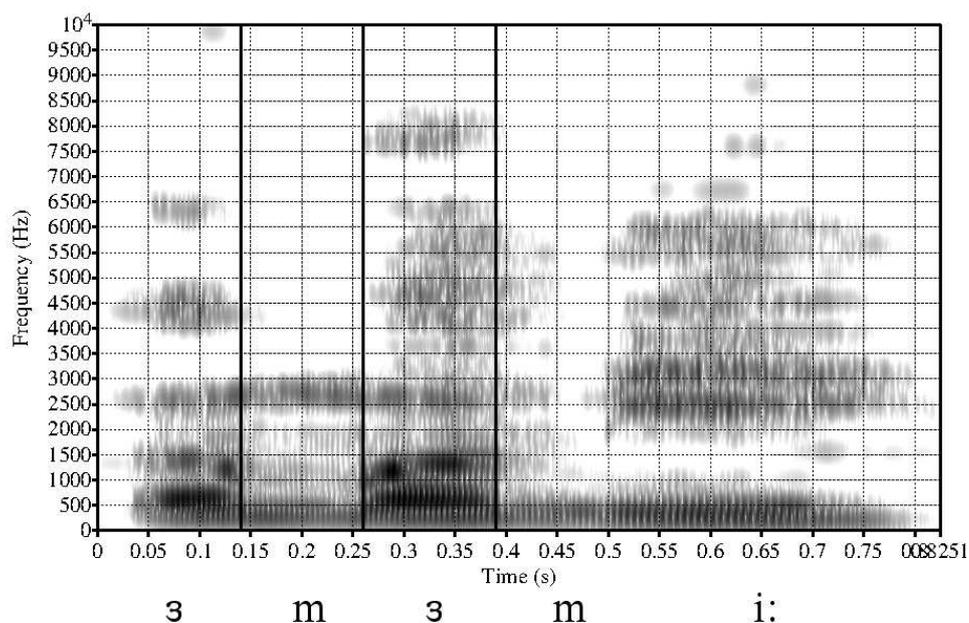
Р и с у н о к 34. Слово /umi:/ «пить» (D2)

/z:/ – в литературном эвенкийском это неогубленный долгий гласный среднего подъёма широкой разновидности, центрального ряда. На исследуемом материале селемджинского говора было выявлено, что дистрибуция данного гласного в нём ограничена. В абсолютном начале слов, например, «звать» э́рймй (лит. /z:ri:mi:/) и после твёрдых согласных, например, в последнем слоге слова «коренной житель» (лит. /biʃkz:/) и тому подобных примерах реализуется гласный [a:]: [a:ri:mi:], [biʃka:]. После мягких согласных фонем (/nʲ/, /dʲ/, /tʃ/) и мягких аллофонов согласных фонем (напр., [ŋʲ], [sʲ], [kʲ], [rʲ]) реализуется гласный [æ:] (как русский /a/ после мягких согласных), например, /sz:ksz/ «кровь» (рис. 35). Формантные характеристики которого в среднем составляют F1 860 Гц, F2 1785 Гц, например, /ŋz:ri/ «свет», /nz:li/ «нагрудник», /kzdʒr:z:/ «скребок с деревянной ручкой». Средняя длительность указанных реализаций составила 149 мс – промежуточное значение между длительностью долгого /a:/ и короткого /a/. Не исключено, что речь идёт о замене фонемы /z:/ на фонему /a:/, однако на данный момент в этом дискуссионном вопросе рано ставить точку.

Р и с у н о к 35. Слово /sʒ:ksʒ/ «кровь» (D1)

/з/ – неогубленный краткий гласный среднего подъёма узкой разновидности (F1 514 Гц), центрального ряда (F2 1431 Гц), средняя длительность – 68 мс. Примеры реализации: /зтзтi:/ «прийти» (рис. 36), зг/ «это», /згзki:/ «коричневая лягушка», /зje:n/ «течение», /тзti:/ «одежда», /сзр/ «карман», /һзrki/ «брюки», /ju:ktz/ «родник».

Р и с у н о к 36. Слово /зтзтi:/ «прийти» (D2)

Сравнение средней длительности фонологически долгих и их кратких пар показывает значительную разницу – долгие более, чем в два раза длительнее кратких. Полученные данные свидетельствуют о том, что длительность, безусловно, является ведущим коррелятом дифференциального признака «долгота», а качественные различия, предположительно, являются сопутствующими коррелятами.

3. Заключение

Таким образом, при изучении звуковых образцов речи селемджинских эвенков были выявлены следующие фонетические явления.

1. Отсутствие придыхания у смычных глухих, основным признаком для различения пар /p/-/b/, /t/-/d/, /k/-/g/ является поведение голосовых связок. Если ранее экспериментальные исследования фиксировали нерелевантность работы голосовых связок при противопоставлении эвенкийских фонологически глухих и звонких согласных [Матусевич, 1960, с. 134], то в настоящее время при характеристике эвенкийского консонантизма именно этот параметр следует считать акустическим коррелятом данного дифференциального признака. В целом, консонантизм селемджинского говора эвенкийского языка разворачивается по пути озвончения под влиянием русского языка, в котором консонантная система базируется на оппозиции по глухости / звонкости.

2. Зафиксирована широкая вариативность шумных смычных согласных по признакам способа образования преграды и глухости-звонкости.

3. Сохранность противопоставления долгих и кратких гласных с длительностью в качестве ведущего коррелята. На нашем материале относительно длительности эвенкийских гласных выявлены следующие закономерности. В группе долгих гласных отмечено, что чем более закрытый гласный, тем больше его длительность. В группе кратких гласных самыми длительными являются гласные основного треугольника /i/-/a/-/u/. Самой меньшей длительностью в обеих группах обладают гласные /з/-/з/.

4. Противопоставление эвенкийских гласных селемджинского говора по долготе поддерживается различиями по качеству, что подтверждается результатами анализа формантной структуры (F1, F2) долгих и кратких гласных. Полученные результаты не совпадают с более ранними данными, отражёнными в литературных источниках.

5. Произнесение гласных [a:] (в абсолютном начале слов и после твёрдых согласных) и [æ:] (после мягких согласных) на месте долгого гласного центрального ряда среднего подъёма /з:/. Вероятно, такая реализация может привести или даже уже привела к замене фонемы /з:/ на фонему /a:/, о чём свидетельствуют неоднократные упоминания об «акающем» характере селемджинского говора. Следует особо отметить, что в ходе записи словарного материала дикторы испытывали затруднения при озвучивании словоформ, письменная форма которых отражает нормативный «экающий» вариант произношения, который свойственен литературному эвенкийскому языку.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность нашим консультантам-жителям с. Ивановское Селедмжинского района Амурской области за помощь и поддержку при составлении словаря Стручковой Анне Михайловне, Охлопкову Аркадию Афанасьевичу, Никифоровой Раисе Прокопьевне, Софроновой Татьяне Николаевне, Соловьевой Лидии Афанасьевне, Соловьевой Галине Афанасьевне, Соловьеву Леониду Афанасьевичу, Соловьеву Алексею Михайловичу, Стручкову Георгию Афанасьевичу, Колесовой Тамаре Борисовне, Стручкову Виталию Афанасьевичу, Тимофеевой Елене Анатольевне, Чепаловой Татьяне Егоровне, Черноградской Сталине Евгеньевне. Авторы приносят искреннюю благодарность жителям норского таежного стойбища, говорящих на норской разновидности селеджинского говора, за ценные советы при редактировании словаря Яковлеву Афанасию Семеновичу, Яковлеву Леониду Семеновичу, Яковлевой Светлане Семеновне, Яковлевой Марии Семеновне, Яковлевой Наталье Афанасьевне, Яковлеву Евгению Афанасьевичу.

Список литературы

1. Андреева, Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка [Текст] / Т. Е. Андреева. – Новосибирск, 1988. – 142 с.
2. Аниськина, Н. В. Языковая личность современного старшеклассника [Текст]: дис. ... канд. фи-лол. наук 10.02.01 / Аниськина Наталия Васильевна; Ярославский государственный педагогический институт. – Ярославль, 2001. – 288 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Бабушкина, Е. А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики [Текст] / Е. А. Бабушкина // Вестник Бурятского государственного университета. Романо-германская филология. – 2012. – Вып. 11. – С. 7–11.
5. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования [Текст] / Н. Я. Булатова / отв. ред. О. П. Суник; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 168 с.
6. Булатова, Н. Я., Морозова, О. Н., Стручков, Г. А. Звуковой русско-эвенкийско-английский тематический словарь: на материале селедмжинского говора эвенкийского языка [Текст] / Н. Я. Булатова, О. Н. Морозова, Г. А. Стручков / отв. ред. О. Н. Морозова, науч. ред. Н. Я. Булатова. – Благовещенск, 2017. – 210 с.
7. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л., 1948. – 353 с.
8. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М.: ГИИНС, 1958. – 803 с.
9. Виноградов, В. В. О художественной прозе [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: ПРИОР, 1930. – 215 с.
10. Голубева, И. В. Опыт создания коллективного речевого портрета: на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы: дис. ... докт. Филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Голубева Ирина Валериевна; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2002. – 308 с.

11. Грачев, М. А. Культура речи современного города. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода [Текст] / М. А. Грачев, Т. В. Романова. – Нижний Новгород, 2006. – 261 с.
12. Грачев, М. А. Язык молодежи. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода [Текст] / М. А. Грачев, Т. В. Романова. – Нижний Новгород, 2008. – 255 с.
13. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие [Текст] / Е. А. Земская. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта, Наука, 2011. – 240 с.
14. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика : учеб. пособие [Текст] / Л. Р. Зиндер. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979. – 312 с.
15. Иванцова, Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсоналогии [Текст] / Е. В. Иванцова // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. «Филология». – 2008. – №3 (4). – С. 27–41.
16. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности [Текст] / Ю. Н. Караулов // Международный конгресс МАПРЯЛ. Доклад советской делегации. – М., 1982. – С. 105–125.
17. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
18. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет : фонохрестоматия [Текст] / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М., 1995. – 128 с.
19. Китайгородская, М. В. Современная политическая коммуникация [Текст] / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003. – С. 151–241.
20. Коготкова, Т. С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) [Текст] / Т. С. Коготкова // Русские говоры: к изучению фонетики, грамматики, лексики. – М., 1975. – С. 285–301.
21. Колокольцева, Т. Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект [Текст] / Т. Н. Колокольцева. – Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2015. – № 2 (97). – С. 88–94.
22. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л., 1964. – 274 с.
23. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций [Текст] / В. В. Красных. – МИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
24. Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету [Текст] / Л. П. Крысин // Литературный язык и культурная традиция. – М., 1994. – С. 262–282.
25. Крысин, Л. П. Речевой портрет представителя интеллигенции [Текст] / Л. П. Крысин // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 483–495.
26. Крысин, Л. П. Культура. Можно ли по речи узнать интеллигента? [Текст] / Л. П. Крысин // Общественные науки и современность. – 2004. – № 5. – С. 157–164.
27. Леорда, С. В. Речевой портрет современного студента [Текст] : дис. канд. филол. наук 10.02.01 / Леорда Светлана Владимировна ; Саратовский государственный университет. – Саратов, 2006. – 161 с.

28. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение [Текст] / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.
29. Лопушанская, С. П. Взаимодействие русского литературного языка и нижеволжских говоров по данным матричной реконструкции [Текст] / С. П. Лопушанская // Взаимодействие русского литературного языка и территориальных диалектов: сб. статей / отв. ред. С. П. Лопушанская. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 11–22.
30. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19 / Матвеева Галина Григорьевна; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1993. – 52 с.
31. Матусевич, М. И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных [Текст] / М. И. Матусевич // Учёные записки ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1960. – Вып. 40. – № 237. – С. 132–169.
32. Милованова, М. В. Методы изучения языковой личности современного диалектоносителя [Текст] / М. В. Милованова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – №2 (11). – С. 135–139.
33. Морозова, О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийского языке [Текст] / О. Н. Морозова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. – Вып. 1. – № 1. – С. 74–85.
34. Немировская, А. В. Изучение базовых ценностей и удовлетворенностью жизнью жителей Красноярского края в контексте разработки социокультурного портрета региона России [Текст] / А. В. Немировская // Материалы Тюменского социологического Форума 15–16 окт. 2009. – Тюмень, 2009. – С. 165–166.
35. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины [Текст] / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. – 1996. – Вып. 426. – С. 112–116.
36. Николаева, Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания [Текст] / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюзной научной конференции. – М., 1991. – Ч. 2. – С. 73–75.
37. Оглезнева, Е. А. Социально-речевой портрет современного диалектоносителя (на материале речи М. В. Хлыстова, жителя с. Черновка Свободненского района Амурской области) [Текст] / Е. А. Оглезнева // Народное слово Приамурья. – Благовещенск, 2004. – С. 85–95.
38. Оглезнева, Е. А. Речевой портрет эмигранта (на материале речи представительницы русской диаспоры в Харбине В. П. Хан) [Текст] / Е. А. Оглезнева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2005. – №3. – С. 101–108.
39. Оглезнева, Е. А. Речевой портрет потомка забайкальских казаков на материале речи В. Ф. Фадеева, жителя села Чесноково Михайловского района Амурской области [Текст] / Е. А. Оглезнева, А. В. Блохинская // Слово:

- фольклорно-диалектологический альманах. – 2015. – Вып. 12. Амурское казачество: язык и культура. – С. 77–85.
40. Осетрова, Е. В. Речевой портрет политического деятеля [Текст] / Е. В. Осетрова // Лингвистический ежегодник Сибири / под ред. Т. М. Григорьевой. – Красноярск, 1999. – С. 58–66.
41. Панов, М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. [Текст] / М. В. Панов. – М. : Наука, 1990. – 452 с.
42. Пылаева, О. Б. Об исчезающем языке амурских эвенков [Текст] / О. Б. Пылаева // Амурские эвенки: Большие проблемы малого этноса : сб. науч. тр. / под ред. проф. Г. В. Быковой. – Вып. I. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 58–102.
43. Рахматуллина, А. Н. О разработке фонетического портрета представителей лингвокультурного типажа «английский чудак» [Текст] / А. Н. Рахматуллина // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». – 2011. – № 6. – С. 41–44.
44. Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте [Текст] / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М., 2009. – 807 с.
45. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции [Текст] / К. Ф. Седов. – М., 2004. – 320 с.
46. Селютина, И. Я. Сравнительная характеристика среднеязычных согласных в тюркских языках Южной Сибири (по данным МРТ) [Текст] / И. Я. Селютина // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 94–104.
47. Сиротинина, О. Б. Языковой облик г. Саратова [Текст] / О. Б. Сиротинина // Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 247–253.
48. Сиротинина, О. Б. Человек и его язык [Текст] / О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. – Вып. 26. Язык и человек. – С. 3–7.
49. Слесарева, Г. П. Звуковой портрет Агафьи Лыковой [Текст] / Г. П. Слесарева // Материалы Междунар. съезда русистов в Красноярске, 1–4 октября 1997 г. – Красноярск, 1997. – Т. 1. – С. 173–174.
50. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области [Текст] / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Г. И. Варламова, Л. А. Афанасьева. – Благовещенск, 2013. – Ч. 1. – 481 с.
51. Сравнительное исследование артикуляционных баз народов Сибири методами высокопольной магнитно-резонансной томографии, цифровой рентгенографии и ларингографии высокого разрешения. Проект №121. Отчёт-2013 [Электронный ресурс] / Н. С. Уртегешев, А. И. Шевела, А. А. Тулупов, И. Я. Селютина. – Новосибирск, 2013. – 16 с. – Режим доступа: http://philology.nsc.ru/departments/lefi/report/Integracionnyy_Proekt_121_Otchet-2013.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
52. Тарасенко, Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте её речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.19/ Тарасенко Татьяна Петровна ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 26 с.
53. Тимофеев, В. П. Личность и языковая среда [Текст] / В. П. Тимофеев. – Шадринск, 1971. – 122 с.

54. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1949. – 342 с.
55. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты [Текст] / отв. ред. Е. А. Земская. – Москва ; Вена : Языки славянской культуры, 2001. – 496 с.
56. Weisgerber, L. Die sprachliche Gestaltung der Welt [Text] / L. Weisgerber. – Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 455 p.

References

1. Andreeva, T. E. (1988). *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka* [Sound system of the Tommot local accent of the Evenki language]. Novosibirsk.
2. Anis'kina, N. V. (2001). *Yazykovaya lichnost' sovremennogo starsheklassnika* [Linguistic personality of a modern high school student]. PhD dis. in Philological. Sci. Yaroslavl : Yaroslavl State Pedagogical University.
3. Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 4th ed. – Moscow : KomKniga Press.
4. Babushkina, E. A. (2012). Rechevoy portret lichnosti: foneticheskie kharakteristiki [Speech portrait of the person: Phonetic features]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Romano-germanskaya filologia* [Bulletin of the Buryat State University. Romance and Germanic Philology], 11, 7–11.
5. Boldyrev, B. V., Bykova, G. V., Varlamova, G. I., Afanas'eva, L. A. (2013). *Slovar' selemdzhinskogo govora evenkov Amurskoy oblasti* [Dictionary of Selemdzha Accent of Amur Region Evenks]. Part 1. Blagoveshchensk.
6. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya*. [Accents of Amur Region Evenks. Research materials]. Leningrad : Nauka Press.
7. Bulatova, N. Ya., Morozova O. N., Struchkov G. A. (2017). *Zvukovoy evenkiysko-russko-angliyskiy tematicheskii slovar'. na materiale selemdzhinskogo govora evenkiyskogo yazyka*. [Sound Evenki-Russian-English Thematic Dictionary]. Blagoveshchensk.
8. Vasilevich, G. M. (1948). *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Outlines of Evenki (Tungus) language dialects]. Leningrad.
9. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow.
10. Vinogradov, V. V. (1930). *O khudozhestvennoy proze* [About fiction]. Moscow : PRIOR Press.
11. Golubeva, I. V. (2002). *Opyt sozdaniya kollektivnogo rechevogo portreta : Na materiale ekspressivnogo sintaksisa memuarnoy prozy* [The experience of creating a collective speech portrait : On the material of expressive syntax in memoir prose]. Doctoral dis. in Philological. Sci. Krasnodar.
12. Grachev, M. A., Romanova, T. V. (2006). *Kul'tura rechi sovremennogo goroda. Lingvisticheskii landshaft Nizhnego Novgoroda* [Speech culture of the modern city. The linguistic landscape of Nizhny Novgorod]. Nizhniy Novgorod.
13. Grachev, M. A., Romanova, T. V. (2008). *Yazyk molodezhi. Lingvisticheskii landshaft Nizhnego Novgoroda* [Language of the youth. Linguistic landscape of Nizhny Novgorod]. Nizhniy Novgorod.

14. Zemskaya, E. A. (2011). *Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya. uchebnoe posobie* [Russian colloquial speech. Linguistic analysis and problems of teaching: A course book]. Moscow: Flinta, Nauka Press.
15. Zinder, L. R. (1979). *Obshchaya fonetika: ucheb. posobie* [General phonetics: A course book]. 2nd edition, revised. and add. Moscow.
16. Ivantsova, E. V. (2008). Problemy formirovaniya metodologicheskikh osnov lingvoperersonologii [Problems in the formation of the methodological foundations of linguoperersonology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 3 (4), 27–41.
17. Karaulov, Yu. N. (1982). Rol' pretsedentnykh tekstov v strukture i funktsionirovaniyazykovoy lichnosti [The role of precedent texts in the structure and functioning of the language personality]. *Mezhdunarodnyy kongress MAPRYAL* [International Congress MAPRYAL] (pp. 105–125). Moscow.
18. Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow: LKI Press.
19. Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1995). *Russkiy rechevoy portret: fonokhrestomatiya* [Russian speech portrait: Phonotextbook]. Moscow.
20. Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (2003). Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya [Modern political communication]. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language: Social and functional differentiation] (pp. 151–241). Moscow.
21. Kogotkova, T. S. (1975). Zametki ob izuchenii leksiki v individual'noy rechi dialektonositelya (po materialam sovremennykh oblastnykh slovarey) [Notes on the study of vocabulary in the individual speech of dialectonics (Based on the materials of modern regional dictionaries)]. *Russkie govory: K izucheniyu fonetiki, grammatiki, leksiki* [Russian dialects: To the study of phonetics, grammar, vocabulary] (pp. 285–301). Moscow.
22. Kolokol'tseva, T. N. (2015). Rechevoy portret personazha: sintaksicheskiy aspekt [Speech portrait of the character: syntactic aspect]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences], 2 (97), 88–94.
23. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya*. [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moskow-Leningrad.
24. Krasnykh, V. V. (2001). *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii: Kurs lektsiy* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory: A course of lectures]. Moscow: MITDGK «Gnozis» Press.
25. Krysin, L. P. (1994). Sovremennyy russkiy intelligent: shtrikhi k rechevomu portretu [The modern Russian intellectual: Strokes to a speech portrait]. *Literaturnyy yazyk i kul'turnaya traditsiya* [Literary language and cultural tradition] (pp. 262–282). Moscow.
26. Krysin, L. P. (2003). Rechevoy portret predstavatelya intelligentsii [Speech portrait of the representative of the intellectuals]. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language: Social and functional differentiation] (pp. 483–495). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.

27. Krysin, L. P. (2004). Kul'tura. Mozhno li po rechi uznat' intelligenta? [Culture. Is it possible to recognize an intellectual by speech?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and the present], 5, 157–164.
28. Leorda, S. V. (2006). *Rechevoy portret sovremennogo studenta* [Speech portrait of a modern student]. Athor's abst. PhD in philol. sci. dis. Saratov.
29. Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno-orientirovannoe obuchenie [Lingvopersonology: Types of linguistic personalities and personality-oriented learning]. (2006). Barnaul ; Kemerovo.
30. Lopushanskaya, S. P. (2005). Vzaimodeystvie russkogo literaturnogo yazyka i nizhnevolzhskikh govorov po dannym matrichnoy rekonstruktsii [Interaction of the Russian literary language and Lower Volga dialects according to matrix reconstruction data]. In S. P. Lopushanskaya, *Vzaimodeystvie russkogo literaturnogo yazyka i territorial'nykh dialektov* [Interaction of the Russian literary language and territorial dialects] (pp. 11–22). Volgograd: Volgograd State University Press.
31. Matveeva, G. G. (1993). *Skrytye grammaticheskie znacheniya i identifikatsiya sotsial'nogo litsa («portreta») govoryashchego* [Hidden grammatical meanings and identification of the social person («portrait») of the speaker]. Doctor of Philological sci. dis. Saint-Petersburg.
32. Matusевич, M. I. (1960). Oчерк sistemy fonem erbogochenskogo govora evenkiyskogo yazyka na osnove eksperimental'nykh dannykh [The outline of Phonemic System of Erbogochen Evenki Language based on experimental data]. *Uchenye zapiski LGU. Seriya filol. nauk* [Scientific Notes of Leningrad State University. Series of Philological Sciences], 40 (237), 132–169.
33. Milovanova, M. V. (2012). Metody izucheniya yazykovoy lichnosti sovremennogo dialektonositelya [Methods of studying the linguistic personality of the modern dialect speaker]. *Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2 (11), 135–139.
34. Morozova, O. N. (2015). Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki peredne-yazychnogo glukhogo smychnogo /t/ v evenkiyskom yazyke [Articulatory and acoustic features of the fore-lingual voiceless plosive consonant /t/ in the Evenki language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (1), 74–85.
35. Nemirovskaya, A. V. (2009). Izuchenie bazovykh tsennostey i udovletvorennost'yu zhizn'yu zhiteley Krasnoyarskogo kraya v kontekste razrabotki sotsiokul'turnogo portreta regiona Rossii [The study of basic values and the inhabitants of the Krasnoyarsk Region satisfaction in the context of developing socio-cultural portrait of a Russian region]. *Materialy Tyumenskogo sotsiologicheskogo Foruma* [Materials of the Tyumen Sociological Forum] (pp. 165–166). Tyumen'.
36. Neroznak, V. P. (1996). Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic personology: Determining the status]. *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Yazyk. Poetika. Perevod* [Collection of articles of the Moscow State Linguistic University. Language. Poetics. Translation] (Vol. 426, pp. 112–116). Moscow.
37. Nikolaeva, T. M. (1991). «Sotsiolingvisticheskiy portret» i metody ego opisaniya [«Sociolinguistic portrait» and methods of its description]. *Russkiy yazyk i*

- sovremennost'*. *Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki* [Russian language and modernity. Problems and perspectives for development of Russian studies], reports at the All-Union Scientific Conference] (Chapter 2, pp. 73–75). Moscow.
38. Oglezneva, E. A. (2004). Sotsial'no-rechevoy portret sovremennogo dialektonosatelya (na materiale rechi M. V. Khlystova, zhitelya s. Chernovka Svobodnenskogo rayona Amurskoy oblasti) [Social-speech portrait of a modern dialect speaker (Based on the speech of M. V. Khlystov, a resident of Chernovka village, Svobodnensky district of the Amur Region)]. *Narodnoe slovo Priamur'ya* [Folk Word of Priamurye] (pp. 85–95). Blagoveshchensk.
39. Oglezneva, E. A. (2005). Rechevoy portret emigranta (na materiale rechi predstavitel'nitsy russkoy diaspory v Kharbine V. P. Khan) [Speech portrait of an emigrant (Based on speech by a representative of the Russian diaspora in Harbin V. P. Khan)]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh* [Word: Folklore-Dialectological Almanac], 3, 101–108.
40. Oglezneva, E. A., Blokhinskaya, A. V. (2015). Rechevoy portret potomka zabaykal'skikh kazakov na materiale rechi V.F. Fadeeva, zhitelya sela Chesnokovo Mikhaylovskogo rayona Amurskoy oblasti [Speech portrait of a descendant of Trans-Baikal Cossacks: Based on V.F. Fadeev's speech, a resident of the village of Chesnokovo, Mikhailovsky District, Amur Region]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh* [Word: Folklore-Dialectological Almanac], 12, 77–85.
41. Osetrova, E. V. (1999). Rechevoy portret politicheskogo deyatelya [Speech portrait of a politician]. *Lingvisticheskiy ezhegodnik Sibiri* [Linguistic Yearbook of Siberia] (pp. 58–66). Krasnoyarsk.
42. Panov, M. V. (1990). *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vekov* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]. Moscow : Nauka Press.
43. Pylaeva, O. B. (2003). Ob ischezayushchem yazyke amurskikh evenkov [On the endangered Amur Evenki language]. In G. V. Bykova, *Amurskie evenki: Bol'shie problemy malogo etnosa: sbornik nauchnykh trudov* [Amur Evenki: Big Problems of a Small Ethnic Group: A collection of Scientific Papers] (Issue I, pp. 58–102). Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University.
44. Rakhmatullina, A. N. (2011). O razrabotke foneticheskogo portreta predstaviteley lingvokul'turnogo tipazha «angliyskiy chudak» [On the development of a phonetic portrait of representatives of the linguistic and cultural type «English eccentric»]. *Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin MGOU. Series «Linguistics»], 6, 41–44.
45. Regiony Rossii: sotsiokul'turnye portrety regionov v obshcherossiyskom kontekste (2009). [Regions of Russia: Socio-cultural portraits of regions in the all-Russian context]. Moscow.
46. Sedov, K. F. (2004). *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality: Communicative competence evolution]. Moscow.
47. Selyutina, I. Ya. (2015). Sravnitel'naya kharakteristika sredneyazychnykh soglasnykh v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (po dannym MRT) [Comparative Characteristics of Mediolingual Consonants in the Turkic Languages

- ot South Siberia (MRT investigation)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 94–104.
48. Sirotinina, O. B. (1988). Yazykovoy oblik g. Saratova [Linguistic image of the city of Saratov]. *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi* [Varieties of urban oral speech] (pp. 247–253). Moscow.
49. Sirotinina, O. B. (1996). Chelovek i ego yazyk [A person and his language]. *Voprosy stilistiki* [Issues of Stylistics]. (Vol. 26, pp. 3–7), Saratov.
50. Slesareva, G. P. (1997). Zvukovoy portret Agaf'i Lykovoy [Sound portrait of Agafia Lykova]. *Materialy Mezhdunar. s"ezda rusistov v Krasnoyarske* [Proc. of Intern. Congress on Russian Studies in Krasnoyarsk] (Vol. 1, pp. 173–174). Krasnoyarsk.
51. Urtegeshev, N. S., Shevela, A. I., Tulupov, A. A., Selyutina, I. Ya. (2013). Sravnitel'noe issledovanie artikulyatsionnykh baz narodov Sibiri metodami vysokopol'noy magnitno-rezonansnoy tomografii, digital'noy rentgenografii i laringografii vysokogo razresheniya [Comparative Research of Articulatory Bases of Siberia Folks by Means of Magnetic Resonance Image, Digital X-ray Radiography and Laryngography of High Resolution]. *Report on the Project N121*. Novosibirsk. Retrieved from <http://philology.nsc.ru/departments/lefi/report/Integracionnyi_Proekt_121_Otchot-2013.pdf>.
52. Tarasenko, T. P. (2007). *Yazykovaya lichnost' starsheklassnika v aspekte ee rechevykh realizatsiy (na materiale dannykh assotsiativnogo eksperimenta i sotsiolekta shkol'nikov Krasnodara)* [The language personality of a senior pupil in the aspect of her speech realizations (based on the data of the associative experiment and the socioculture of schoolchildren in Krasnodar)]. Athor's abstract of PhD. Dissertation in Philological Sciences. Krasnodar : Kuban State University.
53. Timofeev, V. P. (1971). *Lichnost' i yazykovaya sreda* [Personality and language environment]. Shadrinsk.
54. Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad.
55. Yazyk russkogo zarubezh'ya: Obshchie protsessy i rechevye portrety [Language of the Russian Abroad: General processes and speech portraits]. (2001). Moscow ; Vienna : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
56. Weisgerber, L. (1962). *Die sprachliche Gestaltung der Welt*. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann.

УДК 81'34, 81'161.1**UDC 81'34, 81'161.1**

Шуйская Татьяна Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatiana V. Shuiskaya
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
T.Shuiskaya@mail.ru

ЭЛИЗИЯ И ЭЛЛИПСИС В РЕЧИ ДЕТЕЙ ТРЁХ ЛЕТ **ELISION IN 3-YEAR-OLDS SPEECH**

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты акустического и перцептивного видов анализа эллипсиса и элизии в речи двадцати русских детей в возрасте трёх лет. Исследованию были подвергнуты 5600 реализаций согласных и 2960 реализаций гласных в изолированно произнесённых словах. Результаты показали, что эллипсис согласных /l/ и /r/ был самым частотный. Эллиптирование чаще происходило по типу синкопы, апокопа встречалась реже. Большая часть эллиптированных согласных пришлась на переднеязычные, эллипсис среднеязычного и заднеязычных согласных не отмечался. Чаще всего дети предпочитали заменять «неудобные» согласные, а не эллиптировать их. Случаев элизии в экспериментальном материале не выявлено. Взрослые носители русского языка не могли восстановить эллиптированные согласные, хотя им были предъявлены слова целиком, поэтому данное эллиптирование следует считать фонологическим.

Abstract

The current paper focuses on the results of acoustic and perceptual study of elision in the speech of twenty Russian 3-year-olds. 5600 consonant and 2960 vowel tokens in words pronounced in isolation were studied. /l/ and /r/ consonant elisions were among the most frequent. In most cases it was syncope while apocope was much less frequent. Forelingual consonant elisions occurred more often, linguopalatal /j/ and velar consonant elisions were not found. Much more often than eliding, children preferred to substitute «inconvenient» consonants. Vowel elision was not found in the experimental material. Generally, adult Russian listeners could not reconstruct the omitted consonants in the words they listened to, therefore this should be considered phonological elision.

Ключевые слова: детская речь, эллипсис и элизия, апокопа, синкопа, восприятие.

Keywords: child speech, elision, apocope, syncope, perception.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_104_112

1. Введение

В рамках онтолингвистики – самостоятельной науки, сформировавшейся в России в конце XX века, – изучают различные компоненты языковой системы: фонетику, морфологию, синтаксис, орфографию и многие другие. Однако, по мнению Е. Ф. Кирова, уже назрела необходимость выделить лингвистические дисциплины, которые можно обозначить, используя начальную часть «онто». Среди прочих терминов, популярных в русистике, автор предлагает ввести термин онтофонетика [Киров, 2013]. Как известно, фонетика – это наука изучающая звуки и их чередования, а также ударение, интонацию, особенности членения звукового потока на слоги и более крупные отрезки [Касаткин, 2006]. Специфическим отличием онтофонетики от фонетики является то, что первая ориентируется на детскую речь. Бесспорно, детская речь фонетически отлична от речи взрослых, кроме того, причины, объясняющие те или иные фонетические явления, тоже различны. Поэтому, на наш взгляд, фонетическая организация детской речи должна стать предметом специального исследования.

Изучая фонетическую сторону детской речи многие, как правило, уделяют внимание звуковым заменам, упрощению групп согласных, слоговой элизии. Вместе с тем вопрос эллипсиса и элизии отдельных сегментных единиц в детской речи освещён недостаточно. В настоящей работе под эллипсисом или эллиптированием понимается выпадение согласных, а под элизией – выпадение гласных.

Как известно, элизия и эллипсис, то есть полное выпадение звука является частным случаем количественной редукции [Бондарко, 1981]. Исследования, проведённые на материале разных языков, позволяют выделить причины, вызывающие элизию и эллипсис: быстрый темп речи, экономия речевых усилий, наличие участков высказывания с малой информативной нагруженностью [Бондарко, 1981; Мартине, 2006; Гусева, 1998; Шуйская, 2013]. Данные причины характерны для взрослой речи, а в случае детской речи нельзя забывать о неспособности детей осуществить артикуляцию отдельных звуков. Е. Ф. Киров предлагает ввести термин онтофонема, а необычным типом онтофонемы в русской речи детей считать единицу с нулевым компонентом. По мнению автора, ребёнок понимает, что ноль звука что-то означает, то есть реализует фонемную единицу, содержащуюся в своём языковом сознании в виде акустического образа, а не моторно-артикуляционной программы [Киров, 2013]. Рассуждая с позиции Щербовской фонологической школы, следует отметить, что при количественной редукции звука может возникнуть его полное выпадение, и никакая фонема или онтофонема при этом не реализуется. Вместе с тем нельзя не согласиться, что в языковом сознании ребёнка присутствует акустический образ слова, но несовершенство механизмов артикуляторной базы не позволяет на определённом этапе речевого развития ребёнка произнести отдельные звуки.

Как правило, речевая деятельность ребёнка подчинена компенсаторному механизму: дети заменяют труднопроизносимые звуки теми звуками,

артикуляцию которых они уже усвоили, хотя наряду с заменами в детской речи отмечаются и случаи элизии и эллипсиса «неудобных» сегментов. Если в спонтанной речи выпадение звуков можно объяснить её «небрежностью», то на материале изолированно произнесённых слов основной причиной выступает отсутствие навыков артикуляции звуков, если, конечно, слово не является высокочастотным (выпадение звуков в высокочастотных словах встречается даже при медленном темпе речи [Кодзасов, 1973]). Интересна при этом стратегия компенсаторного механизма, а именно выбор ребёнком замены или выпадения звука.

Экспериментальные данные на материале английского и немецкого языков в спонтанной речи взрослых показали, что эллипсис приводит к перестройке структуры слогов. Эти изменения способствуют упрощению структуры консонантной периферии. При элизии, напротив, встречаются случаи усложнения периферии слога [Андросова, 2016]. Хотелось бы выяснить, какой из видов выпадения предпочитают дети: в конце слов (апокопа) и не в конце (синкопа) (об этих типах выпадений см. в работе Ю. С. Маслова [Маслов, 1998]). Цель настоящей работы – провести комплексный анализ эллиптирования и элизии на материале изолированно произнесённых слов в репрезентации детей.

2. Акустический эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для анализа послужили изолированные знаменательные слова в произнесении двадцати детей в возрасте 3,1–3,3 года (далее – дикторы). Слуховому и акустическому анализу были подвергнуты 5600 реализаций согласных, 2960 реализаций гласных.

В результате количественной обработки экспериментального материала был выявлен процент выпадения того или иного звука по отношению к общему количеству случаев его употребления в списке слов. Полученные данные представлены в таблице 1.

2.2. Эллипсис

Как видно из таблицы 1, процент эллиптирования согласных в речи детей небольшой. Из тридцати шести согласных двадцать восемь не были подвержены эллиптированию: /p/, /pʲ/, /b/, /bʲ/, /f/, /fʲ/, /v/, /m/, /mʲ/, /tʲ/, /d/, /dʲ/, /nʲ/, /sʲ/, /z/, /zʲ/, /rʲ/, /ʃ/, /ʃʲ/, /ʒ/, /ts/, /tʃ/, /kʲ/, /g/, /gʲ/, /h/, /hʲ/, /j/. В речи семи из двадцати детей не было отмечено случаев выпадения согласных. Наибольший процент эллиптирования (10,6%1) составляет переднеязычный мягкий щелевой /lʲ/, при этом наибольшее количество случаев приходится на выпадение /lʲ/ из кластера [pʲlʲ] по типу синкопы в словах *плюс*, *плющ* (подчёркиванием обозначен выпавший сегмент). В 8,8% случаев эллиптируется переднеязычный твёрдый дрожащий /r/ в кластерах [tr], [dr] также по типу синкопы в словах *трава*, *дрова*, *рак*. Губно-зубной мягкий щелевой /vʲ/ был эллиптирован по типу синкопы в 5% случаев в кластерах [svʲ], [tʃvʲ] в словах *свет*, *цвет*. Было зафиксировано 1,8% случаев эллип-

сиса твёрдого щелевого /l/ из кластеров [pl], [lk] по типу синкопы в словах *плащ, плач, галка*. Процент эллиптирования переднеязычного твёрдого смычного /n/ составил 1,6%. Эллипсис /n/ происходил в кластере [nt] по типу апокопы в словах *финт, винт*. Менее 1% случаев эллиптирования было отмечено для переднеязычных твёрдых /t/, /s/ (0,4% и 0,2% соответственно), оба – по типу апокопы. Смычный /t/ выпадал из кластера [nt] в слове *винт*, щелевой /s/ эллиптировался из кластера [sk] в слове *воск*.

Т а б л и ц а 1. Эллиптирование

Фонема		Количество фонемоупотреблений		Ранг частотности		Эллипсис %		Замены %	
p	p ^j	200	80	9	14	-	-	-	-
b	b ^j	40	40	16	16	-	-	-	-
f	f ^j	40	20	16	17	-	-	5	-
v	v ^j	100	120	13	12	-	5	2	-
m	m ^j	180	140	10	11	-	-	1,6	-
t	t ^j	260	360	7	5	0,4	-	0,7	-
d	d ^j	60	40	15	16	-	-	1,6	-
l	l ^j	500	300	2	6	1,8	10,6	20	15,6
n	n ^j	140	20	11	17	1,6	-	2,1	15
s	s ^j	480	60	3	15	0,2	-	11,4	3,3
z	z ^j	100	20	13	17	-	-	10	10
r	r ^j	320	60	4	15	8,8	-	86,9	80
ʃ	ʃ ^j	300	80	6	14	-	-	63	62,5
ʒ	-	180	-	10	-	-	-	75	-
ts	tʃ	40	220	16	8	-	-	7,5	26,3
k	k ^j	800	60	1	15	0,4	-	0,5	-
g	g ^j	80	20	14	17	-	-	2,5	5
h	h ^j	20	20	17	17	-	-	-	-
-	j	-	100	-	13	-	-	-	-

Обращает на себя внимание то, что чаще эллиптируются согласные более сложной артикуляции. Так, отмечается относительно большой процент случаев выпадения мягкого щелевого /l^j/ и дрожащего /r/. Учитывая классификацию согласных по активному действующему органу, можно заключить, что чаще других эллипсису подвержены переднеязычные согласные, случаи эллиптирования среднеязычного и заднеязычных согласных отсутствуют.

Следует подчеркнуть, что эллипсис не зависит от частотности фонемоупотреблений. Так, фонема /l^j/, наиболее подверженная эллипсису, имеет

только шестой ранг частотности. Если сравнить процент выпадения и замен согласных, то становится очевидно, что дети предпочитают заменять согласные нежели их эллиптировать. Всего восемь из 36 согласных было эллиптировано, в то время как по данным, указанным в таблице 1, заменам были подвержены 23 из 36 согласных.

Нельзя не отметить, что на материале 2960 изученных реализаций гласных случаев элизии вообще не зафиксировано.

3. Особенности восприятия слов с эллиптированными согласными

Как известно, восприятие носит фонологический характер, поэтому было решено провести перцептивный эксперимент и определить когда происходило фонологическое выпадение, то есть воспринимаемое носителями языка, а в каких случаях имело место фонетическое выпадение, когда носителю языка не мешали эллиптированные звуки для восстановления облика слова.

3.1. Материал и методика исследования

Для перцептивного анализа были выбраны слова (далее – стимулы) в которых отмечались случаи эллиптирования. Приведём примеры стимулов, где в квадратных скобках дана акустическая транскрипция, отражающая реальное звучание в детской речи: *финт* [fit], *рак* [ak]. Все стимулы были записаны в отдельные файлы в формате MP3 и в пятикратном повторении предъявлены аудиторам. В эксперименте участвовало 13 носителей русского языка (12 женщин, 1 мужчина) в возрасте 20–21 года, являющихся студентами 4 курса Амурского государственного университета, направления подготовки «Регионоведение». Студенты имели большой опыт аудирования текстов на русском, английском и китайском языках и обладали навыками транскрибирования с использованием символов Международного фонетического алфавита.

Аудиторам, участвовавшим в эксперименте (A1–A13), объяснили, что стимулы представляют собой слова с отсутствующими фрагментами. Перед аудиторами ставилась задача с помощью букв английского алфавита записать услышанное. Участникам эксперимента не предлагалось указать слово, где бы мог встретиться данный стимул, поскольку распознавание слов было бы осложнено детскими заменами аллофонов, фонем и, собственно, эллиптированием. Так, стимул [vitʲ] представлял собой целевое слово *винт*, в котором твёрдый переднеязычный /t/ был заменён ребёнком на парный мягкий /tʲ/, а носовой сонант был опущен, что изменило целевое слово до неузнаваемости вне контекста.

3.2. Результаты

Результаты перцептивного эксперимента, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что в большинстве случаев происходило фонологическое выпадение согласных.

Т а б л и ц а 2. Восприятие слов с эллипсисом

№	Аудитор Стимул	A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9	A10	A11	A12	A13
1	Дрова [dava]	dava	tava	davath	davaf	davav	dava	davay	davath	davath	davaf	davaf	davas	dava
2	Рак [ak]	A	ak	at	akt	akt	at	ah	pat	art	at	at	akt	art
3	Плюс [pus']	osj	pusch	posch	puch	poshe	push	posh	push	posch	pusch	pusch	pusch	posh
4	Плач [pat']	spasj	patj	patj	pat	pat	padj	patj	pat	patj	pat	patj	patj	pat
5	Винт [vit']	vitj	ditj	vitj	vich	dich	vitj	vitj	vit	dich	dif	vitj	detj	vit
6	Плечи [petij]	peti	peti	peti	petir	pechi	peti	peti	petive	peti	piti	piti	peti	peti
7	Свет [sjet]	vsjatj	sytj	sat	set	sed	vsyat	syatj	sit	sad	satj	side	set	set
8	Плащ [pas']	spasj	pas	pus	past	pas	pasj	pastj	tah	pas	pasch	pasj	pusj	pas
9	Цвет [tsjet]	tyatj	tyt	tyat	chek	ted	tyat	tyat	teat	chit	tit	tit	tet	ted
10	Плющ [pis']	pesj	pusj	pusch	pusk	pus	pisj	pus	pis	pusi	pusch	peas	pusj	push
11	Плечи [petij]	peti	peti	petchi	peti	pati	piti	peti	piti	peti	peti	peatj	peti	peti
12	Трава [tava]	tava	tava	tava	tawa	ava	tava	dava	davath	tava	tova	tava	tava	tava
13	Финт [fit]	fit	sit	sit	fit	sit	fit	sit	fit	sit	sit	sit	sit	fit

Часть аудиторов продемонстрировала естественное стремление распознать слово. Так, при восприятии слова *рак*, в котором был эллиптирован начальный согласный /r/, несколько аудиторов указали слова *art*, *act* (хотя акустически после гласного заднего ряда /a/ был реализован и заднеязычный согласный /k/), модифицируя конечную консонантную периферию, но не предпринимая попыток восстановить начальную. Только один аудитор из тринадцати предложил начальный согласный в одном из тринадцати стимулов, а именно губной /p/ в стимуле [ak] – /pat/. Таким образом, мы имеем дело с высокой корреляцией акустического образа и результата его восприятия. Широкий контекст (напр., восприятие в сочетании слов или во фразе целиком), возможно, изменил бы картину восприятия, однако даже предъявление целого слова с эллиптированным согласным оказалось недостаточным для его распознавания.

Поскольку выпадение фиксируется акустически и перцептивно в основном в кластерах, сокращения количества слогов не происходит. Имеет место только подвижность фонемной модели слова – изменение состава фонем и их количества. Для детей трёх лет произнесение кластеров представляет трудность, особенно если в их состав входят сложные по своей артикуляции звуки: /r/, /rj/, /l/, /lj/. При этом, дети эллиптируют второй элемент кластера в начале слова и первый элемент – в случае если кластер находится в конце слова. Подобное эллиптирование было отмечено всеми аудиторами, участвовавшими в перцептивном эксперименте.

4. Заключение

Исследование, проведённое на материале изолированно произнесённых слов, не может претендовать на полноту описания случаев эллипсиса и элизии в детской речи, однако в определённой степени раскрывает механизмы речевого поведения и даёт перспективу в дальнейшем сравнить полученные результаты с данными по, например, спонтанной речи. Анализ речевого материала позволил сделать следующие выводы.

1. Преимущественно эллипсис происходил по типу синкопы, главным образом в кластерах; отмечались единичные случаи выпадения сегмента по типу апокопы; согласные /l/ и /r/ эллиптировались чаще других.

2. Эллипсис не зависел от частотности фонемы.

3. В детской речи (в формате изолированного произнесения) не допускалась элизия гласных. Следовательно, все зафиксированные случаи выпадения сегментов приводили к упрощению структуры детских слогов.

4. При реализации компенсаторного механизма дети придерживались определённой стратегии, предпочитая «наполнять» слова необходимым количеством фонем, заменяя «неудобные» для произнесения сегменты уже освоенными.

5. Проведённый перцептивный эксперимент показал, что в большинстве случаев эллиптирования при восприятии вне широкого контекста – только слово с выпавшим согласным – фонемный состав таких слов взрослыми носителями русского языка не восстанавливался.

Список литературы

1. К вопросу об эллипсисе и элизии в спонтанной речи (на материале английского языка) [Текст] / С. В. Андросова, С. И. Гусева, С. В. Деркач, О. Н. Морозова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 413. – С. 5–13.
2. Бондарко, Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи [Текст] / Л. В. Бондарко. – Л., 1981. – 197 с.
3. Гусева, С. И. Коммуникативная перспектива и реализация сегментных единиц: экспериментальное исследование на материале немецкого языка [Текст] / С. И. Гусева – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 1998. – 180 с.
4. Касаткин, Л. Л. Современный русский язык. Фонетика : учеб. пособие. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 256 с.
5. Киров, Е. Ф. К обоснованию онтофонологии [Текст] / Е. Ф. Киров. // Проблемы онтолингвистики – 2013 : материалы международной научной конференции 26–29 июня 2013 г., Санкт-Петербург. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – С. 28–33.
6. Мартине, А. Принцип экономии в фонетических изменениях: проблемы диахронической фонологии [Текст] / А. Мартине – М. : КомКнига, 2006. – 264 с.
7. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание [Текст] / Ю. С. Маслов – М. : Высшая школа, 1998. – 272 с.
8. Кодзасов, С. В. Фонетический эллипсис в русской разговорной речи [Текст] / С. В. Кодзасов. // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. – 1973. – С. 109–133.
9. Шуйская, Т. В. Акустические и перцептивные характеристики гласных AuE [Текст] / Т. В. Шуйская. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2013. – 159 с.

References

1. Androsova, S. V., Guseva, S. I., Derkach, S. V., Morozova, O. N. (2016). K voprosu ob ehllipsise i ehlizii v spontannoј rechi (na materiale angliјskogo yazyka) [Elision in spontaneous speech (based on English)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 413, 5–13.
2. Bondarko, L. V. (1977). *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi* [Phonetic description of the language and phonological description of speech]. Leningrad.
3. Guseva, S. I. (1998). *Kommunikativnaja perspektiva i realizacija segmentnyh edinit: Jeksperimental'noe issledovanie na materiale nemetskogo jazyka* [Communicative perspective and the use of segmental units: experimental study based on German]. Blagoveshchensk : Amur State University Press.
4. Kasatkin, L. L. (2013). *Sovremennyj russkij yazyk. Fonetika* [The modern Russian language. Phonetics]. Moscow : «Akademia» Publishing House.
5. Kirov, E. F. (2013). K obosnovaniyu ontofonologii [On the issue of ontophonology]. In: *Problemy ontolingvistiki* [Issues in ontolinguistics] (pp. 28–33). St-Petersburg : Herzphen University Press.
6. Martine, A. (2006). *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh. Problemy diakhronicheskoy fonologii* [The principle of economy in phonetic changes.

- Problems of diachronic phonology]. Translated from French by A. A. Zaliznyak. Moscow : Komkniga Press.
7. Maslov, Yu. S. (1998). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to language studies]. 3 d ed. Moscow : Vysshaya shkola Press.
 8. Kodzasov, S. V. (1973). Foneticheskiy ellipsis v russkoy razgovornoy rechi [Phonetic elision in Russian colloquial speech]. In: V. A. Zvegintsev (ed.), *Teoreticheskie i eksperimental'nye issledovaniya v oblasti strukturnoy i prikladnoy lingvistiki* [Theoretical and experimental research in the field of structural and applied linguistics] (pp. 109–133). Moscow : Moscow State University Press.
 9. Shujskaja, T. V. (2013). *Akusticheskie i perceptivnye harakteristiki glasnyh AuE: jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale spontannoj rechi nositelej avstralijskogo varianta anglijskogo jazyka* [Acoustic and perceptual features of AuE vowels (experimental phonetic study of the Australian variant of the English language)]. Blagoveshchensk : Amur State University Press.

MEMORIA

Лия Васильевна Бондарко (13 мая 1932 – 12 марта 2007)

Всегда в наших сердцах

УДК 81'11
UDC 81'11

Абрамова Ирина Евгеньевна
Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Российская Федерация
Irina E. Abramova
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russian Federation
lapucherabr@gmail.com

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕВОЗМОЖНО ЗАБЫТЬ
A PERSON IMPOSSIBLE TO FORGET

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_114_114

Лия Васильевна – человек, встречи с которым невозможно забыть, так как они для многих её учеников и последователей стали судьбоносными. Так было и со мной: то исследовательское направление, которым я занимаюсь много лет, было не сразу принято научным сообществом, я сама не до конца его понимала. А Лия Васильевна со свойственной ей прозорливостью сразу поняла суть и увидела перспективу. И оказалась права, благословив это непростое направление изучения аудиторного билингвизма с социолингвистической точки зрения. Так же, как оказалась права, поддержав исследования многих своих учеников, дав им энергию и уверенность в своих силах. Все мы низко кланяемся нашему Учителю!

И ещё, очень важно: Лия Васильевна – это специалист не только по норме в языке, норме в произношении. Она всегда очень чутко улавливала все изменения нормы в человеческих отношениях, в научной этике. Это было важно всегда, это особенно важно сейчас. Думаю, она стала примером для многих не только как большой учёный, но и Человек. На одной из конференции, посвящённой памяти Льва Рафаиловича Зиндера, Лия Васильевна вместе с Людмилой Алексеевной вспоминали, о тёплых отношениях со своим наставником: каждый день они созванивались и обсуждали текущие дела. Такое бывает не в каждой семье. Лев Рафаилович любовно называл их «дылдами», за рост выше среднего. Так вот, Лия Васильевна была значительно выше среднего во всём.

УДК 81'11
UDC 81'11

Бикбулатова-Освальд Эмилия
Висконсинский университет
О-Клэр, США
Emilia Bikbulatova Oswalt
University of Wisconsin
Eau Claire, U.S.A.
OSWALTEB@uwec.edu

МОЙ УЧИТЕЛЬ – ЛИДИЯ (ЛИЯ) ВАСИЛЬЕВНА БОНДАРКО
MY TEACHER – LIDIA (LIA) VASILIEVNA BONDARKO

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_115_117

Перечислить ВСЁ, что для меня значила и значит Лидия Васильевна Бондарко практически невозможно, как невозможно оценить роль, какую Лидия Васильевна играет в моей жизни по сей день.

Судьба привела меня на кафедру фонетики Ленинградского государственного университета в 1982 году: сначала в качестве стажёра, год спустя – как аспиранта-заочника, а ещё через год – уже в качестве очного аспиранта Лидии Васильевны Бондарко – заведующей кафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков. Вот здесь можно было бы поставить точку, так как все, кто был её аспирантом, знают что это такое!

Заведующая кафедрой, член ВАК, научный руководитель, жена, мать и бабушка – всё в одном лице со всеми присущими каждой роли обязанностями! Поначалу даже неловко было беспокоить ЕЁ своими простыми и непростыми и, зачастую, наивными вопросами. Однако, обратившись с вопросом в первый раз, и, получив не то чтобы ответ на свой вопрос, а скорее, импульс для размышления и некоего просветления в голове, равно как и стратегическое направление в решении и трактовке поставленной задачи, да ещё и моральную поддержку, не почувствовав при этом себя глупой, неумелой и смешной в глазах своего научного руководителя, летела вдохновлённая куда-то на окраину Питера претворять в жизнь намеченный Учителем план.

Можно только предполагать, где и как научилась Лидия Васильевна снимать «блокировку в мозгах» своих учеников, помогать своим неумелым начинающим исследователям-аспирантам обретать веру в себя, и, таким образом, раскрывать свой потенциал. Конечно, у своих учителей на той же кафедре фонетики! Одним словом, мой Учитель – Лидия Васильевна Бондарко – это пример практического использования одного из основных постулатов учения о развитии мышления, разработанного гениальным психологом Л. С. Выготским, ключевым моментом которого, как известно, является «зона ближайшего развития» мышления, рубежи которого могут

быть достигнуты при взаимодействии с учителем.* Где бы мы все были в развитии нашего академического мышления, если бы не всепонимающая профессор Л. В. Бондарко с этим её талантом Учителя?

До сих пор помню как Лидия Васильевна произносила «Ну, Мила...» со специфической интонацией лёгкой укоризны, что для меня означало «ты же сама знаешь, чего спрашиваешь...». Честно говоря, иногда я как бы знала, но обуревали сомнения, а иной раз, и представления не имела что происходит, как, например, откуда взялись «ненормальные» цифры в распечатке интонограмм (мы тогда только начинали использовать цифровое изображение изменения частоты основного тона и ездили для этого в лабораторию к Люблинской). И вот, после укоризненного «Ну, Мила..», каким-то загадочным образом, вдруг всё вставало на свои места и наступало прозрение: это же щелчки на магнитной ленте при включении и выключении магнитофона. Это сейчас, техника – на грани фантастики, а в 80-е техника была проще, а работать было сложнее. Ну конечно, вырезаем щелчки! Что бы я делала без Вас, Лидия Васильевна?!

Бывают времена, когда необходимо сделать выбор. Вот и мне надо было решить: то ли заканчивать диссертацию, то ли заниматься здоровьем. Как писать диссертацию, если подводит зрение? Идти на операцию до или после? «Ну, Мила...». Понятно, сначала защита диссертации, потом операция. Девочки с кафедры: Нина Вольская и Наташа Воробьева помогали, как могли. Наташа даже приезжала ко мне домой читать мне вслух последние статьи по экспериментальной фонетике. Вот друзья! Вот это кафедра! А кто пример? Правильно – заведующая кафедрой – Л. В. Бондарко!

Незадолго до моей защиты в ЛГУ, собирают заседание Головного Совета в Уфе, в Башкирском госуниверситете. Конечно, Лидия Васильевна должна на нём присутствовать. Лечу в Уфу – это мой родной город. Четыре дня, проведённые с Лидией Васильевной в Уфе, не забуду никогда! Во-первых, мой отец – защитник Ленинграда, после полученного в бою ранения пролежавший в госпитале на Васильевском острове почти всю блокаду, а после её снятия эвакуированный в Уфу, очень обрадовался возможности познакомиться и пообщаться с известной гостьей из Ленинграда. Во-вторых, просто удивительно, сколько нового о жизни в Ленинграде до войны, во время и после окончания войны я узнала из их разговоров. Бондарко удивилась, что после войны родители были в Ленинграде только дважды: «Ну, Мила...». Поняла и приняла Ваш укор, Лидия Васильевна. Надо организовать им поездку. И по жизни Вы – мой Учитель наряду с моими родителями!

Поздно вечером я сидела на краю её кровати и слушала рассказ о главном: о жизни и женском счастье. В тот период моей жизни (развод с мужем) это было важно и нужно. Только такой умный, добрый и тонко чувствующий человек, как Лидия Васильевна мог знать Что, Когда и Как говорить на эту сложную тему. Вот так, Учитель во всём!

После защиты диссертации на кафедральном чаепитии: «Мила мне как дочь...». Комок в горле, невозможно выразить словами ЧТО Вы для ме-

ня значите, Лидия Васильевна! Всё что во мне есть хорошего, это от моих родителей и от Вас, моего мудрейшего Учителя и незаменимого вдохновителя не только в экспериментальной фонетике, но и в обучении студентов, отношении к людям, воспитании дочери и в личной жизни!

Ну а что Америка и Висконсинский университет, где я обучаю студентов всему, чему научилась у Учителя? Здесь я тоже оказалась с лёгкой руки и при поддержке Лидии Васильевны. Правда, так и не поняла до сих пор хорошо это или плохо что мы с дочерью находимся так далеко от родного дома и привычного образа жизни. Вероятно, это как и откуда посмотреть: ведь у всякой медали две стороны, как любил напоминать мой отец. А что бы сказала наша мудрейшая Лидия Васильевна? – «Ну, Мила...».

Вот так и буду шагать по жизни дальше с оглядкой на моего великого Учителя и мудрейшего Друга, сверяя свои шаги с ЕЁ мнением.

*Выготский, Л. С. Собрание сочинений. Том 1. Вопросы теории и истории психологии. М. Педагогика. 1982.

УДК 81'11
UDC 81'11

Бурькин Алексей Алексеевич
Институт лингвистических исследований
Российская Академия Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Alexis A. Burykin
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
St-Petersburg, Russian Federation
albury@rambler.ru

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ «ЧИТАТЬ»?
WHAT DOES IT MEAN «TO READ»?

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_118_120

Как известно, проблема соотношения спонтанной речи и чтения занимает фонетистов очень давно. На кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ, которой руководила Лия Васильевна, было защищено несколько кандидатских диссертаций по этой проблематике – на материале разных языков. Помнится, в первой половине 2000-х годов была среди них и работа, связанная с обучением детей чтению, или что-то в этом роде. Обсуждение проблемы, что такое чтение, продолжалось и на традиционных посиделках в бывшей лаборатории, превратившейся в предбанник перед кабинетом Лии Васильевны. Продолжать дискуссию всерьёз мне, откровенно говоря, не хотелось, как-то всё говоримое было далеко от серьёзной теории письма. И тогда я вспомнил одну древнюю историю...

«Хотите, я расскажу вам, чем кончилась история о том, как Ходжа Насреддин взялся научить своего ишака читать Коран?» – спросил я.

Все заинтересовались. Вот эта история.

Все знают, что Ходжа Насреддин заключил с эмиром бухарским договор, согласно которому Ходжа обязался за двадцать лет научить своего ишака читать Коран. Когда его спросили, как он это сделает, Ходжа сказал: «Двадцать лет – большой срок, и за это время кто-нибудь покинет этот мир: или я, или мой ишак, или ... или наш пресветлый эмир...

Тем не менее, двадцать лет прошли. Постарел Ходжа. Появились седые волосы в гриве и в хвосте у его верного ишака. Одряхлел и эмир, но по прежнему продолжал править Бухарой. И вот как-то эмир вспомнил про старый договор, потребовал Ходжу к себе и сказал ему:

– О Ходжа! Двадцать лет назад ты подписал договор о том, что ты обязуешься научить своего ишака читать Коран. Завтра я устраиваю вам

экзамен и хочу узнать, как ты и твой ишак выполнили этот договор. Если твой ишак научился читать Коран – я щедро награжу тебя. Если ты не выполнил условия договора – я прикажу казнить тебя!

На другой день Ходжа с верным ишаком пришёл во дворец эмира. Там собрались самые мудрые из советников эмира и все учёные благородной Бухары: улемы, имамы, муджтахиды, мударрисы-преподаватели медресе, муфассиры-толкователи Корана, хафизы – те, кто знает Коран наизусть. Принесли из эмирской библиотеки роскошный огромный Коран, написанный золотом. Ишак заглянул в книгу, одобительно помотал головой – но не произнес ни слова.

– Ага! – закричал эмир. – Я так и знал! Ты не выполнил наш договор, Ходжа! Сейчас я прикажу посадить на кол не только тебя, но и твоего ишака, чтобы все знали, что бывает с теми, кто пытается обмануть эмира!

– О пресветлый эмир! – сказал спокойно Ходжа. – Ты помнишь, что я действительно обещал тебе за двадцать лет научить моего ишака читать Коран, и я сделал это. Уверяю тебя, что мой ишак не только научился читать Коран, но и превзошел в его толковании многих из твоих учёных богословов. Но, пресветлый эмир, справедливейший из справедливых, скажи, есть ли в нашем договоре такая статья, согласно которой я брался бы научить моего ишака говорить по-арабски? Такой статьи в нашем договоре нет – это во-первых. Во-вторых, пресветлый эмир, говорить по-арабски в Бухаре не умеют не только ишаки, и ты, о правитель Бухары, да продлит Аллах твои дни, прекрасно осведомлён об этом!

Эмир растерялся, и даже кади-судьи, преданные ему, вынесли решение – если Ходжа не обещал в договоре научить ишака говорить по-арабски, то он прав. Один из богословов сказал: «Есть правоверные мусульмане, лишённые голоса, но ведь и они читают священный Коран и внутри себя произносят молитвы Аллаху ...».

Пришлось эмиру выдать Ходже и ишаку обещанную награду. Учёные благородной Бухары всерьёз взялись за изучение новых наук: нахв – синтаксиса, сарф – морфологии, и таджвид – фонетики и поглощали глазами слова мудрейшего Ихвана: «Знай, что различие людей в их речи и в их языках определяется различием в их теле и строении. Причиной различия языков является различие мест артикуляции речевых звуков и их неспособность артикулировать звуки таким образом, как их артикулирует красноречивый. Некоторые утверждают, что ухудшение языка происходит от плохого строения (организма) и дурного темперамента. Но это не так, как утверждают. Это происходит скорее из различия мест артикуляции речевых звуков в отношении их силы и слабости. И это ухудшение в языке (органе речи) вырывает и удаляет речевые звуки из их мест артикуляции. И если бы это происходило от ухудшения темперамента, то весь язык был бы одним речевым звуком из единого места артикуляции». С полной ясностью по поводу затронутых вопросов выражается и знаменитый учёный Востока Ибн Сина (Авиценна) в своём труде «Причины возникновения речевых звуков»*. Как говорят, единственное, что не могли понять лучшие умы арабского лингвистического мира – это то, что такое слог...

Но и до сих пор в провинциях, далеко отстоящих от благородной Бухары, есть последователи эмира бухарского, даже приобщённые к учёному миру, которые искренне полагают, что читать и читать вслух – это одно и то же. Прав был Ходжа, когда сказал: «Воистину у моего ишака в Бухаре много родственников ...».

* Звегинцев В.А. История арабского языкознания. 2-е изд., М., 2007. С. 33

УДК 81'11
UDC 81'11

Гусева Светлана Ивановна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Svetlana I. Guseva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
s_guseva@mail.ru

ПРОСТО О СЛОЖНЫХ ВЕЩАХ
SIMPLE WAYS TO TALK ABOUT COMPLICATED ISSUES

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_121_121

Одним из отличительных качеств большого учёного, на мой взгляд, является умение рассказать просто о сложных вещах. Таким качеством в полной мере обладала Лия Васильевна.

Вспоминается эпизод из жизни нашего аспирантского набора. На одной из конференций выступал докладчик из Москвы. После доклада, как обычно, присутствующие начали задавать вопросы. Поднимается один из наших аспирантов и спрашивает, сколько фонем содержится в проанализированном докладчиком тексте. Докладчик удивленно посмотрел на задававшего вопрос и назвал число, равное количеству фонем в системе русского языка (исследование было выполнено на материале русского языка). Возникла некоторая заминка, и тогда присутствовавший на конференции профессор Лев Рафаилович Зиндер сказал, что в данной аудитории придерживаются иной точки зрения на статус фонемы.

В то время я ещё не могла до конца уяснить смысла триады «фонема – аллофон – фон» и понять замечания Льва Рафаиловича. Обратиться к нему не решилась, но при случае спросила Лию Васильевну, посетовав на чрезмерную сложность вопроса. Её ответ поразил меня своей простотой, образностью и запомнился навсегда: «Ничего сложного. Представьте себе корзину, в которую положено, скажем, 240 яиц, окрашенных в семь цветов радуги. Сколько будет в корзине яиц?». И сразу всё стало понятно, всё для меня как-то прояснилось в вопросе о реальности фонемы, абстрактной по сути, но репрезентирующейся в речи через аллофон и фон. Сегодня я часто вспоминаю этот эпизод, когда читаю студентам лекции по теории фонемы.

Чем больше проходит времени, тем сильнее осознаешь масштаб личности Лии Васильевны. Он был настолько велик, что остается только поблагодарить судьбу за бесценный подарок – встречу и общение с таким человеком, Человеком с большой буквы, Человеком редкой души, которой она щедро делилась с нами. Подготовить около ста кандидатов и докторов наук означает не только преданно до конца служить науке, но и отдать свою жизнь людям, Отечеству.

УДК 81'11
UDC 81'11

Жанабаева Светлана Баталовна
Международный университет информационных технологий
г. Алматы, Казахстан
Svetlana B. Zhanabaeva
International University of Information Technologies
Almaty, Republic of Kazakhstan
szhana@aim.com

ОНА ВСЕГДА В НАШЕЙ ПАМЯТИ
SHE IS ALWAYS ON OUR MINDS

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_122_122

Уважаемые коллеги, я хочу сказать несколько слов о человеке, который оставил неизгладимый след в моей жизни. Это Лия Васильевна Бондарко. Я была рядом с ней почти четыре года и не переставала удивляться многогранности ее таланта ученого и руководителя. Она внесла огромный вклад в развитие лингвистической науки, была руководителем целого направления в фонетике, автором множества научных трудов. Ее учеников можно встретить во многих точках мира.

При всей ее занятости она всегда находила время для общения с коллегами и аспирантами, умела выслушать человека, понять и поддержать. В своей работе руководителем разного уровня я всегда старалась быть похожей на Лию Васильевну в отношении к подчинённым и студентам, ответственности, внимательности как в работе, так и с теми, кто работает рядом.

Сегодня мне хотелось бы ещё раз напомнить всем об этом светлом человеке и сказать, что Лия Васильевна живёт в памяти о ней, в сердцах и делах её учеников и коллег.

УДК 81'11
UDC 81'11

Жаровская Елена Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Elena V. Zharovskaya
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
554454@inbox.ru

СЛОВНО ФИСТАШКОВАЯ РОЗА ...
LIKE A PISTACHIO ROSE ...

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_123_123

Лия Васильевна – необыкновенный человек. Все, кто когда-либо был знаком с ней, вспоминает её всю жизнь. И я имела возможность узнать её, когда проходила обучение на курсах повышения квалификации в Санкт-Петербургском государственном университете. Это было весной, и мне запомнился день рождения Лии Васильевны – 13 мая. Мы знали, что она любит розы и шли на кафедру фонетики и методики преподавания иностранных языков с букетом необычных фисташковых роз, потому что Лия Васильевна нам показалась очень необычным, приятным, жизнерадостным человеком – таким, как эти розы. Она всегда «цвела» (и все мы ощущали это необычное, какое-то неземное сияние) и шутила, была в хорошем настроении, никогда не говорила о чем-то грустном. Войдя на кафедру, мы увидели очень много разных розовых букетов (разным людям она виделась в своём цвете) и улыбки коллег Лии Васильевны. Все её любили, уважали, и атмосфера на кафедре всегда была доброй. Она хорошо понимала людей, относилась и к нам с поразительным душевным теплом. Когда на конференции я от волнения очень быстро прочитала свой доклад, Лия Васильевна улыбнулась и пошутила.

Она нам помогала, выслушивала, давала советы, доверяла настолько, что однажды она оставила нас в своём кабинете поработать с фонетическими программами на компьютере самостоятельно (хотя, казалось бы, мало ли чего эти неизвестные дамы из Благовещенска могут натворить). Занятия Лии Васильевны были настолько интересны, что мы всегда слушали её с упоением. Они проходили в её кабинете, за большим столом, где стояли маленькие, красиво цветущие растения. Она много вспоминала интересных, поучительных, неожиданных, а иногда просто милых историй из жизни, когда мы говорили об известных лингвистах и учёных. Каждый раз, когда я подмечала её задумчивый взгляд, я ощущала запах роз. В моём воображении они всегда были фисташковыми.

УДК 81'11
UDC 81'11

Лобановская Татьяна Леонидовна
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Tatiana L. Lobanovskaya
St. Petersburg State Technological Institute (technical university)
St-Petersburg, Russian Federation
tatiana0531@yahoo.com

НИ ДНЯ БЕЗ ИСТОРИЙ
A STORY A DAY

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_124_124

Мне посчастливилось быть аспиранткой кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков в период 2002–2005 гг. Это было «золотое» время во многом потому, что заведующая кафедрой – Лия Васильевна Бондарко – была необыкновенным человеком. Всегда доброжелательна и открыта и всегда терпеливо и подробно с удовольствием отвечала на любые вопросы, которых было очень много. Несмотря на колоссальную занятость, ЛВ находила время для того, чтобы практически ежегодно по просьбе преподавателей и аспирантов кафедры фонетики рассказывать об истории создания акустической теории речеобразования, о том, как Гуннар Фант, Роман Якобсон и Моррис Халле приехали на факультет повышения квалификации в МТИ и их итоговой работой была акустическая теория образования звуков. Это были незабываемые встречи. Лия Васильевна всегда рассказывала предисторию разных научных открытий и благодаря этому вся информация логически «укладывалась» в голове.

Я очень благодарна С. И. Гусевой за возможность познакомиться с Лией Васильевной и учиться у такого замечательного человека и учёного как Л. В. Бондарко. Очень-очень жаль, что её не стало так рано...

УДК 81'11
UDC 81'11

Логашёва Елена Сергеевна
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Elena S. Logasheva
St-Petersburg, Russian Federation
email: legus@mail.ru

НАШ МУДРЫЙ УЧИТЕЛЬ
OUR WISE TEACHER

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_125_125

Человек живёт столько, сколько хранится память о нём. В воспоминаниях своих учеников Лия Васильевна Бондарко остаётся не только выдающимся ученым но, прежде всего, мудрым учителем. Мы воспринимали Лию Васильевну как высочайшего профессионала, который привлекал молодых исследователей своими глубокими познаниями и увлекал за собой к новым свершениям в науке. Мы ценили Лию Васильевну как духовного наставника, способного выслушать, дать мудрый совет. Благодарные ученики навсегда сохранили в сердце память о нашем Учителе. Мы надеемся, что достойны продолжать её путь – в науке, в педагогической деятельности, в жизни.

УДК 81'11
UDC 81'11

Наумов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir V. Naumov
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation
email: vladimir_naumov@mail.ru

ЦАРИЦА **QUEEN**

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_126_126

В 1995 г. меня пригласили в Санкт-Петербург на работу. Я уже был доктором наук, профессором. В 1996 г. Лия Васильевна предложила мне поучаствовать в работе диссертационного совета, который возглавляла Л. А. Вербицкая, а её заместителем была Л. В. Бондарко. Всегда было интересно наблюдать за Л. В. Каждое заседание совета представляло собой событие. Защиты диссертаций, несмотря на тяжёлые в бытовом отношении времена, проходили регулярно и сопровождались порой занятными эпизодами, надолго остававшимися в памяти. Л. В. Бондарко, помимо всем известным качеств выдающегося лингвиста, обладала удивительным самообладанием. Попытаюсь это проиллюстрировать.

Однажды во время защиты открылась дверь и в аудиторию вошёл большой, грузный человек с тяжёлой пластиковой сумкой в сине-красную клетку. С такими сумками в лихие 90-е наши соотечественники (их называли «челноками») ездили за дешёвым ширпотребом в Турцию, Египет и другие страны. Естественно, появление этого «сумчатого» субъекта вызвало заметное оживление публики, лениво и умиротворенно следившей за накатанным ходом защиты. Усевшись на свободное место, мужчина начал доставать из сумки одну за другой книги и переправлять их членам совета, сопровождая это действие разного рода телодвижениями и шепотной речью, воспринимаемой, по крайней мере, половиной аудитории. Я внимательно следил за реакцией Л. В. Только по едва заметным мимическим движениям лица можно было предположить степень её неудовольствия, а точнее, возмущения поведением этого пришельца, оказавшегося впоследствии соискателем докторской степени, опубликовавшим монографию и решившим таким образом порадовать этим событием диссовет. Лия Васильевна не проронила ни слова. Только немой укор был виден в её глазах. Спустя несколько месяцев, отмечая на кафедре фонетики успешную защиту, я осмелился спросить у Л. В. о её состоянии в тот злополучный день. Вопрос был сформулирован примерно так: «Каково было соотношение нормативной и ненормативной лексики в Вашей внутренней речи, Лидия Васильевна?». Она улыбнулась, и последовал лаконичный ответ: «Первой не было вообще, Володя!».

УДК 81'11
UDC 81'11

Шуйская Татьяна Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatiana V. Shuiskaya
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
T.Shuiskaya@mail.ru

КОГДА ЧЕЛОВЕК НАШЁЛ СЕБЯ
WHEN A PERSON FOUND HIMSELF

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_127_127

*Быть человеком – значит не
только обладать знаниями,
но и делать для будущих поколений то,
что предшествовавшие делали для нас.*

Г. Лихтенберг

Мне посчастливилось лично познакомиться с Лией Васильевной Бондарко в 2006 г., в ту пору, когда она была заведующей кафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков. Я запомнила её как заботливого человека, и о коллегах, и о том научном направлении, которому она посвятила свою профессиональную жизнь. Лия Васильевна трепетно относилась к тому, насколько приобщены к фонетике ученые из различных регионов нашей страны. Являясь аспирантом, я чувствовала себя нужной и сопричастной чему-то значимому.

К моему удивлению, на первой нашей встрече Лия Васильевна посоветовала посетить музеи и театры Петербурга, поинтересовалась бытом, и лишь потом спросила о теме исследования. Ввиду нашей неопытности и неловкости, которая часто возникает при общении с «большим» человеком, с нами случались разные курьезные случаи, из которых Лия Васильевна позволяла нам выйти с достоинством, обратив происходящее в шутку. Моё ощущение от этого человека очень тёплое. Её отличало человеческое, женское и вместе с тем строгое отношение к себе и к людям.

Наши авторы

Абрамова Ирина Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений института иностранных языков, г. Петрозаводск, Российская Федерация, email: lapucherabr@gmail.com

Андросова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru

Бикбулатова-Освальд Эмилия, кандидат филологических наук, Висконсинский университет, г. О-Клэр, США, email: OSWALTEB@uwec.edu

Булатова Надежда Яковлевна, кандидат филологических наук, ведущий сотрудник Института лингвистических исследований Российской Академии Наук (ИЛИ РАН), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: bulatovany@gmail.com

Бурыкин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований при Российской Академии Наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: albury@rambler.ru

Гусева Светлана Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: s_guseva@mail.ru

Жанабаева Светлана Баталовна, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор Международного университета информационных технологий, г. Алматы, Казахстан, email: szhana@aim.com

Жаровская Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: 554454@inbox.ru

Кравец Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: t_kravetc@mail.ru

Лобановская Татьяна Леонидовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного технологического института, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: tatiana0531@yahoo.com

Логашёва Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: legus@mail.ru

Ляксо Елена Евгеньевна, доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии, руководитель группы по изучению детской речи Биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: lyakso@gmail.com

Макарова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Российская Федерация, email: makarovaun@mail.ru

Морозова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru

Наумов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, email: vladimir_naumov_@mail.ru

Фролова Ольга Владимировна, кандидат биологических наук, научный сотрудник кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии (группа по изучению детской речи) Биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: olchel@yandex.ru

Шуйская Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: T.Shuiskaya@mail.ru

Our authors

Irina E. Abramova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages for Humanities, Institute of Foreign Languages, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, email: lapucherabr@gmail.com

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru

Emilia Bikbulatova Oswald, PhD in Philology, University of Wisconsin, Eau Claire, U.S.A., email: OSWALTEB@uwec.edu

Nadezhda Yua. Bulatova, PhD in Philology, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: bulatovany@gmail.com

Alexis A. Burykin, Doctor of Philology, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St-Petersburg, Russian Federation, email: albury@rambler.ru

Svetlana I. Guseva, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: s_guseva@mail.ru

Svetlana B. Zhanabaeva, PhD in Philology, Associate professor, International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: szhana@aim.com

Elena V. Zharovskaya, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: 554454@inbox.ru

Tatyana V. Kravets, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: t_kravetc@mail.ru

Tatiana L. Lobanovskaya, senior teacher, Department of Foreign Languages, St. Petersburg State Technological Institute (technical university), St-Petersburg, Russian Federation, email: tatiana0531@yahoo.com

Elena S. Logasheva, PhD in Philology, St-Petersburg, Russian Federation, email: legus@mail.ru

Elena E. Lyakso, Doctor of Biology, Professor, Department of Higher Nervous Activity and Psychophysiology, the Head of child speech studies group, Faculty of Biology, St-Petersburg State University, St-Petersburg, Russian Federation, email: lyakso@gmail.com

Elena N. Makarova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Head of Business Foreign Language Department, Ural State University of Economics, email: makarovayn@mail.ru

Olga N. Morozova, PhD in Philology, Associate professor, the Head of the Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru

Vladimir V. Naumov, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St-Petersburg, Russian Federation, email: vladimir_naumov_@mail.ru

Olga V. Frolova, PhD in Biology, researcher, Department of Higher Nervous Activity and Psychophysiology (child speech studies group), Faculty of Biology, St-Petersburg State University, St-Petersburg, Russian Federation, email: olchel@yandex.ru

Tatiana V. Shuiskaya, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: T.Shuiskaya@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Булатова Н. Я.</i>	Языковые процессы в эпоху общественных трансформаций (на материале эвенкийского языка)	5
<i>Ляко Е. Е., Фролова О. В.,</i>	Анализ текстов речи «взрослый – ребёнок», «взрослый – взрослый» при нормативном и атипичном развитии информантов	20
<i>Макарова Е. Н.</i>	Коммуникативная организация высказывания: основные аспекты изучения	48
<i>Морозова О. Н., Кравец Т. В., Андросова С. В.</i>	Коллективный речевой портрет селемджинских эвенков (фонетический аспект)	58
<i>Шуйская Т. В.</i>	Элизия и эллипсис в речи детей трёх лет	104

Memoria

<i>Абрамова И. Е.</i>	Человек, которого невозможно забыть	114
<i>Бикбулатова-Освальд Э.</i>	Мой учитель – Лидия (Лия) Васильевна Бондарко	115
<i>Бурыкин А. А.</i>	Что же такое «читать»?	118
<i>Гусева С. И.</i>	Просто о сложных вещах	121
<i>Жанабаева С. Б.</i>	Она всегда в нашей памяти	122
<i>Жаровская Е. В.</i>	Словно фисташковая роза ...	123

<i>Лобановская Т. Л.</i>	Ни дня без историй	124
<i>Логашёва Е. С.</i>	Наш мудрый учитель	125
<i>Наумов В. В.</i>	Царица	126
<i>Шуйская Т. В.</i>	Когда человек нашёл себя	127
<i>Информация об авторах</i>		128

CONTENTS

Original papers

<i>Bulatova N. Ya.</i>	Linguistic processes in the era of community transformation (Based on the Evenki language)	5
<i>Lyakso E. E., Frolova O. V.,</i>	Analysis of «adult-child» and «adult-adult» speech texts produced by informants with typical and atypical development	20
<i>Makarova E. N.</i>	Communicative structure of the utterance: The main aspects of studying	48
<i>Morozova O. N., Kravets T. V., Androsova S. V.</i>	Collective portrait of Selemdzha Evenks' speech (Phonetic aspect)	58
<i>Shuiskaya T. V.</i>	General description of the Orochon language in China	104

Memoria

<i>Abramova I. E.</i>	A person impossible to forget	114
<i>Bikbulatova Oswalt E.</i>	My teacher – Lidia (Lia) Vasilievna Bondarko	115
<i>Burykin A. A.</i>	What does it mean «to read»?	118
<i>Guseva S. I.</i>	Simple ways to talk about complicated issues	121
<i>Zhanabaeva S. B.</i>	She is always on our minds	122
<i>Zharovskaya E. V.</i>	Like a pistachio rose ...	123

<i>Lobanovskaya T. L.</i>	A story a day	124
<i>Logasheva E. S.</i>	Our wise teacher	125
<i>Naumov V. V.</i>	Queen	126
<i>Shuiskaya T. V.</i>	When a person found himself	127
<i>Our authors</i>		128

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 3, No 2, 2017.
Издательство АмГУ.

Подписано к печати 25.07.17. Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,34. Тираж 500. Заказ 814.
Отпечатано в типографии АмГУ.